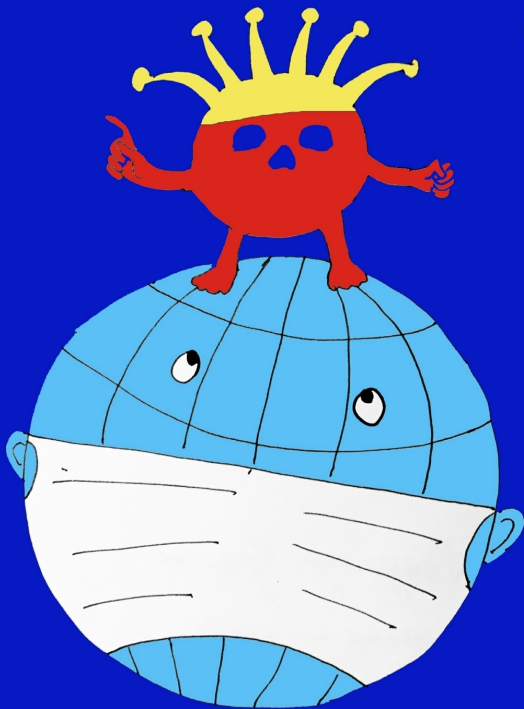

16+

Сергей Прокопьев

**КОГДА НА ПЛАНЕТЕ
КОРОНАВИРУСНЯ**

Сергей Николаевич Прокопьев

Когда на планете коронавирусня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56532239

SelfPub; 2020

Аннотация

В книге «Когда на планете коронавирусня» собраны повести Сергея Прокопьева, которые пусть и не сосредоточены полностью на времени, проходящим под знаком коронавируса, но так или иначе касаются его. В какой-то момент их герои, немало прожив на белом свете без пандемий, вдруг оказываются в эпохе, пугающей неясностями, недосказанностью, непредсказуемостью. Земной шар судорожно съёживается перед простейшей формой жизни – микрочастицей. Суетятся журналисты и блогеры – столько жареного, суетятся политики, им война – мать родна, надо набирать баллы в вечной гонке наверх, суетятся те, кто стремится наварить на ситуации деньги, а человек, от которого мало что зависит, выбит из привычной колеи, запуган телевидением, чиновниками, медиками. Остановлены предприятия, закрыты кинотеатры, к ним приравнены церкви (вирус выше Бога), запрещено посещать кладбища в родительский день. Что это? Кто-то грустно сказал: не знал, что на третьей мировой войне меня заставят сидеть дома.

Содержание

Когда на планете коронавируса	5
Первое лирическое отступление	5
Котишка Тишка	9
Первое коронавирусное отступление	21
Каша из топора	24
Второе коронавирусное отступление	34
В Алма-Ату за пивом	36
Третье коронавирусное отступление	52
Теорема Ферма и камбала	53
Второе лирическое отступление	59
Иваныч	62
Третье лирическое отступление	69
По долинам и по горкам	71
Четвёртое лирическое отступление	95
Чемодан на горной тропе	97
Коллекционные шляпы	103
Четвёртое коронавирусное отступление	111
Нетрадиционные восхождения	113
Пятое коронавирусное отступление	124
Клуб любителей девушки из Помельцево	126
Пятое лирическое отступление	140
Радоница по-коронавирусски	146
Четыре благодарности Сталина	164

Парад Победы сорок пятого	164
Два раза не умирать	166
На фронт	171
Евангелие и мина	174
Сеня Гоч	180
Похоронка	187
После Парада Победы	191
Корреспондент Додошкин	197
Свеча памяти	201
Маша-Маша – чудо наше	207
Кому за девяносто	207
Мама	214
Заикание	220
Рыбный техникум	232
Волк	240
Братья Миша да Саша	243
Сон	250
Коронавирусная дурота	255

Когда на планете коронавируса

Первое лирическое отступление

Мои читатели знают повесть «От Камбоджи до Камчатки оставляем отпечатки». Герой её – Саша Ройтер. В этой повести речь пойдёт об институтских годах его родного старшего брата Анатолия. Я бы мог изменить фамилию, так как нижеследующее повествование никак не касается младшего брата. Но, подумав, решил не делать этого, а идти за правдой жизни, вдруг на каком-нибудь писательском витке вернуться к этим двум замечательным братьям.

Институтская группа Толи Ройтера отличалась интеллектом и сплочённостью. Выпустились они из Новосибирского электротехнического института связи (НЭИС) в 1973 году, и каждые пять лет собирались на встречи. Как и положено, съехались, слетелись в Новосибирске в 2018 году, отметили сорокапятилетие выпуска, расставаясь, договорились встретиться на полувековом юбилее – 2023-м. Но в январе 2020 года москвич Витя Айвазовский выступил с идеей собраться не в круглую дату, а раньше – в 2020-м. У него, Вити, как раз семидесятилетие. И он никого, кроме институтских друзей, не хочет видеть на нём. Ушли в прошлое все производственные обязанности и связанные с ними обязательства,

Витя вольная птица, как хочет, так и празднует свой юбилей. Посему как бы хорошо в середине мая собраться, и по случаю выпуска, и по случаю его, Витиною, юбилея. Отметить встречу. И по-семейному отпраздновать 70-летие.

«Друзи, – писал Витя, – помните, как праздновали моё двадцатилетие в общежитии. Вермутом и портвейном! Жаль, семидесятилетие не можем отметить в 512-й комнате, зато в родном Новосибирске можем!»

Мгновенно откликнулся на предложение Серёга Фурманов. Ему тоже семьдесят в мае. Разница в один день с Айвазовским. Почти у всех 2020-й был юбилейным. Вся группа «классиков» (почему «классиков», скажем ниже) одного призыва, семнадцатилетними пришли в институт. Тот же Толя Ройтер. Ему 15 июня 2020-го исполнялось семьдесят.

Это кажется, что семьдесят лет – ого-го-го-го сколько. В двадцать лет, думается, столько не живут, в тридцать – это ведь немислимо много, в пятьдесят – много. А если тебе семьдесят наступает на пятки, понимаешь – наконец-то наступила пора настоящей жизни. Не надо вскакивать утром по будильнику с квадратными глазами, не надо бежать сломя голову на службу, суется, что-то кому-то доказывать, под кого-то подстраиваться, слушать с умным видом всякую чушь. Можно выйти босым на крылечко, сесть на ступеньку, подставить лицо солнечным лучам и сказать: как хорошо на белом свете!

Толя Ройтер в шестьдесят пять лет окончательно ушёл на

пенсию и начал активно кататься на горных лыжах. Президент Путин после шестидесяти завязал вставать на горные лыжи, Толя наоборот – вошёл во вкус. Так вошёл, что лыжи не успевают пылью в кладовке покрыться – с ноября по апрель в деле. Он в Сочи съездит, по олимпийским трассам поносится, и в Красноярск, с саянских круч полетает, и в Альпах отметится Итальянских и Швейцарских (что мы – плохо живём или мало кому должны!), в Горной Шории в Шерегеше – это обязательно. В Шерегеш в иную зиму успевает три раза съездить. В Новый год, потом с братом Шурой и компанией омичей (именующей себя «шерегешнутые») в бархатный сезон – в марте, а в апреле – на закрытие сезона. Толя ещё и фотограф, а в апреле благодать для его объектива – неистовое солнце, ослепительно белый снег и флэш-моб – катание в купальниках. Представляете, какое раздолье для фотографа – сотни девушек на лыжах в бикини. Толя и летом не грустит в ожидании снега и мороза, с друзьями такими же возрастными туристами сплавляется по горным рекам на плотках. Пусть не сверхсложные маршруты покоряют, это осталось в амбициозной юности, но тоже поработать надо – рюкзак килограммов в тридцать до речки дотащить, да и на речке прислуги нет, всё самому приходится делать.

Вот и думай: семьдесят лет много или нет?

Не сидит Толя на завалинке.

Не все из их группы дожили до этого возраста. Не все. Поэтому Витин призыв, мгновенно поддержанный Серёгой,

был воспринят с энтузиазмом. Толя следом за Серёгой написал в ватсапе:

– Надо собраться!

– У меня тоже юбилей в мае, – написал Аркаша Чехов. – Мой тоже отметим.

– Мой пусть в июне, – подал реплику Толя, – но кто празднику рад – накануне пьян!

Серёга создал в ватсапе группу под названием «Май-2020-НЭИС», включил туда всех. Началась переписка. Полетели в группу студенческие фотографии из личных архивов.

– Слушай, Толя, – написал Серёга Фурманов, – интересно, а тётка Оля жива?

– Ты ещё спроси про кота Тишку?

– Кот явно окочурился.

– Нам в 1967-м было по семнадцать, а ей под шестьдесят. Ей сто с длинным хвостиком сейчас, если жива...

– Обидели тётку Олю тогда.

– Не без того...

Котишка Тишка

В школьные годы у Толи Ройтера было три закадычных друга. Учились в одном классе, вместе занимались спортом, мечтали о будущем. Двое бредили небом, нацелились после десятого класса в военные лётчики, третий мечтал строить новые города – надумал идти в архитекторы. Толе было всё равно. Хотя нет – тоже был продуктом своей эпохи. Месяц какой-то отучился в первом классе – в космос запустили первый спутник. Все вокруг заговорили о межконтинентальных ракетах и спутниках. Дальше больше, во втором классе – первый полет космического аппарата к луне, в четвёртом в апреле бегали по школе с криками: «Гагарин в космосе!» А потом в космос полетели Герман Титов, Андриан Николаев, Павел Попович, Валерий Быковский, Валентина Терешкова, Владимир Комаров, Павел Беляев, Алексей Леонов. Всех космонавтов мальчишки знали в лицо по портретам, которые печатали газеты и журналы, знали даты их полётов на космических кораблях в околоземном пространстве. Поэтому, когда друг Валера собрался в Новосибирск учиться на архитектора, Толя решил составить ему компанию. В справочнике для поступающих в вузы выбрал Новосибирский электротехнический институт, факультет летательных аппаратов. Вот она дорога в небесные дали, космические выси!

Вступительные экзамены проходили в августе. В конце

июля друзья собрались в дорогу. Было и радостно, и чуток тревожно, что там впереди. Доехали на автобусе до Омска, дальше ночь на поезде и вот он Новосибирск. Ни разу деревенские парни в столице Сибири не были, местоположение институтов – Сибирского строительного и Новосибирского электротехнического – не знали. В те далёкие советские времена работала в каждом городе «Горсправка». Друзья нашли на вокзальной площади будочку данной организации. Первым обратился за нужным адресом Валера. Приветливая служащая объяснила, что автобусом номер два следует доехать до остановки «Гурьевская», а там рукой подать до искомого адреса. Толя спросил про свой электротехнический институт.

– Да это недалеко от Сибстрина, – сказала из будочки женщина, – можно до той же «Гурьевской».

Друзья обрадовались, рядом учиться. Вместе пошли сдавать документы Валеры, а потом двинулись определяться с будущим Ройтера. Настроение у обоих было приподнятое. Вокруг колготились ровесники, вчерашние выпускники школ. Нашли указанный в «Горсправке» адрес. Толя, пройдя вдоль столов приёмной комиссии, впал в растерянность, – факультета летательных аппаратов не обнаружил. Дабы прояснить ситуацию, обратился к симпатичной девушке, сидящей за одним из столов. Девушка была кудрявая, улыбчивая, весёлая – само обаяние. Принялась разъяснять Толе, что в Новосибирске имеется электротехнический институт, а ещё

– электротехнический институт связи, в коем он находится в настоящее время. И это есть очень даже хорошо! Ему более чем повезло. Судьба привела в один из лучших институтов связи Советского Союза, которых всего ничего по стране, а значит что?

– Что? – глядя на девушку спросил Толя.

– А то, – ответила, светясь улыбкой, – специалисты нашего профиля нарасхват. Не раздумывайте, сдавайте документы и поступайте к нам. Будете всю жизнь вспоминать мои слова и благодарить!

Обаятельную девушку не зря посадили в приёмную комиссию. Говорила напористо, уверенно. Умела красиво убеждать.

И Валера внёс веское слово:

– Поступай сюда, рядом будем учиться.

Толя колебался какую-то минуту.

Отец его, Иван Христианович Ройтер, был связистом в Родной Долине. Даже построил в своём саду новое здание узла связи. В пятидесятые годы деревня стала активно строиться. Каждое лето прирастала новыми домами. Хорошела деревня, а узел связи находился в допотопной мазанке довоенной постройки. Иван Ройтер решил: негоже учреждению, которое соединяет деревню со всем миром (приносит в дома новости и песни, музыку и театральные постановки) ютиться в неподобающем здании. После войны он заложил у своего дома и взлелеял большущий яблоневый сад. Росла в

нём и другие культуры: малина, смородина, крыжовник, но главное – яблони. Весной сад накрывало кипящее белизной облако, на его крыльях сад вплывал в лето. Летний он был красив и под лучами утреннего солнца, играющего светом у подножия деревьев, и в жаркий полдень тенистыми уголками, и на закате, когда вбирал в себя вечернюю тишину. Под деревьями стоял большой стол, вместительный как для сидящих за ним, так и для тарелок с яствами. Нередко собирал он вокруг себя весёлые компании гостей.

В один год хозяин сада решительно пожертвовал его частью под новый узел связи. Кинул клич односельчанам – строим. В деревне было принято возводить дома совместными усилиями. Целые улицы так поднимались. Летом в выходной день соберётся деревня на месте будущего дома, закипит работа. Кто-то стены из саманного кирпича кладет, другие брёвна на доски распускают. Пилорамы в деревне не было. Ставились высоченные козлы, на них зажималось бревно. Один мужик сверху на козлы становился, другой под ними, и давай двуручной пилой водить вверх-вниз... По этой схеме узел связи возводили всем миром. Иван Ройтер не только в хитростях радиосвязи разбирался, много что умел делать, а уж топор играл в его руках. Районное начальство идею нового узла связи поддержало, тем более Ройтер денег не просил, он сам вложил в строительство. Колхоз не отказывался помогать, но на ту пору хозяйство испытывало экономические трудности, Ройтер не стал ждать лучших финансовых

времён, отдал свои накопления, жена учителем хорошо зарабатывала. Чем помогло районное начальство связи, разрешило использовать старые столбы на половую доску, стропила. Узел связи возвели в два этажа, с балконом, который поддерживали мощные листовые колонны.

«Ладно, буду связистом, как папа», – решил Толя и сдал документы очаровательной девушке.

– Спасибо ей! – говорит Толя. – Никогда не жалел, что окончил НЭИС.

Он поступил, а Валера завалил экзамен, рядом друзьям учиться не довелось.

Мест в общежитие на всех студентов не хватало. На первом курсе Толя Ройтер познавал радости жизни по квартирным углам. Сдавая вступительные экзамены, познакомился с Серёгой Фурмановым, приехавшим в Новосибирск с восточных окраин нашей Родины – Петропавловска-Камчатского. Ему подвернулся отличный вариант жилья в доме, расположенном в смешных шагах от института, будильник можно ставить за пять минут до начала лекции. Улицу перебежал и ты в аудитории, просыпайся и впитывай знания, внимая лектору. Никакой транспортной усталости от давки в автобусах и трамваях. Метро ещё не было в Новосибирске.

Апартаменты представляли двухкомнатную квартиру, комната площадью восемнадцать квадратных метров была отведена в распоряжение студентов. Хозяйка жилплощади – тётка Оля – пенсионерка, лет этак пятидесяти семи, полная

деятельных сил. На лавочке перед подъездом с бабульками не сидела, работала сторожем в детском саду, а доброту своего сердца отдавала коту Тишке. Мужа пять лет назад похоронила, детей Бог не дал, зато имелся – Тишка. Был он красавцем. Шерсть пушистая, чёрно-бурого медвежьего цвета с отливом. На кончиках ушей кисточки, как у рыси, глаза умные и наглые. Характер имел вредный. Не сказать, что враждовал с Толей и Серёгой, но недолюбливал, они ограничивали его жизненное пространство, не пуская в свою комнату. Страшно не любил закрытые двери. По утрам рвался к студентам, не давая квартирантам спать.

Тётка Оля обожала любимца до невозможности. Сам за себя говорит факт: было дело, тётка Оля мышку коту поймала. Об этом интимном факте широко не распространялась, по большому секрету посвятила в него соседка по лестничной площадке тётя Лиза. Щедрая душа, она принимала участие в судьбе наших студентов, подкармливая их пирожками собственного приготовления. Пирожки пекла с картошкой, мясом или капустой, и обязательно приносила тарелку, из расчёта по три штуке на каждого, Серёге с Толей. Тёти Лизину стряпню ели они с большой охотой – не отказывались. Тётя Лиза поведала про то, как тётка Оля прочитала в книжке, что самое полезное для кошки питание – это мышка. В ней содержатся все необходимые микроэлементы для гармоничного развития Мурок, Васей и Кисок. То бишь, в природе всё рационально: если ты кошка, лови мышку.

Тётка Оля очень хотела, чтобы Тишка развивался в полной гармонии, и отправилась на мышиную охоту. В детском садике, который охраняла тётка Оля от посторонних посягательств, водились эти полезные для кошек грызуны. Мышеловку с пружиной и ударным механизмом охотник отмел в качестве орудия охоты, как дающую неживой трофей. Тётке Оле нужна была мышь в полном здравии, посему приспособила литровую банку в качестве ловушки. И поймала зверя. Принесла Тишке, с замиранием сердца выпустила перед носом любимца, мышь попыталась улизнуть под диван, но кот, который в жизни не видел подобного зверя, одним прыжком настиг его, мастерски придушил и бросил под ноги хозяйке. Не стал употреблять в пищу комплекс витаминов, микроэлементов и других ингредиентов, полезных для гармоничного развития кошачьего организма. Зря тётка Оля ночь сидела в засаде с настороженной на зверя банкой-ловушкой. Любил Тишка курицу, говяжий, домашнего приготовления фарш, из колбас ел одну докторскую. Была у Тишки губа не дура.

Время от времени тётка Оля поила Тишку валерьянкой. Эта картина заслуживала внимания. В каком бы углу квартиры Тишка не находился, летел на кухню в предвкушении кайфа, стоило тётке Оле открыть аптечку с заветной бутылочкой. Мог снести любого, кто оказывался на пути. На кухне ходил в нетерпении кругами вокруг хозяйки и орал. В переводе с кошачьего это значило: не томи душу – наливай! Тётка Оля отталкивая кота, боясь, как бы он не запрыгнул

ей на грудь, наполняя запашистой жидкостью ложку. Затем склонялась к Тишке, тот, шуруя со страшной скоростью языком, в мгновение ока опустошал ложку. После чего с блаженной мордой уходил в комнату и разваливался на диване.

– Тётя Оля, у него нет алкогольной зависимости? – с серьёзным видом спрашивал Серёга! – Валерьянка на семьдесят процентов из спирта состоит!

– Тиша норму знает! – с гордостью за своего воспитанного кота отвечала тётка Оля.

С вселением к тётке Оле Серёги с Толей, открылась ещё одна страсть у кота – красная икра. Серёге раз в месяц с островной Камчатки приходила посылка с рыбными деликатесами. Мало того, Камчатка была рыбным Клондайком Советского Союза, Серёгины родители работали не последними людьми в рыбной отрасли края. Кета или горбуша, кижуч или чавыча, копчёная рыба, солёная. Деликатесы укладывались в фанерный ящик, предварительно упакованные на десять рядов, чтобы никаких рыбных запахов не проникало наружу. Но кот чуял желанное через фанеру, бумагу, кальку, ткань. Завидев посылку, начинал ходить винтом: требовательно мяукал, тёрся о Серёгу. Не так прельщали его чавыча или кета, хотя тоже употреблял, в посылке обязательно находилась укутанная в бумагу и толстый слой марли пол-литровая банка красной икры. Вот на что западал Тиша. Обо-жал пусть и не больше аптечной валерьянки, но и не намного меньше. Казалось бы, икра солёная, нет – трескал за милую

душу.

Тётка Оля была счастлива, глядя, с каким аппетитом любимец пожирает икру.

– Вы сами-то ешьте, – угощал Серёга.

– Да мне чё, пусть Тиша кушает.

Свою долю отдавала коту, тот без зазрения совести обжирал хозяйку.

В тот вечер Серёга принёс посылку, а тётка Оля ушла на дежурство. Устраивая рыбный пир, друзья единогласно постановили: к рыбе нужно сто граммов. Тётки Оли нет, можно позволить себе под царскую закуску выпить пролетарской водки. Купили поллитровку, накрыли стол. Тишка тоже участвовал в трапезе, получал свою порцию икры, урча от удовольствия, съедал, с довольной мордой отходил переварить. Затем снова тёрся о ногу Серёги.

– Слушай Тишка, ты ешь икру, как пирожное! – сказал Серёга. – Не противно? Нужно сначала треснуть водочки.

– Может, валерьянки ему? – предложил Толя.

– Зачем эту гадость! Слушай, Тишка, тресни с нами водочки!

И Серёга налил в столовую ложку водку. Попытался поднести к носу Тишке, тот отпрянул. Серёгу реакция кота не смутила, он безжалостно сгрёб кота в охапку, начал силком вливать водку в зубастую морду. Тишка «трескаться» отвратно пахнувший напиток не хотел, до крови поцарапал Серёге руку. Однако не остановил кровавой раной Серёгу, тот до-

вёл задуманное до конца, влил в глотку кота ложку сорокоградусной. Тишка мотнул головой и залез под диван. Даже закусывать икрой не стал.

– Ну, ты и изверг, – осудил Толя друга.

– Он ещё счастья своего не знает, – сказал Серёга.

Самое забавное, Серёга оказался прав. Вскоре Тишка выполз из-под дивана и начал ластиться к Серёге, тереться о его ногу. Вовсе не икру просил, к ней интерес потерял. Следующую ложку водки Тишка принял без сопротивления и когтей, сам вылакал до капли. И ещё пару раз подходил за добавкой. Только что песни не начал петь

– Совесть надо иметь! – хохотал Серёга. – Закусывай, а то наклюкаешься!

Тишка не послушался опытного Серёги и наклюкался.

Утром друзья проснулись от громких причитаний тётки Оли. Она стенала над котом:

– Тиша, что с тобой?

Кот лежал пластом. Умирал. Его всегда холёная пышная шерсть, которую едва не каждый день вычёсывала хозяйка, выглядела свалывшейся куделей... Ни лоска, ни блеска, ни красоты.

Не оклемался кот к вечеру, когда Серёга с Толей вернулись из института.

– Даже валерьянку не хочет, – жаловалась на недуг любимца тётка Оля. – Не знаю, что и делать?

Друзья помалкивали о причинах недомогания кота. Тиш-

ка пришёл в себя к вечеру следующего дня.

И всё бы ничего, кабы Серёга не проболтался тётке Лизе под строжайшим секретом. Та принесла пирожки, тётка Оля опять ушла на дежурство, Серёга уминая пирожок, расслабился и проболтался.

– Тиша, ты зачем так напугал хозяйку? – спросила кота тётя Лиза.

Серёга возьми и скажи про Тишкину страсть к алкоголю.

На следующий вечер, тётка Оля встретила вечером студентов суровым:

– Так, друзья хорошие, мне такие квартиранты, которые изгаляются над слабыми животными, не с руки. Я к вам, как к сыновьям, а вы удумали кота спаивать! Да где это видано, чтобы бессловесную тварь силком приучать к выпивке...

Серёга пытался просить прощения, дескать, бес попутал. Ничего не помогло – тётка Оля была непреклонна.

– Вы не дети малые, – гвоздила квартирантов, – понимать должны, кот животное нежное, хрупкое, а вы его алкашом подзаборным делаете.

– Мы думали, раз валерьянку употребляет, ему и пятнадцать капель не повредит.

– Ты не равняй лекарство с алкоголем! Всё – съезжайте!

– Подождите хоть недельку, – слёзно просил Толя, – жильё найти!

– Дня лишнего видеть не желаю. Чтобы утром духу вашего не было.

Пришлось собирать чемоданы. Дней десять жили друзья нелегальщиками в общежитие, потом нашли полдома в частном секторе. С печкой, углем, водой с колонки...

Первое коронавирусное отступление

Первый звонок прозвенел в марте, когда Толя Ройтер с братом Шурой и компанией омичей, именующей себя «шерегешнутые», катался в Шерегеше. Днём носились с «Доллара», «Мустага», «Булочки», «Лба», а вечером шли в баню всей компанией. Пиво, гитара, горячий берёзовый веник. Пели песни, вспоминали забавные случаи из не короткой жизни...

А утром снова на гору, где согласно песни Юрия Визбора:

Там где лыжники
летят по снегу,
где неистовое солнце
о щеку красотки трётся щекой...

Было солнце, величественные пихты Горной Шории, которым безразлично из какого крутого склона произрастать, всё одно тянутся сугубо вертикально в небо. Мимо них носились на лыжах и досках в ярких костюмах красотки, щёчки коих тонировало загаром неистовое мартовское солнце. Шерегешнутые друзья-омичи не отставали от красоток. Не в плане – гонялись за ними, как и те наслаждались скоростным скольжением по снежным склонам. Со свистом в ушах, тугим ветром в лицо.

В то утро, прокатившись раза по три, размявшись, собрались на горе с кондитерским названием Булочка глинтвейн попить. Пьют глинтвейн, вспоминают вчерашние посиделки в бане и тут Шура Ройтер получает от своего шефа эсэмэску: «Александр Иванович, ты смотри, не попади в карантин».

Это прозвучало в середине марта весело и несерьёзно. Какой такой карантин в мирное время. Но, оказывается, время уже было не мирным. Толя вечером получил эсэмэску от жены: «В Омске в магазинах смели гречку и туалетную бумагу. В два дня». Когда-то люди запасались на чёрный день мукой, солью и спичками. Огонь в очаге поддерживать, хлеб испечь, похлёбку посолить. Но чтобы гречкой и туалетной бумагой обеспечивать себя в первую очередь. Новое время – новые песни.

На первом этапе кашель выдавался знатоками за явный симптом коронавируса, тут же посыпались анекдоты «с кашлем».

– Жена ночью кашлянула, у меня вся жизнь перед глазами пролетела.

В автобусе на кашель соседа женщина в испуге округлила глаза:

- У вас что – коронавирус?
- Да нет, открытая форма туберкулёза.
- Слава Богу.

Народ нервно резвился, предлагал ввести новую статью в

Уголовный кодекс: «Фраза: “Чихал я на тебя”, – приравнивается к покушению на убийство».

Из мило простеньких анекдотов на данную тему: «Парашютист, который не надел парашюта, умер от диагноза “коронавирус”».

На первом этапе особо популярными оставались два направления коронавирусного юмора и сатиры – маски и профилактика «короны» при помощи водки и самогона. Маски предлагались из трусов, носок, футболок, и даже пэтбутылок с завинчивающимися крышками в районе рта. Открутил, выпил сто граммов из узкой длинной колбочки, маленьким огурчиком закусил – и никакая корона не страшна.

Серёга Фурманов взял на себя обязанность веселить группу «Май-2020-НЭИС», каких только роликов с «коронавирусной» (так окрестил явление) не размещал. Попутно серьёзным делом занимался: агитировал на встречу в Новосибирске. Самым сложным случаем оказался Петя Волков.

– Пропал, как сквозь землю, – докладывал Серёга Толе Ройтеру.

– Петя ещё тот кадр, – соглашался Толя. – После диплома исчез, ни разу на встречи не приезжал.

– Петю надо разыскать живого или не очень! – говорил Серёга. – Прикинь, не будь этого пазла в нашей институтской жизни, она бы процентов на пятьдесят поблекла.

– Петя ни отнять ни прибавить пазл! Помнишь «Кашу из топора»?

Каша из топора

Толя Ройтер с Серёгой Фурмановым пребывали в тоске. В 512-й комнате общежития кроме них никого не было, а они одетыми лежали на кроватях, безучастно разглядывая потолок, который пора бы давно побелить. День был воскресный. То бишь – никаких лекций, лабораторных, практических занятий, студент должен все силы бросить на самостоятельную работу, к примеру, курсовой проект делать. Кто-то на самом деле сидел в библиотеке, обложившись учебниками, кто-то в институте производил расчёты, чертил схемы, были и такие, кто не утруждал себя, считая: воскресенье – не зря выходной, надо отдыхать. Можно с большим уважением относиться к студентам из первой категории и с осуждением – ко вторым. Хотя жизнь показывает, вторые нередко в профессии достигают не меньше первых, а то и опережают.

Тоска у Толи с Серёгой объяснялась просто. До стипендии оставалось пару дней. Денег ни у того, ни у другого ни копейки. Не рассчитали финансовые средства. С пустым желудком не до курсового. Серёга с Толей ждали товарищей по 512-й в надежде, хлеба на ужин к чаю принесут. О чём-то вещало радио, а друзья лежали и ничего интереснее не придумали, как завели разговор о вкусах.

– Ты бы знал, – сказал Серёга, – что за объеденье морские петушки. Вот говорят: крабы, креветки! Не верь, вкуснее пе-

тушков ничего нет из морепродуктов. У меня дядя полковник в части, где морской подводный спецназ. Бывало, привезёт петушков, которых бойцы несколько часов назад со дна подняли. Вот это вещь!

– Серёга, ты меня извини, – перебил Толя, но петушки, икра – это всё баловство. Будешь ты их есть каждый день? Нет, конечно! Рассольник моей мамы я ел бы каждый день. Варила его в воскресенье, в будни некогда – школьный учитель, в выходной мы ждали всей семьёй. Настоящий рассольник, Серёга, не из мяса варится – из почек. А в бульон добавляется рассол огуречный. Огурцы, само собой, солёные. Какой рассольник без огурцов. И в русской печке. Вот это, скажу тебе, вещь! Сейчас тарелочку размером с тазик умял бы и ещё добавки попросил!

– Толя, ну ты изверг. Нам сейчас какую-нибудь кашу и то бы класс. А ты – рассольник.

– Если только из топора? – сказал Толя. – В конце концов, варил солдат из топора в классической русской сказке. Мы студенты, чем хуже?

– Топор у нас есть, – глубокомысленно произнёс Серёга. – А вот чугунок нет!

– Зато кастрюля имеется! – развил народно-сказочную тему Толя. – В ней не из топора, из бензопилы можно варить.

Алюминиевая кастрюля объёмом в ведро стояла на антресолях шкафа. Она предназначалась для походов. Там же на антресолях валялся туристский топорик. Не таких размеров,

как у солдата, варившего кашу, входил в кастрюлю вместе с топорищем.

Дальше началось сказочное действо: Серёга вскочил с кровати, поставил к шкафу стул, достал кастрюлю и топорик.

– Варим! – прыгнул со стула.

– Варим! – безоговорочно поддержал товарища Толя.

Он достал из-под кровати электроплитку, наполнил кастрюлю водой, поставил на конфорку.

– Топор в холодную воду опускать? – уточнил рецепт каши Толя.

– Солдат заливал холодной, – уверенно сказал Серёга.

Толя заложил топор в кастрюлю, закрыл крышкой.

– Только не пересоли, – предупредил Серёга. Он наемкнул на картошку, которую Толя жарил на днях и посолил два раза.

Петя Волков вошёл в 512-ю, когда каша варилась полным ходом. Ниже среднего роста, нехилый в плечах, нос картошкой, маленькие острые глазки, белобрысый он за знаниями в Новосибирск приехал из деревни. В те времена бытовала на радио песня: «Деревенька моя, деревянная дальняя». Были в ней ещё и такие слова: «Родная моя, деревенька-колхозница». Песня точь в точь про Петину родину. И деревянная, и колхозница, и дальняя. Но учили в «колхознице» подрастающее поколение основательно. Петя без проблем сдал вступительные экзамены в институт, без потерь прошёл сито первых сессий, прочно утвердился в статусе студента. От-

личался он цепким умом, упрямством и угрюмой прижжимистостью.

– Что ж вы хотите, – объяснял свою скаредность Петя, – во мне течёт не голубая дворянская кровь, а примитивно крестьянская. А мы, крестьяне, люди расчётливые.

В институтской общаге едва не каждое второе сердце гоняло крестьянскую кровь, но у Пети была она чересчур сдобрена дрожжами расчётливости. Петя не то, что слишком любил деньги, он страшно не любил с ними расставаться. Отсюда был не прочь задарма поесть, выпить. Понимал в себе эту не поощряемую окружающими черту, старался скрыть, да натура брала своё. К «крестьянской» слабости Пети относились кто с осуждением, кто с сочувствием, кто с юмором.

Петя не был один к одному с известным персонажем поэмы Пушкина «Скупой рыцарь», вносил свою долю в общежитский колхоз. После зимних каникул обязательно привозил из «деревянной» своей деревни гуся, его ели всем этажом, рюкзак картошки, шмат сала площадью в квадратный метр. Бывало, с оказией присылали Пети родители добрый кусок мяса. И тогда Петя был на коне, вооружался кухонным ножом:

– Мужики, – отдавал команду, – с вас керосин, а я жаркое забодяжу из свежинки.

«Керосин» в переводе со студенческого жаргона – спиртное.

Петя, не жалея мяса, картошки, лука, моркови и «забодя-

живал» огромную сковороду жаркого, устраивал объедаловку.

И всё же Петя был уникам.

Напомним, студенчество наших героев пришлось на конец шестидесятых годов прошлого века, начало семидесятых. Советская торговля не предлагала широкого разнообразия табачных изделий. Лучшими сигаретами считались болгарские с фильтром: «Ту-134», «Стюардесса», «Опал». На прилавках они не залёживались, тут же сметались заядлыми курильщиками. Зато постоянно была в наличии «Шипка», тоже болгарские, но без фильтра и цена доступнее – четырнадцать копеек. Отечественная табачная промышленность в больших объёмах выпускала термоядерные «Прима» и «Астра». Для профессионалов. Покурил, так покурил. Особая статья табачного рынка – вьетнамские сигареты. Торговля предлагала их несколько видов, какой ни возьми – откровенная гадость. Не исключено, вьетнамцам в непроходимых джунглях в условиях войны с Соединёнными Штатами вполне подходили. Сибиряки плевались, попробовав табачное изделие, выпущенное братским народом. Замечательный вьетнамский бальзам «Звёздочка», стоило втереть его в виски, помогал при головной боли, вьетнамские сигареты вызывали эту боль. Не зря в народе называли их «Портянки Хо Ши Мина», или просто «Портянки» в честь первого президента Демократической республики Вьетнам – того самого Хо Ши Мина.

Петя Волков курил исключительно «Портянки». И не из-за солидарности с многострадальным Вьетнамом в его войне не на жизнь, а на смерть с американцами. Он оставался всем сердцем на стороне героического народа, но курил его сигареты по той простой причине, никто не стрелял их. Петя мог совершенно спокойно достать сигарету, чиркнуть спичкой и наслаждаться процессом вдыхания и выдыхания никотина, никто не мешал, не портил сладких минут, так понятных заядлому курильщику. А если кто и делал шаг в сторону Пети с извечной просьбой «дай закурить», тут же отпрыгивал, увидев источник сигаретного дыма. Даже мучимые никотиновой жадой не западали на вьетнамский табак.

Была ещё одна особенность у Пети – мастерски играл в шахматы. И здесь проявился крестьянский подход с его тягой к рациональности. Петя был мастером эндшпилей. В его «деревне-колхозницы» не было шахматной школы. Петя своим умом постигал премудрости древней игры. Изучая теорию, он сделал упор на концовки партий. В пионерской юности он где-то вычитал: каждый интеллигентный человек должен хорошо играть в шахматы. Фраза упала на благодатную почву. Петя мечтал стать настоящим интеллигентом и взялся за теорию шахмат. И сделал для себя вывод: не стоит расплываться на всё, его цель не гроссмейстерское мастерство, лучше сосредоточиться на одном. Он стал изучать эндшпили. Цепкий Петин ум, и отличная память сделали своё дело.

Поступив в институт, сделал для себя открытие: играть следует на интерес. В деревне данная рациональность не практиковалась, но в городе, будучи ещё абитуриентом, набрёл в сквере на компанию мужчин, играющих в шахматы на деньги. И в общаге обнаружил таких любителей древней игры. Садясь за клетчатую доску, Петя стремился быстрее разменять фигуры, в эндшпиле чувствовал себя рыбой в воде и дожимал соперника. Мог прибегнуть к грубому, но беспроигрышному приёму, если чувствовал соперник слабее: сдавал одну-две партии, раззадоривал оппонента, будил в нём азарт, а потом планомерно обчищал, выигрывая партию за партией.

Петя Волков нарисовался на пороге 512-й в разгар приготовления каши из топора. Глазками в сторону плитки стрельнул, а из кастрюли заманчивый пар. Петя виду не подал, но не смог скрыть оживления от возможности поживиться. Сидел без денег, за день до этого заходил, пытаюсь занять до стипендии.

– Петя, – напрямую сказал Серёга, – вижу, ты не прочь присоседиться к нашей каше. Принёс бы со своей стороны что-то к ней. Хотя бы хлеба.

– Какой хлеб, – честно сказал Петя. – У нас в комнате сухаря заваливающего не осталось. Сами на мели.

– Сгоняй к девчонкам, – предложил Толя.

В пятиэтажном общежитии первый этаж занимали технические помещения, на втором и третьем жили девушки, на

четвёртом-пятом – парни.

Девушки есть девушки, лучше, чем парни, умеют растягивать стипендию и съестные запасы. Петя разжился кусочком сала, граммов семьдесят, и четвертинкой хлеба.

– Класс! – сказал Толя. – С кашей в самый раз сальцо пойдёт...

Петя с победным видом положил добычу на стол, он почувствовал себя уверенней, как-никак внёс свою долю в трапезу.

– Когда уже? – спросил в нетерпении

– Подожди ты, – сказал Серёга, – это перловка, она долго варится. По-хорошему, надо на ночь заливать крупу холодной водой, чтоб размякла...

– Чё ж не поставили! – бросил с упрёком Петя.

Толя подошёл с ложкой к кастрюле, стоящей в дальнем углу у окна, сделал вид, что попробовал варево.

– Нет, – сказал, изображая пережёвывание каши, – надо ещё поварить.

– Дай-ка я отведаю, – в свою очередь взял ложку Серёга.

– Вы так сожрёте всё! – забеспокоился Петя. – Один пробует, другой!

– Ещё минут десять надо, – сказал Серёга, – чтобы дошла.

Минут через пять Толя поднялся с кровати со словами:

– Пора посолить.

– С солью не переборщи, – предупредил Серёга. – Ты, кажись, влюбился, картошку в прошлый раз испортил...

– Я как-нибудь без советчиков, – деланно обиделся Толя.

Он с деловым видом взял пол-литровую банку с солью, зачерпнул пол столовые ложки, поднял крышку, бросил.

– Помешай, чтоб не пригорела! – командовал Серёга.

– Как-нибудь без слишком умных обойдусь.

– Да скоро есть-то? – не выдержал Петя.

– Да погоди ты, торопыга! – сказал Толя. – Мы не хрю-хрю недоваренное употреблять. Потерпи чуток!

И произнёс мечтательно:

– В неё бы граммов сто масла деревенского граммов, да в русскую печь, чтоб дошла.

– Какая печь! – вскочил с табуретки Петя и бросился к плитке.

Сорвал с кастрюли крышку, в ответ ударило в него облако пара, Петя инстинктивно зажмурил глаза, а когда открыл, вместо ведра каши, от коего хотел прилично отъесть, увидел в бурлящем кипятке сиротливо лежащий топор.

– Дураки! – швырнул Петя крышку на кастрюлю и вылетел из комнаты.

Толя с Серёгой, не сговариваясь, метнулись к столу, разломали напополам хлеб, ножом располовинили сало и вгрызлись в него...

Когда через пару минут Петя снова заскочил в 512-ю, стол был пуст. Петя метнул на него жадный взгляд, а потом устался на Толю с Серёгой, те сидели с набитыми ртами.

– Дураки! – с болью в голосе прокричал Петя. – Чё так

жрать-то! Я же на всех брал.

– Дак мы думали, ты расхотел...

– Думали они, – скривил презрительную физиономию Петя. – Вы только задницей и умеете думать.

И ушёл хлопнув дверью.

И всё же Петя последнее слово оставил за собой. Он пришёл вечером, издеваясь, стал рассказывать, какой отличный борщ съел в столовой на первое. Полную порцию. Это, во-первых. Во-вторых, на второе он смолол две порции пельменей. А сверху залил, во-первых, компотом, а во-вторых, киселём.

Раздосадованный розыгрышем с топоринной кашей, Петя отправился к второкурсникам, раскрутил одного из них на «партейку» в шахматы и заработал три рубля.

– Неужели с тобой, шулером, кто-то ещё садиться играть? – спросил Серёга.

– Не надо грязи. Всё по чесноку!

– Тогда займи рубль, – попросил Толя.

– Нет уж, нет уж, – хитро улыбаясь, сказал Петя, для этого сладкого момента он, собственно, и заглянул в 512-ю, – а мне завтра что – опять кашу из вашего топора хлебать? Кушайте сами, я лучше борща с пельменями наверну.

И с победным видом удалился.

Второе коронавирусное отступление

Толя бросил в группу анекдот: «Мне кажется, коронавирус больше замучил людей замучил, чем убил».

Серёга тут же ответил в тему:

«Граждане, – воззвал в соцсетях растерявшийся гражданин, – никто не знает, как долго на карантине никого не пускать в квартиру? А то жена третий день стучится».

Смех смехом, но не из пальца ситуация высосана. Аркаша Чехов на анекдотичный пример с женой, три дня под дверью живущей, свой привёл. В соседях у него молодые люди – она радиоведущая, он чего-то там менеджер. Квартира ведущей на четвёртом этаже, её мама-папа через потолок на третьем. Месяц с родителями по верёвке общается. Ведро к верёвке привязывает, туда молоко, сыр, колбасу, медикаменты и остальные актуальные для жизни предметы складывает и со своей лоджии опускает, а взамен бытовой мусор поднимает в том же ведре. Мама-папа не дремучие старики – ровесники Чехова. Но запугала их дочь, и сами они себя запугали.

Окончил свой рассказ Аркаша следующей фразой:

– Недавно встретил грустный анекдот: «День отмены самоизоляции страна будет отмечать, как День Победы». Мои соседи точно, как день победы. Если ещё доживут.

Серёга не мог отыскать Петю Волкова. Петя распределился в Забайкалье. И пропал. Доходили слухи, он женился, по-

том развёлся. Да не сам инициатор, жена сама ушла. Лет пять прожили, после чего покинула Петю.

– Замучил, поди, скупердяйством, – предполагали однокурсники. – Зажиливал зарплату. Какой жене понравится.

– Хитрован Петя мог сначала отдавать, а потом выигрывать в шахматы.

Предположение основывалось на той информации, что жена тоже шахматистка. В шахматном клубе отыскал Петя свою судьбу горемычную.

Как уже говорилось, шахматы Петя сделал статьёй дохода. А ещё он был спорщиком. Рациональный до мозга костей и азартный. Хотя спорил наверняка. В нижеследующем случае жадность подвела.

В Алма-Ату за пивом

Что такое секретарь в приёмной декана, знает любой студент. Если это профессионал – цены ему нет. В нужный момент декану о тебе слово замолвит, надо с преподавателем переговорит, даст разрешение на повторную сдачу экзамена. Мария Васильевна сполна отвечала всем этим качества. Было ей под пятьдесят, из поколения прошедших войну. Даже повоевать пришлось. Мудрая и с юмором. Просматривая списки поступивших в тот год на специальность «Многоканальная электрическая связь», обратила внимание, что немало студентов со звучными фамилиями: Айвазовский, Чехов, Фурманов, Крылов.... Взяла всех в одну группу определила – М 86 – и назвала её «группа классиков».

– Пушкина бы вам ещё подобрать...

Этот случай произошёл на четвёртом курсе. Обычно экзаменационные сессии проходили в январе и июне, в интересующий нас год четвёртому курсу весеннюю сдвинули влево – на май. Сделали это под работу специализированного стройотряда. В июне студенты уезжали на строительство государственного важного объекта связи. Май погодой не радовал, конец апреля поманил теплом, пару деньков по-летнему жаркие постояли, майские праздники порадовали тёплым солнышком, дальше пошло по пословице: май – доху надевай да на печку полезай. Холод, дожди по-осеннему нудные,

небо облаками затянуто. Непоэтическая весна, вовсе не такая, когда май – под каждым кустом рай.

Витя Айвазовский был местным, жил с родителями, и частенько бывал в общежитии. Есть присказка: кто в общежитии не жилал – студенчества не видал. Витя суть изречения на себе чувствовал, по делу и без оного заглядывал к одногруппникам в общагу. По делу, когда по праздникам устраивались дружеские пирушки: Новый год, 8 Марта, День Советской Армии и Военно-Морского флота, чьи-то дни рождения. Да мало ли по какому поводу могут сброситься студенты в любой будний день и устроить застолье. Айвазовский старался не пропускать оные. Да и без праздников от домашней скуки шёл в общежитие. Не хватало ему духа общежитской вольницы. С Толей Ройтером они дружили, поэтому чаще Айвазовский бывал в 512-й комнате.

Айвазовский все годы учёбы получал повышенную стипендию, как и Ройтер, оба учились достойно. Но в ту весеннюю зачётную сессию с Айвазовским случился досадный казус, объясняемый крылатым выражением: слово не воробей – вылетит, не поймашь! Или ещё: язык мой – враг мой. И слово вылетело и язык врагом оказался. Вражеские качества проявил на одном из занятий по «Теории дальней связи». Схватить на лету – это об Айвазовском. Ему стоило прослушать лекцию, чтобы понять и запомнить самый трудный материал. Ким Ефимович Славский вёл занятия по курсу «Многоканальная электросвязь» и допустил неточность в

своих велеречивых рассуждениях. Айвазовский мгновенно уловил ошибку. Молодому, ретивому, заносчивому преподавателю выпад студента страшно не понравился.

– Не-не-не-не! – выкрикнул с места Айвазовский. – Здесь совсем не такая петрушенция!

И объяснил, какая должна быть. Все поняли: на самом деле «не-не-не-не». Айвазовский попал в точку. Амбициозный Ким Ефимович, который на студентов смотрел исключительно сверху вниз, если не сел в лужу, то подсел – это уж точно. Особенно задела «петрушенция». Будто студент обвинил в незнании элементарного.

Славскому сдавали зачёт по итогам семестра. Айвазовский не сдал его со своей группой. Не сделал из этого трагедии, спокойно отнёсся к недоразумению. Всяк бывает. Предмет знал, посчитал: Ким Ефимович утешит ущемлённое самолюбие, на этом всё и закончится. Но нет, Витя через день пошёл сдавать зачёт с параллельной группой, и снова завалил. После чего со счёту сбился, сколько раз Ким Ефимович ставил «неуд». Зачётная неделя завершилась, группа вышла на сессию, первый экзамен сдала, второй, Айвазовский всё бегаёт по институту с «хвостом», ловит Кима Ефимовича, а тот откровенно ваньку валяет: назначит срок сдачи, потом переназначит, дескать, некогда ему. Снизойдёт, начнёт принимать и снова завалит. Это была едва не десятая попытка, когда наконец-то поставил зачёт.

В тот день группа получила стипендию. Никаких торжеств

по этому поводу не проводили – сессия. И экзамен серьёзный по предмету «Многоканальная электросвязь». Только что не Ким Ефимович принимал, на счастье Айвазовского и остальных, а завкафедрой... Человек серьёзный, но не въедливый.

Айвазовский вошёл в 512-ю комнату сияющий счастьем. В комнате находился один Ройтер, сидел за столом с конспектом лекций, готовился к экзамену. Витя с порога обратился с деловым предложением:

– Толя, предлагаю отметить мой зачёт и последнюю повышенную стипендию! Больше мне её не видать как своих ушей, надо ухитриться хоть какую-то получить.

– Ты чё, какие отмечания! – резонно возразил Ройтер. – Экзамен на носу и какой!

– Мне к трём готовиться и то не вибрирую. У тебя четыре дня впереди. Заучиться можно. И не беспокойся – я угощаю. У меня праздник.

– Нет, – отказался Толя. Он был рад за друга, прошёл Славского, но экзамен есть экзамен.

– Пошли хотя бы пивка попьём. Душа просит. Такая гора с плеч.

Поблизости работал всего один пив-бар на Большевицской. Самый настоящий шалман, со всеми красотами: антисанитария, скученность, шум. Высокие круглые столы, приехать некуда, употребляли пиво стоя. Контингент соответствующий: утром угрюмые и похмельные физиономии, ве-

чером, порядком набравшиеся, доходило до мордобоя. Заведение не блистало интеллигентностью и эстетикой. Студентов, смотрящих на мир с большим зарядом оптимизма, это не останавливало, случалось, заглядывали компанией пропустить по одной-другой кружке пенящегося напитка.

Предложение Айвазовского Толю не вдохновило. Он был настроен на подготовку к экзамену «Многоканальная электросвязь».

– Было бы что-нибудь приличное, – сказал. – А то натуральный шалман.

Как потом вспоминал: «Дёрнуло меня сказать: вот в Алма-Ате класс с пивом! Вот куда бы я ходил».

На втором курсе Ройтер, вместе с компанией одноклассников, увлёкся альпинизмом, поехал в Алма-Ату в альплагерь «Талгар». Столица Казахстана восхитила культурой питья пива. Заходишь в парк, там на каждом шагу ларьки с отличным пивом, пол-литровая кружка стоимостью двадцать пять копеек. Настоящее, по классической технологии сваренное светлое «Жигулёвское» или тёмное «Таёжное». Рядом ещё одна торговая точка тут же на улице – мангал, шашлыки жарят. Двадцать копеек платишь и получаешь качественный шашлык. Пусть не метровый шампур, сантиметров сорок, но объеденье. Барашек ещё вчера травку в горах щипал и приготовлен мастером. Одну-другую кружку пива выпьешь, один-другой-третий шашлык съешь и сыт по горло, настроение на седьмом небе.

И вообще – южный город, окружённый величественными горами-снежниками. Посмотришь вдаль, и ёкнет сердце – как прекрасна эта жизнь! В ней есть скалы, ледники, перевалы, альпийские луга, горные стремительные реки... Это совсем рядом, а пока перед тобой кружка пива, в небе яростное солнце, над головой зелень чинары...

Айвазовский альпинистом не был, в альплагерь не летал, восхождения в горы Тянь-Шаня не делал. И в Алма-Ате разу не был. Толя с удовольствием начала рассказывать о чудесном горном крае. Он хоть и напирал на тему – «готовиться к экзамену надо», как и всякий студент, подсознательно радовался любой «веской» причине отвлечься от конспектов. Красочно описал Айвазовскому красоты пивопития в Алма-Ате. Дескать, вот где пропагандируется культура употребления пива.

– Быть такого не может! – сказал с завистью Айвазовский.
– Что я тебе врать буду! Спроси у Чехова.

Чехов был старостой группы, жил в этой же 512-й, но в тот момент был в институте.

– Слушай, а это идея! – вдруг оживился Айвазовский и произнёс на полном серьёзе. – Толя, а полетели в Алма-Ату.

Предложение было более чем неожиданным. В то же время не из фантастических. Финансово вполне осуществимое. Оба в тот день получили повышенную стипендию – почти шестьдесят рублей было у каждого в кармане. Если учесть, что в студенческой столовой на пятьдесят копеек можно бы-

ло отлично пообедать – очень даже неплохие деньги. Билет в Алма-Ату стоил 28 рублей. Это если полный тариф, но студентам предоставлялась транспортная лафа в Советском Союзе – пятидесяти процентная скидка. Она была со своим нюансом, не действовала летом, но ведь шла весна.

– Полетели! – напирал Айвазовский. – Сегодня вылетаем, завтра гуляем по Алма-Ате с пивом и шашлыками на каждом углу, послезавтра обратно. У меня классный дядя Боря в Алма-Ате. Он сколько лет зовёт, а я всё собираюсь. Нам не надо никаких гостиниц, есть где бросить кости.

Самое интересное – Ройтер согласился:

– А полетели! – решительно захлопнул конспекты.

И друзья пошли за билетами. Авиакассы были под боком у общежития, расписание, лучше не придумаешь – ближайший рейс ночью. Под утро они прилетают в Алма-Ату, день у них на взятие города, и на следующий день летят в Новосибирск. И ещё целых два дня на подготовку к экзамену.

Если подумать, два дня не так много, даже мало. Да кто не рискует, тот шампанским не салютует своим победам.

Купили билеты, вышли из касс, Айвазовского снова осенило. На волне радости от сдачи зачета он фонтанировал идеями.

– А давай устроим проводы! – предложил. – Путь неблизкий, летим в другую республику. Ребята могут нас не понять.

Толя поддержал и это предложение. Ну, не сидеть над конспектами с билетом в кармане.

Пришли в общежитие с билетами, бутылками вина, консервами «Килька в томате», двумя булками хлеба и колбасой.

Комната под номером 512 к тому времени была в полном составе. Ни один не высказался против вечера проводов друзей в столицу Казахстана. Аркаша Чехов с нотками зависти сказал:

– Отчаянные вы, ребята, я и сам составил бы вам компанию, но завтра утром надо в деканат. Декан старост решил собрать.

Быстро накрыли стол, задорно зазвенели гранёные стаканы. Зазвучали тосты с пожеланиями лёгкой дороги, красивого времяпровождения и победного возвращения восвояси. Вдруг запахнулась дверь и вошёл Петя Волков. Нюх у Пети на дармовщину выпить-закусить был на редкость развит.

Пете тоже достали стакан, он с удовольствием осушил его, закусил бутербродом из колбасы, после чего с полным ртом принялся заинтересовался, в связи с чем собственно сабантуй.

– Чё это вы бражничать вздумали, – спросил Петя, прожёвывая бутерброд, – экзамен на носу. Ладно я, наша группа сегодня сдавала...

И подвинул свой стакан ближе к бутылке, намекая: ему-то можно ещё выпить.

Чехов не был скуп на спиртное и сигареты. С удовольствием угощал при наличии того и другого.

– Знаешь, Петя, – сказал он, наполняя Петин стакан. – Я решил сегодня устроить расслабон себе и этим гаврикам. Они – Чехов обвёл рукой сидящих за столом, – сегодня в моём абсолютном подчинении, что я ни скажу, обязаны выполнять беспрекословно.

Ещё одна особенность многогранной натуры Пети – спорщик. Профессиональный. Такой, который на авось не бросится заключать пари. Спорил, будучи уверенным в выигрыше. Голова его была нашпигована информацией. В школе прочитывал все научно-популярные и художественные журналы, что получала сельская библиотека: «Техника молодёжи», «Химия и жизнь», «Наука и жизнь», «Пионер», «Костёр», «Юность». Читал Петя с завидной скоростью, и всё в себя впитывал. Порой удивлял всех, называя, к примеру, всех маршалов Наполеона Бонапарта, или королей Англии. Не простой был Петя. И хитрован. Если чувствовал, победа обеспечена, тонко подводил оппонента к заключению пари, делая вид, что сам сомневается в успехе. Играл на струнах азарта, раззадоривая оппонента Как в шахматах: сдаст для затравки одну-вторую партию, а потом берёт штук пять подряд. Петя был игроком по натуре.

– А чё это ты раскомандовался? – не поверил он Чехову. – Да врешь поди!

– Чё врешь, я тебе говорю, – сказал с невозмутимым видом Аркаша.

Аркаша был парнем хоть куда: представительный, уважа-

емый на факультете, в деканате. Состоял в студенческом научном обществе, подрабатывал на кафедре, учился без троек.

– Они сегодня в моём подчинении, проспорили свою свободу! Мои приказы выполняют беспрекословно. Видишь, поляну накрыли. Но это ещё не всё. Спорим, скажу Айвазовскому: мотай в Москву в магазин «Российские вина», привези румынское вино «Мурфатлар», я его обожаю. Спорим?

Петя судорожно осмысливал полученную информацию: спорить или здесь какой-то подвох. За вином на самолёте в Москву, это что – его за дурака держат?

Хорошо подыграл Аркаше Витя Айвазовский.

– Ну, ты Аркаша загнул, – сказал он. – В Москву это уж слишком. И погода там, утром передавали, как и у нас мерзопакостная...

– Вот трепачи! – обрадовался Петя и передразнил Аркашу: – «Выполнят любое моё приказание».

– Если в Москву не хочешь, – будто не слыша Петину реплику, сказал Аркаша, – дуй в Алма-Ату. Люблю коньяк «Казахстан». Доставь мне пару бутылочек.

– Чё я крайний! – недовольно отреагировал на «приказание» Айвазовский. – Да и скучно одному, пусть и Толя со мной.

– О, точно, дуйте вдвоём!

Петя вошёл в ступор от такого поворота: фантастично выглядел полёт одного за коньяком, вдруг ещё и второй до ку-

чи.

– Так спорим или схлюздил? – повернулся Аркаша к Пете.

– А чё это я схлюздил! – уверенно сказал Петя. – Спорим!

Петя расценил момент как самый-самый, когда надо хватать соперника за жабры, чтобы не передумал. Он перешёл черту, за которой будет выглядеть в глазах окружающих «хлюздей».

Аркаша протянул руку через стол, Петя, уверенный в победе, сунул навстречу свою. И они поспорили на четыре бутылки портвейна.

После чего Аркаша тоном, не исключаяющим возражений, скомандовал Айвазовскому и Ройтеру:

– Дуйте за билетами.

Игра продолжалась, Айвазовский с Ройтером полезли в шкаф за куртками, оделись-обулись и ушли. Погуляли по улице и вернулись в 512-ю, помахивая билетами.

Петя, не веря своим глазам, схватил билеты, долго крутил их, рассматривал на просвет, только что на зуб не попробовал, пытаясь найти подвох. Потребовал паспорта, сверил номера документов с цифрами на бланках. Не мог он согласиться с этим фактом. Пусть Аркаша староста группы, уважаемый студент, но Айвазовский тоже не лыком шит. Из обеспеченной семьи, умница, ни от кого не зависит. Да плевать он хотел на какие-то приказания Аркаши. И Толя Ройтер не мямля, на него где сядешь там и слезешь – не покомандуешь.

– Билеты липовые, поди, – пытался зацепиться за соломинку Петя, – есть ухари, червонцы рисуют, что ему билет сделать.

– Петя, – сказал Чехов, – ты нарываешься на штраф. Иди уже за вином, а то магазин закроют.

Вино-водочные изделия продавали в те времена до семи вечера, стрелка часов перевалила барьер шести часов.

– Купить я куплю, – сказал Петя, сдавшись под напором убийственных фактов, – но если наврали...

Петя ушёл в свою комнату, через пять минут заглянул в 512-ю в плаще и с пустым портфелем.

– Если наврали, – бросил всем, – вдвойне мне поставите.

– Иди уже, Петя, не нервируй меня! – сказал Аркаша.

Петя вернулся с полным портфелем, но Айвазовский и Ройтер от продолжения банкета отказались, им пора было «на крыло» – в аэропорт.

В пункт назначения прилетели на рассвете. Алма-Ата встретила теплом, буйством зелени, горами на горизонте и дядей Борей. Он стоял в зале ожидания. Багажа у путешественников не было, сразу прошли к машине дяди Бори. Зелёные новенькие «жигули».

– Полгода как взял! – похлопал по капоту дядя Боря.

Было ему под сорок – пижонская бородка, фирменные джинсы, мокасины на ногах, чёрная водолазка. Жизнь его смахивала на студенческую. Работал в научно-исследовательском институте, обитал один в двухкомнатной кварти-

ре. Был когда-то женат, но как сам сказал: «Опыт семейной жизни не удался». В углу коридора лежала палатка в чехле, рядом стояли горные ботинки – трикони, тут же валялся ледоруб, бухта реп-шнура и парочка карабинов, но не тех, из которых стреляют, это были скобы с пружинными защелками, что используются альпинистами в качестве соединительного устройства.

– Лучше гор могут быть только горы? – спросил Ройтер.

– Ну, – ответил дядя Боря. – Ты что ли тоже из турья?

– Есть немного.

– Свой человек. А Витька не любит горы.

– Умный в гору не пойдёт, – сказал Айвазовский, – умный гору обойдёт.

В качестве завтрака они попили кофе с бутербродами, а потом пошли в парк. Всё получилось ровно так, как звучало во вдохновенном монологе Ройтера в 512-й комнате: пиво по двадцать пять копеек, шашлык – по двадцать копеек. Плюс к этому море зелени, маняще сверкающие снежные вершины на горизонте. Праздник души и чрева. Продолжился он в бане. Дядя Боря повёз племянника с другом на дачу к своему знакомому.

Под вечер вернулись на квартиру к дяде. Снова застолье. С вином не рассчитали. Вечер в разгаре, а бутылки пустые.

– Я сгоняю за винишком, – поднялся из-за стола Айвазовский, – где тут поблизости магазин.

– Сидеть, – приказал дядя Боря. – Сейчас всё будет. Вы-

зовем службу доставки.

Он нырнул в платяной шкаф, достал с полки большое махровое оранжевое полотенце и вышел на балкон.

Минут через пятнадцать затрезвонил звонок входной двери. Дядя Боря скрылся в коридоре, с кем-то поговорил, вернулся, сел за стол, подмигнул гостям.

– Кто это был? – спросил Айвазовский у дяди.

– Секрет, – снова с многозначительной улыбкой подмигнул дядя Боря.

Минут через десять снова зазвенел звонок, дядя Боря пошёл на звук и вернулся с двумя бутылками вина в руках, следом шла не без смущения на лице симпатичная женщина.

– Банкет продолжается, – объявил дядя Боря и представил спутницу: – Алина! Тоже альпинистка.

На что подвыпивший Толя несколько неуместно процитировал популярную песню:

Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!

Дядя Боря подхватил:

Мы теперь одной веревкой связаны –
Стали оба мы скалолазами.

Алина была с короткой стрижкой, загорелым лицом, спор-

тивной фигурой.

– Между прочим, мастер спорта, – сказал дядя Боря.

– Ух, ты! – искренне удивился Толя. – Здорово!

– Настоящая скалолазка! – с гордостью произнёс дядя Боря. – Не песенная.

Как позже выяснилось: Алина жила в этом же доме. Стоял он буквой «Г». Квартира дяди Бори находилась на третьем этаже в первом подъезде, у основания «буквы», а квартира Алины была на пятом этаже в крышке «буквы». Телефона у Алины не имелось, назначая встречу подружке, дядя Боря вывешивал на балконе оранжевое полотенце. Шпионский кинофильм да и только.

Алина посидела для приличия минут двадцать, выпила фужер вина и ушла.

На следующее утро дядя Боря отвёз сибиряков, переполненных впечатлениями, в аэропорт. В полёте они попытались готовиться к экзамену, раскрыли конспекты. Но сказались недосып последних двух дней и ночей, Как ни старались сосредоточиться на лекциях по теории дальней связи, глаза предательски слипались под равномерный гул двигателей.

Тем не менее, Толя с Витей без проблем сдали экзамен, Витя – на «отлично», Толя – на «хорошо».

– Как я вам завидую! – сказал Аркаша Чехов, выслушав отчёт о проделанном путешествии. – Класс!

Петя Волков пытался оспорить у Чехова результаты пари, когда узнал всю подоплёку вояжа Айвазовского и Рой-

тера в Алма-Ату. Не на шутку раскипятился. Понимал шаткость претензий, как простофиля попался на мякинку. Сам не один раз ловил других на живца, а тут заглотив его в предвкушении выигрыша.

С пересмотром итогов спора ничего у Пети не выгорело, многочисленные свидетели держали сторону Аркаши. Формально все условия пари были выполнены, даже коньяк «Казахстан» доставлен из «Алма-Аты», им 512-я отметила сдачу экзамена.

Петя бухтел, выражал недовольство, но от коньяка не отказался.

– Мне больше конины лей, – командовал Аркаше, подставляя стакан, – если бы не я, не видать вам коньяка как своих ушей. Вино моё на халяву скушали, ещё и коньяк... По справедливости судить – моя это конина...

Третье коронавирусное отступление

Аркаша Чехов позвонил Толе Ройтеру и сообщил сногшибательную новость: он столкнулся с внуком Льва Давидовича Студеницкого. Поднялась температура, забеспокоился, вызвал доктора. Приходит по фамилии Студеницкий.

– Я его спрашиваю, – рассказывал Аркаша, – вы случайно не родственник профессору Льву Давидовичу? Оказалось – правнук. Рассказал ему, как прадед ловил рыбу. Он расхохотался. Очень похож на Теорему Ферма, особенно в профиль, в анфас не так, лицо шире, а в профиль – один к одному. Но по характеру – полная противоположность. Подвижный, весёлый. Отправил меня по благу, как-никак я у прадеда учился, на компьютерную томографию, чтобы точно знать, что не коронавирус.

– И что? – спросил Ройтер.

– Всё в лучшем виде! Как говорится: сдай, сверчок, свой мазок! Или: незванный гость – хуже инфицированного!

Теорема Ферма и камбала

Преподаватель Лев Давидович Студеницкий был рафинированным математиком и интеллигентом до мозга костей. Студенты звали его Теорема Ферма. На одной из лекций с упоением рассказывал о французском математике Ферма и его теореме.

Лев Давидович ходил по коридорам института с отрешённым видом, погружённым в себя. Было ощущение, постоянно ищет доказательство теоремы Ферма. Толя Ройтер однажды оказался свидетелем драматичной картины. Лев Давидович жил недалеко от института, в преподавательском доме. Воскресенье, он идёт по улице и не один, с внуком. Внуку лет пять и совершенно не в деда уродился. Лев Давидович держал его за руку, и пока он делал один шаг, внук успевал набегать десять. Вперёд залетит, назад вернётся. Как лошадь на корде, которая Накручивает круги вокруг тренера, только что внук Накручивал полукруги. Ещё та вертушка.

Дед как всегда пребывал в математическом космосе, решал в его просторах теорему Ферма, не обращая внимания на перемещения внука в земном пространстве. Более того – забыл о его существовании. На автомате сжимал детскую руку, ограничивая оперативный простор внука. Лев Давидович приземистый, плотненький, внук, как карандашик тоненький, только что не взлетает над землёй. То ли Лев Давидо-

вич вплотную подобрался к решению знаменитой теоремы, то ли что: выпустил ладонь внука, продолжая как нив чём ни бывало двигаться дальше, всё также держа руку на отлёте, будто её продолжением по-прежнему является юный наследник. И вдруг почувствовал отсутствие оногo. Встал как вкопанный, начал растерянно озираться по сторонам, призывая внука. А тот, вырвавшись на свободу, нырнул в кусты, что росли вблизи тротуара. Спрятался проказник. Никогда Толя не видел Льва Давидовича таким суетливым, он крутнулся на месте, ринулся назад с возгласом:

– Вова! Вова!

Вова и не подумал отзываться. Дед был на грани отчаяния! Как же – потерять внука среди белого дня. Толя собрался уже выдать местоположение хитреца, боясь, как бы преподавателя инфаркт не приголубил. Тот метался из стороны в сторону, он не отдавал себе отчёта, когда мог потерял внука – только что или пять минут назад, когда переходили дорогу. Наконец внук с довольной физиономией вышел из укрытия. Лев Давидович схватил его за руку, и они продолжили путь.

С Львом Давидовичем был ещё один забавный случай. Аркаша Чехов с Толей Ройтером подрабатывали лаборантами на кафедре многоканальной электрической связи. Оставаясь студентами, они приобрели статус приближённых к преподавательскому составу. Однажды их пригласили на коллективный выезд преподавателей на Бердский залив. Что интересно Теорема Ферма тоже поехал. В соломенной шля-

пе, тренировочном костюме. Заправляли выездом два офицера с военной кафедры. Бравые молодые капитаны всё предусмотрели, организуя предстоящий отдых, взяли удочки, накопили червяков. Как говорится, рыбалка – это единственный спорт, где допинг разрешён, было захвачено нужное количество допинга и закуска к нему.

Погода была летняя, начало июня. Море грелось в солнечных лучах, в тени прибрежных сосен пахло хвоей и водой. Капитаны, едва автобус привёз отдыхающих к морю, тут же организовали перекус с допингом. Расстелили плащ-палатку, по-военному на раз-два устали её разнообразной провизией, бутылками.

– Солнце, воздух и вода, – сказал один, и не успел произнести классическое продолжение: «Наши лучшие друзья», – как второй капитан продолжил в соответствии с моментом:

– Водка, пиво и еда!

Никто не возразил. Какой-то час они ехали из города, всё одно аппетит успел наработаться.

Лев Давидович робко произнёс, что почти не употребляет спиртное. Капитана с бутылкой это не остановило, щедро плеснул в металлическую крышку от термоса, которая стояла на плащ-палатке перед Львом Давидовичем.

– Пьём до дна, – приказал капитан. – Иначе клёва не будет. Верная примета.

Лев Давидович очень хотел поймать рыбу. Он никогда не рыбачил. В автобусе капитан сел рядом с ним и всю дорогу

рассказывал о рыбалке на Обском море, и давал голову на отсечение, что клёв будет, а значит и улов. За полчаса он доказал Льву Давидовичу, что на свете кроме поиска решения теоремы Ферма есть ещё более увлекательное занятие – рыбалка.

Лев Давидович, желая клёва, выпил «до дна». Капитан, как и обещал, выдал Льву Давидовичу удочку, научил насаживать червяка, поставил ему в самом уловистом месте стульчик. Лев Давидович какое-то время был увлечён процессом: смотрел за поплавком, проверял червяка, снова забрасывал снасть в воду. Не клевало. И не только у него, но и у капитанов. Лев Давидович начал клевать носом и уснул. Сказался свежий воздух, принятый допинг и отсутствие обещанной капитанами рыбы. Хорошо уснул. Твёрдо сидит на стульчике, никаких лишних движений и спит. Капитаны решили подшутить. Автобус стоял тут же, они скомандовали шофёру:

– Едем в Академгородок!

И вскоре вернулись оттуда с камбалой. Двумя аккуратненькими рыбками. Пусть не живыми, но не замёрзшими в камень, за дорогу вообще растаяли. Удилище Льва Давидовича было воткнуто в берег. Хозяин всё также крепко спал. Капитан тихонечко извлёк снасть из воды, на оба крючка насадил по камбале и тихонько забросил улов в море.

Лев Давидович спал сном младенца, склонив голову к коленям. Капитан тронул за плечо:

– Лев Давидович, ты спишь что ли?

– Нет, – вскинул голову Лев Давидович, – и не думал спать. Но что-то не клюёт.

– Как не клюёт! Минут пять назад у тебя так клевало, я думал, ты давал заглотить получше.

– Да-да, – сказал Лев Давидович.

Он взял удилище, дёрнул и ощутил то неповторимое чувство, которое охватывает рыбака, когда он чувствует добычу на другом конце снасти. Лев Давидович замер на секунду, не веря себе, и тут же из всей силы рванул удилище. Две камбалы выскочили из воды, описали высокую дугу над поверхностью моря и шлёпнулись на берег.

– Ничего себе! – воскликнули хором капитаны.

– Ура! – тихо сказал Лев Давидович. Он всё ещё не верил в удачу.

Снял рыбин с крючка и тут же засуетился забрасывать по новой.

Капитан предложил выпить, пытаясь объяснить Льву Давидовичу, что рыбаки всегда так делают, иначе ловиться не будет. Но рыбак категорически отказался, его охватил азарт. Лев Давидович насадил свежих червей, сделал заброс. Садиться не стал, удочку втыкать в берег не стал. Весь был во внимании.

Капитаны думали, Лев Давидович страшно удивится пойманной камбале. Ничего подобного. В автобусе они завели разговор о чудесах в решете, морская камбала под Новоси-

бирском поймалась. На что Лев Давидович нашёл логическое объяснение:

– Правильно! А я где ловил – в Обском море. Это ведь уже не Обь. Значит что? Значит, камбала поймалась правильно. В следующее воскресенье тоже поеду на море на рыбалку.

Попутчики пытались тактично навести удачливого рыбака на ещё одну нестыковку, дескать, всё равно что-то не так: камбала-то дохлая.

– Правильно, – и здесь не смутился Лев Давидович, тут же нашёл разгадку данному обстоятельству, – я ведь уснул, когда она попалась. А пока спал, она и умерла на крючке. Поживи-ка в таком положении. Так что поеду через неделю снова рыбачить. Увлекательное это дело, я вам доложу.

Второе лирическое отступление

Каждый из них, готовясь к встрече, вспоминал Рустама Исмаилова: как бы он радовался этой идее. Обязательно окунулся бы в неё с головой. Был заводилой встреч их выпуска, не пропустил ни одной. Приезжал с гитарой, стихами, песней, посвящённой событию. На сорокапятилетии выпуска пел:

Сорок пять – не много, сорок пять – не мало!
Ах, каких событий только не бывало!
Жизнь чертила полосы – чёрные и белые!
Ты – седой, я – лысый, что ж теперь поделаешь!

В солнечной системе есть НЭИС-планета!
Соткана из солнца, юности и лета!
Мы там жили-были – НЭИС-планетяне,
Ёкнет вдруг под сердцем от воспоминаний!

На каждой встрече Рустам был центром, излучающим радость, солнечное настроение. Разве не чудо: снова вместе, снова рядом. Впервые собираются без Рустама, умер год назад. Последние десять лет жил в Москве, занимал высокий пост. На встрече по случаю сорокапятилетия выпуска ничего не предвещало плохого. Как всегда жизнерадостный, оп-

тимистичный.

Незадолго до смерти разослал друзьям книгу о своей жизни, о поколении детей, родившихся после войны. В ней делал вывод: их поколение – это дети любви. Все они желанные, долгожданные, с ними семьи входили в новую жизнь, помня пережитое. Четыре года война терзала страну, сеяла смерть, боль, увечья, в каждом её дне, в окопах, в минуты затишья, в цехах, где день и ночь собирали танки и самолёты, люди мечтали о возвращении к привычной жизни. Наконец пришли мужчины с войны, кому дано было остаться в живых, страна, приходя в себя, начинала долгожданную жизнь, настоящую, с верой в счастливое завтра, в силу любви, женщины начали рожать, в домах зазвучали колыбельные песни.

Их поколение любили родители, хлебнувшие горя в страшное лихолетье, истосковавшиеся по человеческому счастью, невозможному без детей, их любила страна, создавая пионерские лагеря, детские санатории, возводя новые и новые детские сады, школы, интернаты. Поколение пошло в первый класс и переполнило школы, если раньше в них были максимум первые классы 1А да 1Б, стало доходить до 1Д и даже 1Е.

Страна не жалела денег на учебники, на детские книги, продавая их за копейки. Дети воспитывались под знаком светлого будущего, в котором будет покорение космоса, изучение дальних планет, торжество братства, дружбы, справедливости.

Страна не жалела денег на своё завтра – школьников и студентов. Вырастая из школьной формы, послевоенное поколение создало небывалый приток абитуриентов во все вузы страны, особенно – технические. Строились новые заводы, создавались новые производства, промышленность требовала новых и новых специалистов. Именно их поколение дало самое многочисленное племя инженеров в мире. Больше такого наплыва технарей не было и, скорее всего, не будет.

«Мы самое счастливое поколение, – писал Рустам. – Мы практически не думали о куске хлеба, не знали, что такое голод. Студентами могли путешествовать по всей стране, покупая за смешные деньги профсоюзные путёвки, но чаще выбирали вариант с рюкзаком за плечами».

Иваныч

Кот Тишка сыграл решающую роль в создании в НЭИС секции альпинизма и туризма. Толя Ройтер и Серёга Фурманов, изгнанные тёткой Олей со своей жилплощади за спасание любимого кота, нашли новое жильё. Хозяйку звали тётя Нина, хвостатую и мяукающую живность не держала, жила вдвоём с сыном Женей. У того имелись друзья на электровакуумном заводе. Предприятие современное, работающее по передовым технологиям на оборонку, оно выпускало электровакуумные сверхвысокочастотные приборы и техническую керамику. На передовом заводе и контингент соответствующий – высокообразованный, интеллигентный, молодой, увлекающийся. Было на электровакуумном немало приверженцев походного отдыха. Серёга с Толей через сына хозяина квартиры познакомились с дружной компанией электровакуумщиков, которая имела землянку под Новосибирском.

Роскошное место называлось Дубрава, полчаса езды на электричке и ты в сказке. Это сейчас сказка превратилась в прозу жизни – уголья расчертили под дачи, застроили, – а тогда вольно росли сосны да берёзки, в общем пользовании были леса, холмы и перелески. Весёлый ручеёк всем без исключения предлагал вкусную воду. Компания туристов электровакуумного соорудила в лесу землянку. Нары, буржуй-

ка, стол. У поколения, оду которому спел в своей книге Рустам, было поветрие – лесные землянки. Зимой как хорошо в выходной приехать на такую «базу», на лыжах покатался, а потом в тёплой землянке у печурки дать волю разговорам, песням. В жизнь молодёжи широко вошла бардовская песня. Кукин, Гродницкий, Визбор, Окуджава.

Не обязательно пили вино. Когда стала ездить наша компания, случалось, вино привозили обратно. Как говорил в таких случаях Рустам: «Дури у нас и своей хватает».

Заправлял выездами за город электровакуумщиков Коля Тарабрин. Весельчак, огонь и честных правил. И товарищей в компанию подбирал таких же. Как не упомянуть о Валентине Прониной или Проне. Душа компании... Энергии через край и пела... Она только в песне и успокаивалась, а так Проня была сразу везде. Но стоило запеть... Голос грудной, сильный, и сама Проня куда-то улетала в песне – заслушаешься. Яркая личность.

Если приходили в компанию люди с гнильцой, трусоватые, они сами собой отсеивались. Никто не настаивал, но ты, приезжая в землянку, обязан был скатываться с самой крутой горки окрестностей, так называемой Просеки. Местность широченной просекой прошивала высоковольтная линия электропередач, под мачтами которой накатывался лыжный спуск. Крутой и длинный. Для горных лыж – плёвое дело, съезжай змейкой, где надо, добавил скорости, а захотел – сбросил. Когда лыжи беговые – мама дорогая, сумасшедшая

скорость развивается. Весной немало носков лыж вытаивало на склоне.

У Коли Тарабрина имелись свои подходы к испытанию новичков. Чудоковатые, небезопасные, да на то он и Коля. Жил с женой Аллой у тёщи. Толя однажды по какой-то надобности зашёл к Тарабрину, тот сходу усадил за стол:

– Что значит «не хочу», студент он и во сне есть хочет. Садись, иначе ты мне не друг.

Попили чаю с бутербродами. После чего Коля говорит:

– А давай-ка, Толян, проверим тебя на всхожесть.

И открывает на этих словах кухонное окно. Жена и тёща после слов «давай-ка проверим» разом побледнели, Толя подумал: неужели за окно прыгать? Стоял октябрь, не время проветривать помещение окнами нараспашку.

Прыгать не пришлось, Коля позвал гостя в другую комнату, из которой проследовали на балкон. Дом кирпичный, по стене карниз сантиметров пятнадцать шириной. Коля подловому поставил к торцу балкона табуретку, с неё ступил на перила, затем на карниз.

«Мне что ли, – подумал Толя, – следом за ним?»

Коля, перебирая ногами по карнизу, уверенно прошёл к окну, скрылся в нём и тут же выглянул:

– Сделаешь?

Толя бросил взгляд на землю и ничего утешительного на месте предполагаемого падения не увидел. Этаж был пятый. Если только спланировать на вершину дерева, росшего у

подъезда. Толя поставил левую ногу на карниз, выворачивая ступню так, чтобы подошва максимально опиралась на кирпич, затем правую ногу утвердил, глаза уткнулись в шов кладки, нос был в миллиметрах от кирпичей. Толя начал движение к спасительному окну. Правой рукой он держался за откос балкона до той поры, пока она не выпрямилась в локте. Отпустил откос ладонью ощутил холодную шероховатость стены, хотелось слиться всем телом с кирпичами. Толя сделал один шагок, второй, третий... Левая рука достигла оконного откоса. Дал себе установку: «Не спешить». Наконец – окно!

– Молоток! – встретил на кухне Коля.

– Дурак! – завозмущались жена и тёща, – ладно сам, тебя не исправишь. Толю-то зачем?

– Может мне с ним в разведку идти. Или в горы!

Толя понял, Тарабрин держал жену и тёщу в крепкой узде, не решились отговаривать мужа и зятя, когда он только приступал к проверке гостя.

Не все подвергались испытанию на карнизе, и обязательность спуска с Просеки тоже не навязывалась, лишь предполагалась. Надо было видеть счастливое лицо южного человека Рустама, который до Новосибирска видел лыжи только на картинке, когда он впервые доехал до подошвы Просеки. Был весь в снегу, ну просто с головы до ног. Куртка, штаны, шапочка, перчатки, казалось, нос, уши и глаза тоже полны снега. Бессчётное количество раз падал на Просеке. Но спу-

стился и лыжи не сломал.

Рустам Исмаилов приехал в Новосибирск с самого юга Казахстана. Мама у него узбечка, а папа казах. Был он редкая умница и знаток русской культуры. Мама была учительницей русского языка и литературы. Тогда модными были писатели Эрнест Хемингуэй, Ремарк, Антуан де Сент-Экзюпери. Уважающий себя молодой человек должен был знать этих авторов. Иваныч, который Рустам, спорил, отстаивая отечественную литературу.

– Да хорошо, да экзотика. Но вы читайте Шолохова, Горького, Лескова, Мельникова-Печерского. Разве не экзотика!

Все в избушке удивились, когда после зимних каникул, Рустам взял гитару и запел. Да так, что сразу на равных вошёл в состав бардов избушки.

– Ну, ты удивил! – сказал Коля Тарабрин. – Чё ж ты раньше молчал, сидел ниже травы!

– Так не умел.

На самом деле не умел. Вообще не умел. Но решил: научусь. Набивал мозоли на подушечках пальцев, приставал к умеющим играть с вопросами, и научился. Голос приличный, музыкальный слух тоже имелся, но не это главное, Рустам чувствовал песню, какая бы компания ни была, трезвая, подвыпившая – все замолкали. Самые болтуны, будто загипнотизированные сидели. Пел Рустам Окуджаву, Высоцкого, Визбора, Вахнюка. Получилось так, вдруг попросил однажды гитару, на него посмотрели с удивлением: зачем она

тебе? А он спел несколько песен и покори́л всех.

К концу зимы в землянке электровакуумного стало тесно, студенческая компания постановила вырыть летом свою. Что было сделано в июне между экзаменами.

Зима, проведённая в избушке, подготовила к осени инициативную группу по возрождению в институте секции альпинизма и туризма. Она ранее существовал в НЭИС, закрыли после трагического случая, в одном из альпинистских восхождений погибли студенты института. Было решено вернуться к былым традициям НЭИС. На организационное собрание пришло человек сто. Молодёжь рвалась с рюкзаками за плечами ходить по просторам области и Советского Союза. Толя Ройтер был избран председателем секции альпинизма и туризма, после чего получил прибавку к имени и фамилии – Толя Шеф, или просто Шеф.

При составлении списка новой студенческой общественной структуры произошёл казус. Стоит очередь к столу, за которым секретарь собрания, милая девушка, записывает желающих войти в состав секции. Студенты подходят один за другим, записываются.

– Ройтер Анатолий Иванович, – назвал себя председатель секции.

Следом подошёл главный инициатор возрождения секции, тоже Иваныч:

– Василец Владимир Иванович.

И за ним, как специально подобранные, пошли:

– Цыганков Валентин Иванович.

– Белодед Владимир Иванович.

– Загнетов Владимир Иванович.

Очередь доходит до Исмаилова, он называет себя:

– Исмаилов Рустам.

– А отчество? – подняла голову от бумаги секретарь.

– Нет у нас отчества.

– Что значит – нет? – девушка посчитала, товарищ решит подшутить, тогда как она, ответственно подойдя к заданию, не была настроена на юмор.

– А то и значит, что нет! – пояснил Рустам.

– Такого не бывает! – секретарь решительно положила на лист со списком авторучку, будто отказываясь записывать в секцию человека без отчества.

Рустам понял: не переспоришь. Не стал объяснять, что у народов Средней Азии отчества не приняты, махнул рукой:

– Да пиши Иваныч!

– Давно бы так, – обрадовалась секретарь и записала ещё одного Иваныча в альпинисты и туристы.

Третье лирическое отступление

В оде послевоенному поколению Рустам отмечал, что основным занятием для них была учёба. «Учитесь, – наставляли родители, – учитесь, – повторяли в школе, – вам строить светлое будущее и жить в нём».

Поколение росло беззаботно. В институте не задумывались о карьере (что раньше времени голову ломать?), не прилагали усилий для получения красных дипломов. Учились для получения образования, не более того. Науки давались легко, а кому было тяжело – помогали. Это считалось в порядке вещей. Послевоенное поколение – самое образованное, на восемьдесят процентов окончило среднюю школу, из них шестьдесят процентов – имеют дипломы вузов или средне специальных учебных заведений. И всё это бесплатно.

Рустам проводит мысль: послевоенное поколение в период революционной ситуации начала девяностых годов выступило таким образом, что не выступило. Дети любви, а их было очень много в обществе, проявили здоровый консерватизм, оставаясь выше схватки, не дали вспыхнуть гражданской войне.

«Мы разгильдяи, – писал Рустам, – мы не стремились во власть любой ценой, не лезли в партию, не умели делать деньги, дрожать над каждым рублём. Поэтому, когда пришёл рынок, нас быстро обошла заточенная на деньги молодёжь.

А нас учили делать дело – конкретное, нужное, общественно полезное. Мы – последнее поколение настоящих романтиков. Для нас понятия «студенческое братство», «дружба», «верность», «любовь», «честность» стояли на первом месте. Тогда как «предательство» – не прощалось. Лучшей рекомендацией считалась «хороший человек». Потому для нас так важны встречи со школьными друзьями, институтскими. С кем росли в детстве, делили студенческий хлеб, пели песни, ходили в походы».

По долинам и по горкам

В тот лыжный поход отправились сразу после зимней сессии, в конце января. Отнюдь не тёплого. Рано утром радио объявило: в Новосибирске сорок один градус мороза, по области до сорока пяти. Толя Шеф вынырнул из-под одеяла, протрубил подъём:

– Вставай-вставай, постели заправляй, «По долинам и по взгорьям» запевай!

– Ты у нас теперь двойной шеф, – сказал Рустам, надевая футболку.

– С какого перепуга?

– Руководитель турсекции – раз, руководитель похода – два! Так что давай по такому морозу куда-нибудь не заруководи! Я человек южный, мне мороз в больших дозах противопоказан.

– Ты что обратно в Казахстан собрался?

– Ни в коем разе.

– Тогда привыкай!

Было их десять человек. Основа – представители группы «классиков»: Ройтер, Фурманов, Айвазовский, Чехов, Иваныч, то бишь – Рустам Исмаилов, из других групп – уже знакомый нам Петя Волков, а также Эдик Медведев, Валентин Цыганков.

Промёрзшая электричка полетела с туристами в сторону

Алтая, маршрут пролегал в районе Салаирского края.

За окном вагона вставало яркое солнце. В придорожных деревнях дружно топились печи, из труб, рисуя идеальную вертикаль, столбами поднимались к небу дымы.

– Ставь треугольник на трубу к любому, – сделал вывод Рустам, – девяносто градусов точнѐхонько.

Картины за окном недвусмысленно свидетельствовала: за бортом колотун. От чего по телу шѐл бр-р-р: скоро по этой погодке переставлять лыжи. Костюмы на них новенькие, штормовые, но лучше бы старенькие да меховые.

Ехали часа два, наконец, Толя Шеф отдал команду:

– На следующей катапультируемся!

Компания высыпала на перрончик. Электричка с шумом улетела. Слева и справа от железной дороги простирались снежные поля, сверкающие на солнце.

– Лучше летом у костра, – глубокомысленно изрёк Аркаша Чехов, – чем зимой на солнце.

– Что, други, тряхнѐм знамѐнами! – в свою очередь сказал Валентин Цыганков, подбадривая больше себя, чем остальных.

Для начала «трясти знамѐнами» предстояло на попутках. Точка старта похода – село Легостаево – отстояло от железнодорожной магистрали на сорок километров. В деревню вела накатанная дорога, отполированная машинами и морозом и совершенно пустынная. Никто больше полировать её поверхность не хотел. Лишь через час появился грузовик

ГАЗ-51. Взять мог единственного пассажира, кузов был забит до отказа, это одно, второе – в сорок градусов кто туда полезет, ехать на свежем воздухе – смерть.

– Айвазовский, вперёд! – распорядился Толя. – Езжай первым и подсуетись на счёт обеда.

Витя Айвазовский исполнял на маршруте должность завхоза.

– Ресторан будет обеспечен! – пообещал Витя, проворно садясь в тёплую кабину.

С полчаса миновало, прежде чем появилась следующая машина. И так весь день. В Легостаево группа собралась не к обеду, после которого планировали встать на лыжи, а к вечеру, в ночь какой умный человек пойдёт в поход.

Разместили туристов в клубе. Рано утром радио сообщило о тех же сорока градусах в Новосибирске и сорока пяти в некоторых районах области.

– Хочется верить: наш не относимся к «некоторым», – прокомментировал прогноз Аркаша Чехов.

– И чё я домой на каникулы не поехал, – выразил претензии к себе Петя Волков. – На русской печке больно хорошо сейчас!

– Разговорчики в строю! – пресёк панические настроения Толя Шеф. – Где наша не пропадала!

– Наша пропадала везде! – сказал Витя Айвазовский. – Но не пропала!

Философскую перебранку прервал стук в дверь. Вошла

молодая женщина в заячьей шапке. Представилась: она из недавних студентов, два года назад окончила Новосибирский пединститут, и попросила провести профориентационную беседу со старшеклассниками.

– Лучше бы не только разговоры, – высказала пожелание, – у вас гитары. Спойте две-три песни. Ребятишки очень хорошие.

– Да запросто, – сказал Толя Шеф.

Дети смотрели во все глаза и слушали, открыв рты. Студенты для них были из другого мира: интересного, весёлого, свободного. Одна одежда чего стоила: были одеты в новенькие штормовые костюмы (брюки, куртка), профсоюз выделил турклубу деньги на приобретение обмундирования, инвентаря. Ройтер с Аркашей рассказали об институте. Рустам с Цыганковым вышли с гитарами, спели дуэтом «Гренаду»:

Мы ехали шагом, мы мчались в боях,
И «Яблочко» песню держали в зубах.
И песенку эту поныне хранит
Трава молодая, степной малахит.

Цыганков с огоньком исполнил задорную:

В Краснодаре на базаре шум и тарарам,
Продается всё что надо, барахло и хлам.
Банки, склянки и корзины заняли проход.

Банки, склянки и корзины, толпами народ.

– Есть галеты!

– Семечки каленые!

– Сигареты, граждане!

– А кому лямон?

– Есть вода, холодная вода!

Пейте воду, воду, господа!

Дети были счастливы.

Наконец лыжники встали на лыжи. И как ни торопил Толя Шеф себя и других, быстро получилось идти только по дороге, а как свернули на снежную целину и начались мученья – снег глубокий. Идущий в авангарде быстро выбивался из сил, уступая место следующему за ним. Сначала шли по руслу реки, потом выбрались на чистое пространство. Толя планировал засветло подойти к деревне, где планировался ночлег. От речки по карте километров десять до ночлега под крышей. Но они тянулись и тянулись, и конца края не было видно. Сумерки опустились, а никаких крыш впереди. Утренний метеопрогноз не ошибался, пусть термометра у туристов не было, носы и щёки не хуже говорили: сорок с минусом, а то и поболее присутствуют в подлунном мире.

«Неужели заблудились?» – кольнула Толю нехорошая мысль.

Перед Новым годом студенты из Новосибирского инсти-

туда инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии замёрзли в Горной Шории. В лыжном походе надумали встретить Новый год. Мороз был не меньше, на одном этапе вопреки мудрому «умный в гору не пойдёт», пошли. Дорога между деревьями огибала отрожек. Горушка пологая, они и решили: пусть сначала вверх, зато потом вниз, а там и деревня на финише. Наверх выбрались, из сил выбились и метель поднялась. Место голое, всем ветрам открытое, поставили палатку. Ни дров, ничего. Заночевали в холоде. Утром поднялись, лыжные ботинки как камень, да так смёрзлись, не влезть. Двоим с маленькими ногами подобрали ботинки большего размера и отправили за подмогой. Пока те спускались по глубокому снегу к дороге, пока дошли до людей, прошло несколько часов. Вернулись с подмогой, двоим она уже была не нужна, пятеро сильно обморозились.

Толя ещё до трагедии оформил документы на поход в городском турклубе. Пытались после неё тормознуть группу, да поздно: все подписи стоят, всё печати на месте, защита маршрута сделана.

С темнотой мороз прибавил давление на носы, щёки и пальцы рук, они были в меховых рукавицах, но то и дело приходилось интенсивно махать руками, разгоняя кровь. Признаков жилья по-прежнему впереди не просматривалось. Они, конечно, были готовы к палаточному варианту ночлега: имелась палатка, спальники, однако вариант ночёвки в сорокаградусный мороз в холодной палатке не вдохновлял.

И вдруг на дальнем краю пологого склона мелькнул огонёк, на звезду не похожий. С неба струился холодный свет небесных светил, а тут что-то тёплое.

– Должно быть, фонарь на столбе, – сказал глазастый Аркаша Чехов.

Легко стало на душе у Толи, мысль «поморожу всех» улетучилась.

Вскоре тропящий лыжню Эдик Медведев закричал:

– Дорога!

Дорога была как стекло, лыжи сняли и ходко пошли по твёрдому. Лишь стук бахил нарушал тишину подлунного мира. Само собой, не тех бахил, что в поликлиниках носят для защиты от бацилл. В нашем случае брезентовые до колен защищали лыжные ботинки от снега. Брезент на морозе затвердел в сталь – гремел, хрустел, скрежетал.

Наконец столб с фонарём превратился в реальность, которую можно было потрогать. Деревня спала крепким сном, улица была пустынной, на счастье туристов в конце её показался один житель, как оказалось, он спешил домой со скотного двора. Указал на дом, где жила деревенская власть, назвал её имя отчество и побегал в тепло. Скоро путников разместили на ночлег в помещении интерната.

На следующее утро радио бесстрастно доложило о минус сорока пяти градусах, Толя Шеф, немного подумав, объявил активированный день.

– Ждём у моря погоды! – изрёк Серёга Фурманов. – В пря-

мом и переносном смысле – Обское море недалеко по прямой.

В интернате было тепло, хорошо. Рустам, несмотря на мороз, прогулялся по деревне. Южный человек он любовался сибирской деревней. Рублёные дома в снежном убранстве, длинные поленницы дров у заборов, лошади, запряжённые в сани.

– Почему лошади не мёрзнут? – удивлялся он.

– Они закалённые! – ехидничал Волков.

– Медведь понятно, у него шерсть, у лошади никакой шубы.

– Знатоки фауны, хватит языками чесать, айда пельмени лепить, – сказал от стола Витя Айвазовский.

Он взял из дома фарш и муку. Быстро замесит тесто, раскатал его. Витя был артистом в кулинарии, потому Толя Шеф назначил его завхозом похода, по совместительству шеф-поваром.

Имелись отдельные экземпляры, кто пытался увильнуть от лепки, но Толя дал команду:

– Лепят все!

Слово руковода – закон. Будешь кочевряжиться, не видать следующего похода как собственных ушей. Все расселись вокруг стола. Самые красивые пельмени получались у Вити. Он не только слеплял тесто над кусочком фарша, он украшал каждый пельмень изящным венчиком – не всякая женщина сумеет. И скорость лепки – пельмени один за дру-

гим вылетали из его проворных рук. Где у других один на выходе, у Вити два, а то и три.

– Я их никогда дома не лепил, – ворчал Петя Волков, – у меня сестёр полная коробочка.

Витя ставил на печку ведро с водой, варить первую порциюпельменей, когда на пороге материализовался мужичок средних лет в полушубке, лохматой шапке, живчик.

– Вы чё расселись? – огорошил вопросом. – Народ ждёт, а вы!

– Какой народ? – удивился Толя.

Все с интересом обратили лица к мужичку, в ожидании, что он скажет дальше.

– Ну, в клубе! – пояснил он.

– Не понял? – сказал Толя.

– Вы же артисты! – всё также бодро произнёс мужичок.

– Какие артисты? – не мог взять в толк Толя.

– А что Татьяна не заходила, не говорила? – спросил мужичок.

После проведения профориентационной беседы с песнями в легостаевской школе, информация о туристах, пересекающих на лыжах район, полетела от деревни к деревне, искажаясь по дороге – туристы сделались артистами.

– Через полчаса ждём в клубе, – сказал мужичок, надевая сильно лохматую шапку.

– Какой концерт? – не хотел быть артистом Петя. – Пельменей хренова гора!

– Отставить пельмени, – распорядился Толя, – готовим концерт, у нас полчаса в запасе. Они нам предоставили вон какие условия, народ собрался, не к лицу отказываться.

– Опозоримся! – стоял на своём Петя, ему очень хотелось пельменей. – Одно дело школьникам пару песен спеть, а тут сольный концерт.

– Прекратить панику! – отрубил Толя Шеф. – Что у нас есть? Рустам и Цыганков за вами песни.

– Мне бы гармошку, – сказал Цыганков, – частушек приличных могу сыпануть мешочек и ещё кулёк.

– Найдём гармонь! – пообещал Толя и отдал команду: – Петя, дуй в клуб, ищи гармонь. Ты подход к деревенским знаешь.

– Он только деревенских девушек может охмурять! – хихикнул Аркаша Чехов.

– Вот пускай через них и действует.

– Я могу Твардовского почитать, – сказал Рустам, – «Ты помнишь, Алёша, дороги смоленщины». Или «Тёркина». Или Зоценко «Аристократка».

– Давай Тёркина и Зоценко, – выбрал Толя. – Надо повеселей. Айвазовского петь не будем заставлять, он пантомиму с Пашей Додоновым изобразит. Тельняшку даст Фурманов – самый костюм для пантомимы. Рустам поёт Окуджаву и Городницкого, Чехов – Кукина и Визбора, Цыганков – частушки и «Как теперь не веселиться».

– С гитарой или гармошкой?

– Лучше с гармошкой, – вставился Серёга Фурманов. – Умора получается.

– За тобой, Серёга, конференс. Будешь объявлять номера. Расскажешь пару-тройку анекдотов приличных. Я помогу в конференсе.

Всё шло на ура. Пели, читали стихи, Додонов с Айвазовским веселили народ пантомимой. Цыганкова с гармошкой выпустили ближе к концу, он не только сыпанул мешок чапушек, спел сверх популярную песню из репертуара Эдиты Пьехи:

Как теперь не веселиться,
Не грустить от разных бед –
В нашем доме поселился
Замечательный сосед.
Мы с соседями не знали
И не верили себе,
Что у нас сосед играет
На кларнете и трубе
Пап-пап
па-ба-да-па пап-пап...

Изыюминка исполнения заключалась в подаче «пап-пап». Валентин пел песню слово в слово, как Эдита Пьеха, но это была пародия. Что он вытворял голосом и лицом на «пап-пап па-ба-да-па...» Голос, пабакая, опускался до баса и взлетал

до ультразвука, при этом мимика выражала все возможные эмоции: удивление сменялось ужасом, ужас – блаженством, блаженство – испугом. Округлялись глаза, надувались щёки, вытягивалось лицо. А пальцы летали по клавиатуре гармошки.

Сами куплеты Валентин пел академично, с академичным лицом, зал замирал в ожидании парапупашного припева. Валентин как артист, делал перед ним паузу, затем срывался в сумасшедшее «пап-пап».

Публика неистовствовала. Во-первых, городской классно играет на деревенской гармошке, во-вторых, известную всем песню поёт неизвестным образом.

В завершении концерта туристы-артисты высыпали на сцену все разом. Идея ударным выходом завершить концерт возникла в последний момент. Десять молодых парней в штормовых костюмах, с двумя гитарами заполнили сцену, встали стеной и запели:

Люди идут по свету.
Им, вроде, немного надо:
Была бы прочна палатка,
Да был бы нескучен путь!

Но с дымом сливается песня,
Ребята отводят взгляды,
И шепчет во сне бродяга

Кому-то: «Не позабудь!»

Зал не хотел отпускать туристов-артистов, хлопал и хлопал. Те не стали ломаться, исполнили на бис, недавно появившуюся в туристских кругах песню:

А всё кончается, кончается, кончается,
Едва качаются перрон и фонари.
Глаза прощаются, надолго изучаются,
И так всё ясно, слов не говори.

Концертом растопили туристы деревенские сердца, заодно и мороз в деревне и остальной части района – утром радио объявило резкое, до двадцати градусов, потепление. После сорока пяти это была жара.

– Как бы не запариться! – прокомментировал прогноз погоды Аркаша.

Они упаковывали рюкзаки, когда на пороге снова материализовался вчерашний мужичок в лохматой шапке.

– Что опять концерт? – спросил Серёга Фурманов.

– Не-е-е! Дали вы вчера огня! Вот, принёс!

В руке у мужичка было оцинкованное ведро на две трети заполненное кедровым орехом.

– Подарок. Щёлкайте на здоровье.

Орехи пересыпали в рюкзак.

– Пошишковали концертом, – хихикнул Петя.

– Особенно ты.

– Не надо ля-ля! – парировал Петя. – Я гармошку нашёл.

– Гармоза что надо! – защитил Петю Цыганков. – Отличная гармоза!

После дня отдыха по комфортной погоде группа бодро пошла по маршруту. Толя Шеф наметил сделать настоящую ночёвку в палатках в месте, обозначенном на карте как Пихтовое. Пихтовый лес нужен был не для фото, а из утилитарных соображений. Ковриков в те времена не было, в качестве утеплителя стелили лапник на дно палатки.

Да только пихтами в Пихтовом не пахло. Если попадались – огромные деревья. С земли не наломаешь лапника, только целиком дерево валить. Но замучаешься топориком по толстому стволу тюкать, да и жалко. А ветки берёз, что росли в большом количестве в Пихтовом, не годились в качестве теплоизоляции. И – о радость! Вышли на опушку, за ней длинный склон, а внизу, как на открытке, снежная полянка и домик. С километр до лесной идиллии. Можно кричать ура – пихта не нужна, палатку не ставить.

Витя Айвазовский за свой порывистый характер имел партийную кличку Орёл. Подтверждая её истинность, ринулся вниз, разрезая грудью лесной воздух. Понятное дело, склон был покрыт снегом, а припорошенный им пенёк торчал, может, на спичечный коробок. Этого вполне хватило. Орёл влетел в него на полной скорости. В противоборстве пенёк с лыжей, пенёк вышел победителем. Витя отнюдь

не по-орлиному зарылся физиономией в снег. Физиономии хоть бы что, с лыжей значительно хуже. Поломал Витя лыжу. Да не классическим образом, когда носок в одну сторону, остальное в другую. Здесь и носок в сторону и продольная трещина. Сложный перелом. Расхлестал Витя транспортное средство, без коего лыжный поход перестаёт быть таковым.

Как и полагается, имелись в группе мастера ремонтники с ремнабором, включающим в себя металлические пластины, шурупчики... Они накладывали на лыжные переломы шины-пластины, пусть дерево не срастётся, но идти можно.

В ремонтниках были Петя Волков и Эдик Медведев. Фурманов называл парочку «зверинец нашего двора».

За первой неудачей последовала ещё одна печаль. Группа спустилась на полянку с домиком и радостные надежды улетучилась. Это сверху домик на снежной полянке смотрелся сказочной избушкой, вблизи выяснилось – строилась она под полевой стан. В округе колхозники пасли овец или коров, для чего и домик поставили. Известное дело, на пастбище скотину выгоняют не в морозы, отсюда домик строился на нужды теплого времени года – от дождя спрятаться, от ветра укрыться. Крыша не бежит и ладно. Одна радость для туристов, летняя избушка выполняющая роль кухни-столовой, в ней в сезон заправляла повариха. Посему интерьер помещения украшала печь. Причём, богатырская – тело плиты было метра на два с половиной, сразу несколько казанов можно в ряд ставить. Мощное сооружение.

С печью жизнь веселее видится, даже если полно снега намело в жилище через щели. Толя Шеф дал команду ремонтникам заняться восстановлением лыжи Айвазовского, дежурным (Фурманову и Исмаилову) – готовить ужин, остальные – дружно за дровами. Полянку окружал хороший лес, да только дров в нём не было. Весь сушняк колхозники срубили, спилили, выбрали, богатырская печь требовала богатырской пищи. Не исключено, сушняк имелся под слоем снега, да рыться в сугробах не будешь. С горем пополам заготовили полусырых дров, прочистили печку, затопили.

У истопников с печкой проблема, у ремонтников с лыжей. Ну, очень сложный перелом сделал Орёл. При свете коптилки «зверинец нашего двора» пытался восстановить спортивный снаряд. И стоило в избушке появиться Айвазовскому, ремонтники начинали его костерить:

– Орёл, не мог ты клюв сломать! – начинал Эдик Медведев. – Или какую-нибудь другую выступающую часть своего глупого организма. Угораздило тебя найти тот пенёк. Сказано, орёл – воробьиные крылья.

– Вы бы звери лучше не отвлекались, а делали нормально, – парировал Витя нападки.

– Будешь обзывать, – вступал в перепалку Петя Волков, – бросим твои дрова, ковыляй завтра, как знаешь, если ездить по человечески не умеешь! Ну, чё тебя понесло, спускался бы потихоньку.

Волков с Медведевым бились над лыжей, Фурманов с Ис-

маиловым бились с ужином, вода в ведре никак не закипала. В меню был суп с тушёной, после него чай с печеньем. Но дрова жару не давали. Была бы печка поменьше, а тут такие объёмы. Уже и вода в ведре изо всех сил старалась помочь голодным студентам, дойти до точки кипения, но не могла на хилом огне набрать положенный градус.

Толя Шеф, глядя на героическую борьбу за кипяток, отдал команду:

– Суп не варим, иначе до утра будем ждать, а завтра сложный день. Пьём чай с бутербродами и спать.

Чай-то чай, но тоже полу-кипячённую воду не будешь заваривать. Айвазовский обнаружил за печкой большую деревянную крышку, едва не метр диаметром. С большой деревянной ручкой, как потом выяснили, повариха накрывала им казан. Причём, не повариха об этом сказала.

Накрыли ведро. Вода, придавленная крышкой, быстро закипела.

– Если бы не я! – с гордостью сказал Айвазовский.

– Хоть на что-то пригодился! – сказал Эдик Медведев.

И в корне изменил мнение, отведав чай.

Он первым сунул кружку Рустаму, стоящему с черпаком у ведра:

– Не жалея работникам умственного труда, может быть, завтра твою лыжу буду реанимировать.

Сделал жадный глоток и тут же выплюнул:

– Что за гадость? Вы что наварили? – обратился к дежур-

НЫМ.

– Чай, – сказал Серёга Фурманов.

Деревянная крышка пропиталась жиром, он растаял под действием пара и щедро заправил собой чай.

– Орёл, почему ты везде высовываешься? – сел на своего конька Эдик. – Тебя бы по чану этой крышкой!

Петя, отведав чай, поддержал напарника по ремонтной команде.

– Орёл, – сказал он, отплёвываясь, – я сейчас снова сломаю твою лыжу. И ведь угораздило сунуться с этой крышкой! Лучше бы ты её на дрова пустил.

Поели всухомятку. Улеглись. Спальники ватные, от печки какое-никакое тепло. Утомонились. Толя Шеф проснулся от холода. В забранное стеклом оконце пробивался с улицы призрачный свет, народ спал. Тогда как в избушке происходили странности. Исходили они от печки, силуэт которой проступал из темноты. Печь представляла букву «Г», перевернутую с ноги на голову. Труба, как и положено, под прямым углом переходила в плиту. А дальше начинались галлюцинации. Толя мотнул головой, сбрасывая остатки сна. Не помогло. В темноте на печке читались очертания непонятного существа. Что-то огромное, несуразной формы, расплылось по всей плите, возвышаясь в центре. Оно не перемещалось, совершало движения, оставаясь на месте: колебалось, сокращалось. Будто принюхивалось, прислушивалось, приглядывалось, искало в темноте, чем бы поживиться.

«Что это?» – подумал Толя и зашарил правой рукой в поисках охотничьего ножа, нашёл. Плоский фонарик держал в нагрудном кармане, дабы в тепле подольше сохранить заряд батареек. Достал, решительно включил, сжимая рукоять ножа...

– Только иллюминации нам не хватало! – раздался недовольный голос Фурманова с печи.

«Существом» оказались Исмаилов с Фурмановым. Закоченев, они придумали способ погреться. Взгромоздились на печку, сели спина к спине, стараясь пятыми точками вобрать в себя остатки тепла.

Утром без раскочки группа вышла на маршрут. Вперёд и только вперёд, движение – это тепло, это жизнь.

Айвазовский опробовал лыжу.

– Выражаю благодарность нашим славным ремонтникам! – сказал с пафосом. – Наши ремонтники лучшие в мире!

– Ещё раз сломаешь! – прозвучало в ответ от Эдика. – Ремонтить не буду! Пусть Шеф меня снимает с должности!

– Я тоже не буду! – присоединился к Эдику Петя.

– Ну, вы и звери! – сказал Серёга Фурманов. – А где чувство локтя? Вчера пели: «Спасибо вам не подвели, не дрогнули!» Сами в кусты.

– А чё он нас пойлом вчера напоил!

– Кто старое помянет, – веско сказал Шеф, подводя итог перебранке, – тому глаз вон! Чаю сегодня в обед напьёмся.

И оказался прав. Через три часа на их пути встала ещё одна избушка, тоже не обозначенная на карте. И это была уже не халабуда летнего стана, а настоящая охотничья. Стол, двухъярусные нары, печь. Пусть снег был под нарами, но печь добротная. Небольшая, аккуратная.

– На такую Рустам с Серёгой навряд ли заберутся, – сказал Эдик Медведев.

Толя скомандовал:

– Распрягайте, хлопцы, коней! Обеденный привал.

Печь была термоядерная, через полчаса хоть в футболке ходи. Толя отправил команду ремонтников, Волкова да Медведева, набить лыжню. Нужно было переваливать через отрожек на пути к деревне, где планировалось встать на ночлег. Для скорости Толя решил первые километра два протропить. По лицам ремонтников читалось: с неохотой покидают они тёплую избушку, а куда деваться.

– Сегодня больше тропить не будете, – утешил их Толя, – в хвосте пойдёте,

– Люди идут по свету, – сказал на прощание Петя, – им, вроде, немного надо. Но вы всё-то не съдайте, нам оставьте!

– Не нервничай, – пообещал Витя Орёл, – чаю оставим!

– Как хорошо без зверей, – сказал он, когда дверь за ремонтниками закрылась.

И принялся печь блины. Нашёл в землянке сковороду, мука у него имелась, не всю извёл на пельмени. Блины у Вити тоже стояли в программе похода. В избушке всё сходилось

для приготовления данного блюда.

– Прошу не мешать, – отказался Витя от предложения Шефа выделить помощника.

И начался концерт. Витя повязал фартук. У него даже этот поварской атрибут имелся в рюкзаке. Причём, не женский с рюшками, оборочками, несерьёзными цветами, строгий однотонный фартук. Команда ремонтников многое потеряла, пропустив этот номер. Каждое движение, каждый жест Вити выдавали артиста. Тонкой струёй лил тесто на горячую, вкусно скворчащую сковороду, тесто на глазах превращалась в блин с изящными дырочками. Затем, как фокусник в цирке, Витя брал сковороду за ручку, делал движение рукой, блин взлетал к низкому потолку избушки, совершал переворот строго на сто восемьдесят градусов и падал непропечённым боком на горячую поверхность. Все движения повара были отточены, а горка блинов росла. Витя мазать аппетитный круг блина сливочным маслом, оно растекалось по жёлтой ажурной поверхности.

– Уважил, Витя, – хвалил Фурманов повара, запихивая в рот очередной блин! – Класс! Ты прямо Айвазовский в блинах!

– Ремонтникам оставьте, – сказал Толя. – Они тропу тропят!

– Оставил уже, – заверил Витя. – Что ни говори лыжину мою хорошо сделали, хоть и звери.

Шеф после сытного обеда принял решение остаться в из-

бушке на ночлег. Из графика они всё одно выбились. И что от хорошего хорошее искать.

– А зачем мы лыжню тропили? – недовольно спросил Эдик.

– Хочешь в палатке ночевать?

– Нет, конечно.

– Лыжня никуда не денется. Зато мы завтра за день дойдём до Желтоногино.

Лыжня никуда не делась. Утром, лишь рассвело, встали на лыжи. Угодья охотничьи. Ни дорог, ни людей, лишь следы заячьи, лисьи. Дикий угол. И погодка почти весь день благоволила к туристам. Лишь к вечеру запуржило, ветер поднялся, сделалось в нескольких метрах ничего не видеть, но они вовремя вышли на дорогу к Желтоногино.

И там повезло. Прямо из стены снега вышел навстречу мужик и обрадовался, будто родственников долгожданных встретил:

– О, туристы! Как хорошо, что выскочили вовремя на нас. Неделю назад соседский свояк замёрз перед самой деревней. Сейчас сеструха вас устроит.

«Сеструха» была учителем начальной школы. Другой в деревне не имелось. На стенах висели плакаты из детства наших туристов. Как правильно сидеть за партой. Образцы написания букв, алфавит.

– У нас точно такие плакаты были в школе, – сказал Петя Волков. – Один к одному.

– Вот и хорошо, – сказал Толя, – сходите с Медведевым к нашему мужичку, спросите, у кого можно еды купить.

Толя Шеф дал рембригаде деньги на пополнение съестных припасов.

Те вернулись с ведром еды. Кусок мяса килограмма на два, кусок масла, шмат сала, картошка, две буханки.

– Ну, молодцы! – похвалил Толя Шеф.

На что Волков протянул десятку:

– И деньги целы.

– Что значит целы?

– Мы совали, не взял. Полный дом ребятишек, а не взял.

– Надо было жене отдать или незаметно оставить.

– И она... «Нет-нет, – говорит, – вы путники, нельзя!» А незаметно, как оставишь!

Толя дал распоряжение Айвазовскому перетрясти запасы, всё сладкое – шоколад, сгущенку, конфеты, печенье – отдать за продукты.

– Сам сходи, – сказал Толя завхозу. – Эдик с Петей слишком робкие, как что отдавать надо.

– На, – вытащил из кармана рюкзака круглую банку леденцов Петя, – это моё личное!

– Петя щедрее всех нас вместе взятых! – взял Айвазовский подарок.

Два последующих дня шли вдоль дорог, ночевали в деревнях, палатку ни разу не ставили. Так закончился их первый поход. Не без потерь, и не только лыжа Айвазовского

пострадала, носы, щёки поморозили. Рустам всю жизнь даже в слабые морозы вспоминал их первый поход, нос сразу начинал давать о себе знать.

Четвёртое лирическое отступление

Рустам писал в своей книге: «Мы – дети любви, потому долго оставались инфантильными». Предыдущее поколение детей рано познало боль потерь, жестокость мира, несправедливость, оно рано взрослело, заменяя отцов на заводах и в полях.

В сравнении с ним послевоенное поколение росло в тепличных условиях, но не домоседами, наоборот, в полной уверенности: в любой точке необъятной родины они желанны. Были жадно обращены в мир, глядя на карту огромной страны, хотели побывать всюду: в пустыне, в тундре, увидеть гейзеры Камчатки, вечную мерзлоту Якутии, горы Памира, Тянь-Шаня. Вобрать в себя всю красоту великих просторов.

Как уже говорилось, мать у Рустама узбечка, отец казах. А сам был русским, не зря Иваныч. Любил русскую культуру, как никто в группе «классиков» знал её. Собирал книги, пластинки с классической музыкой, открытки с репродукциями картин. Не сразу после школы приехал в столицу Сибири, два раза в Алма-Ате поступал в институт. Оба раза не добрал баллы. Восток – дело тонкое, а потому ещё тогда, в шестидесятые, начал культивировать поступление в свои вузы за мзду – «за баранов». Рустам без них пытался поступить в Алма-Ате. Оба раза не получилось. Тогда как НЭИС «бараны» не требовались, Рустам легко на один пятёрки сдал

вступительные экзамены. Учился легко, лишь по лености не окончил институт с красным дипломом.

Перед окончанием вуза его усиленно стали приглашать в Алма-Ату. Родственники подыскивали хорошее место. На тонковосточные предприятия требовались люди с головой, на тех, кто «за баранов» дипломы получал далеко не уедешь. Но Рустам отказался от исторической родины, поехал в Анггарск, и влюбился в Байкал. Двадцать лет прожил рядом с ним. А ещё он очень любил горы.

– А помнишь, – спрашивал Ройтера по телефону Фурманов, – наши поездки в альплагерь.

– Разве это можно забыть!

– Шляпы помнишь?

– Ещё бы! – засмеялся Ройтер и спел:

Тот маленький горшочек, тот синенький горшок,
Тот маленький, синенький, в крапинку горшок.

Чемодан на горной тропе

Ближайший альплагерь был под боком от Новосибирска – в Алма-Ате. Каких-то два с половиной часа полёта и «лучше гор могут быть только горы, на которых ты не побывал». А если побывал, они хуже не стали, тоже хороши. В день заброса в альплагерь ты должен быть на городской базе альплагеря. Она располагалась в центре Алма-Аты, по адресу: Винодельческая, 36. Оттуда два маленьких автобуса забрасывали альпинистов в горы, к тропе, по которой шли в лагерь на своих двоих. В принципе, вертолет тоже бы мог доставить, но такой услуги не предлагалось. Так что хочешь с песнями иди, хочешь без оных.

Расстояние по степным меркам небольшое – шесть-семь километров. Но горы не степь. И с каждым шагом набор высоты. Старт на высоте девятьсот метров над уровнем моря, альплагерь располагался на двух тысячах двести двадцати шести. Места живописнейшие. Тянь-шаньские ели, которые на любом склоне растут строго вверх по перпендикуляру к плоскости земли, украшают горы. Ты в другом мире, нет автобусов, машин и остальной городской атрибутики, «надеяться можно на крепость рук, на руки друга и вбитый крюк...» Крючья будут впереди, рано вбивать. Но чем дальше вверх, тем меньше наслаждались путники горным воздухом и горными пейзажами. Когда язык на плече, не до окру-

жающих красот. Местами шли на подъём из последних сил. Тем более организм ещё не адаптировался к горам.

Завозили к тропе партиями человек по десять. Толю Ройтера с друзьями последними доставили к точке старта. Шли они налегке, в рюкзаках всего-то сменное бельишко да зубная щётка с мылом. Снаряжение для восхождений в альплагере выдавалось. Одеты были в тренировочные костюмы, на ногах кеды или ботинки вибрамы. Тропа узкая, двигались гуськом. И вдруг Серега Фурманов, идущий впереди, поднявшись по склону дал резкого тормоза в верхней точке.

– Вот ни фига себе сказала я себе! – произнёс озадаченно.

Толя Ройтер шёл замыкающим. Он врезался в спину впередиидушего Рустама.

Серёга Фурманов повторил:

– Вот ни фига себе!

Все приблизились к нему. Гора давала складку – подъём, спуск и снова вверх. По тропинке, проложенной в горном ландшафте с зелёными склонами гор, величественными елями, шла в солнечном свете июля барышня. В лёгком летнем платье с короткими рукавами-фонариками, тифельках на невысоких каблучках, белых носочках. И вся-то девушка была воздушной. Точёная фигура, кудряшки светлых волос, открытая шея, золотистая кожа рук. Лирическую картину портил чемодан, в руках у эфемерного создания. Девушка поминутно переключивала тяжёлую поклажу из одной руки в другую. Это был не какой-то чемоданчик, в который

пару платьев с трудом входят, это было капитально скроенное вместилище для одежды. Было оно покрыто коричневым дерматином, углы защищали блестящие на солнце металлические уголки. Прямо по курсу вставали горы, с отвесными скалами, падающими в мрачные ущелья, огромными языками вековых ледников, рождавших бешеные реки. И в этот суровый мир двигалось на каблуках в лёгком платье и с чемоданом прелестное создание.

Пока наши друзья приходили в себя от неправдоподобной картины, Чехов ринулся вниз с криком:

– Подождите!

Будто создание собиралось убежать от него.

Серёга Фурманов тоже устремился следом, только что не с возгласом «моё!»

Чехов выиграл гонку, подхватил чемодан и бодро понёс пожитки незнакомки в сторону снежных вершин и покрытых ледниками перевалов. Незнакомка по мере продвижения вверх перешла в разряд знакомых, звали её Тамарой, приехала на Тянь-Шань из славного города Саратова. И направлялась, как и наши друзья, в альплагерь. Если в Новосибирске шли баталии за каждую путёвку в «Талгар», институты НЭИС, НЭТИ и госуниверситет жестоко соперничали при распределении путёвок в альплагерь, в Саратове никто в горы не рвался. Тамаре профсоюз навязал горы почти задаром, всего за тридцать процентов от цены путёвки. Джентльмен Чехов вскоре на себе в полной мере ощутил неумест-

ность чемодана на горной тропе и передал его конкуренту Серёге. Серёга браво подхватил ношу барышни, однако и его бравости хватило ненадолго, гора забирала круто вверх. В результате тару, не пригодную для переноски вещей в горах, несла по очереди вся группа. И вымоталась вусмерть.

Тамара, идя налегке, щебетала о родном городе, сокрушалась о своей наивной простоте. Она-то думала, альплагерь подобен пионерскому, только для взрослых и рядом с горами. Считала: на автобусе к корпусу подвезут и отдохай в своё удовольствие, как в санатории или доме отдыха.

Кеды с собой не взяла, что такое вибамы в помине не знала – ни того, ни другого на ее изящную ножку не нашлось в альплагере. Так что Тамара восхождения не делала. Гуляла по окрестностям в нарядах, предназначенных для городских парков, участвовала в вечерних посиделках у костра с песнями, байками. Её вместе с другими новичками посвятили в альпинисты. История умалчивает, проявлял ли кто-то из наших студентов симпатии к Тамаре. Очень может быть, чемодан отбил охоту. В свою очередь Тамара, это было зафиксировано свидетелями, ни к одному студенту из компании, дотащившей её чемодан до лагеря, интерес не проявила. Замечали её в компании одного инструктора.

Хорошее проходит быстро. Наши студенты сделали несколько восхождений, где надеялись на «крепость рук», «вбитый крюк» и «чтобы страховка не подвела». Любовались снежными вершинами, переходили сумасшедшие реки,

пели душевные песни у костра. И вот он последний догорел ярким пламенем в ночи, а наутро прощание с лагерем. Отправлялись вниз тоже партиями. Наша славная компания всё в том же составе, полная впечатлений, загоревшая до черноты на горном солнце, вышла из лагеря. Вниз идти, само собой, значительно веселее. Ноги сами бегут по горной тропе. Разогнались, и вдруг шедший впереди Аркаша Чехов ударил по тормозам. Пятясь назад, обернулся к товарищам, приложив к губам палец. Дескать, замрите. Тропа делал поворот, огибая заросли кустов. Осторожно выглянули из-за них и увидели Тамару. Теперь она была покрыта загаром, и туфельки надела с плоской подошвой, но чемодан был тот же самый, покрытый всё тем же коричневым дерматином, с металлическими блестящими уголками. И судя по всему, легче за смену в альплагере не стал. Ни платья, ни туфли его хозяйка не успела износить. Тамара тащила его, часто оглядываясь, в ожидании, когда же её догонят джентльмены.

– Вы как хотите, – прошептал Чехов, – я умываю руки.

И двинул не по тропе, а стал забирать вверх по поросшему кустами и травой склону. И остальные джентльмены, не сговариваясь, пошли следом, закладывая большую дугу, обходя чемодан стороной. Рустам было сделал шаг в сторону Тамары, и сдержал себя: нельзя отрываться от коллектива.

О чемодане Тамары, само собой, вспомнили на «точке» поездки в альплагерь. Она была поставлена в Алма-Ате дома у родителей Лёни Березницкого. Семён Антонович и Вален-

тина Николаевна, не один раз принимали у себя однокашников сына, приезжавших в Алма-Ату в альплагерь. Надо сказать, чемодан не был ключевым моментом «точки». Но об этом в следующей главе.

Коллекционные шляпы

Мы несколько нарушили хронологическую последовательность рассказа о поездке в «Талгар». Продиктовала это композиция повествования. Начало операции «альплагерь» выглядело так. Прилетев из Новосибирска в Алма-Ату, группа заночевала на даче у Березницких, откуда утром отправилась на Винопольскую, 36, а затем в альплагерь, таща по пути чемодан Тамары. На обратной дороге, перед отлётом в Новосибирск, родители Лёни пригласили студентов домой.

Семён Антонович занимал высокий пост в научно-исследовательском институте, Валентина Николаевна – врач-окулист. Обоим под пятьдесят. Интеллигентные, радушные люди.

– Лёня, – говорил Толя Березницкому, – люблю твоими родителями, как дорожат друг другом.

– Отец очень мать любит. Была сложная история, мама долго не хотела за него выходить, больше года добивался её руки и сердца. Мама его тоже очень любит.

– Чувствуется.

За столом сидела младшая сестра Лени – смешливая семнадцатилетняя Светланка. Валентина Николаевна приготовила вкусный плов, Светланка нарезала море овощных салатов. Для сибиряков в те времена огурцы и помидоры в июле – деликатес. Пили вкусное вино. Пели песни. Даже Семён

Антонович, отбивая такт руками по столу, озорно исполнил песню из своей студенческой молодости:

Когда я был младенцем, ходить еще не мог,
Ко мне на день рожденья папаша приволок

Тот маленький горшочек, тот синенький горшок,
Тот маленький, синенький, в крапинку горшок.

Подрос, остепенился и двадцать лет спустя
Превыгодно женился на старой дуре я.
Её тычки, упреки я много лет терпел
И каждое утро мне в голову летел

Тот маленький горшочек, тот синенький горшок,
Тот маленький, синенький, в крапинку горшок.

На это Валентина Николаевна рассказала, когда Лёня родился, Семён Антонович приволок домой горшок из песни – синенький в крапинку. Торговля таких расцветок не предлагала. Семён Антонович купил синий эмалированный горшок, а крапинки сам наставил масляной краской.

– Но доложу вам, – торжественно произнёс Семён Антонович, – в мою голову он ни разу не летал.

– Так я и не старая дура была! – кокетливо сказала Валентина Николаевна. – Это, может, сейчас...

– Ты у меня всегда высший класс! – приобнял жену за плечо Семён Антонович.

Лёня Березницкий и Валентин Цыганков играли в факультетском вокально-инструментальном ансамбле. Спели дуэтом недавно появившуюся и бешено популярную «Восточную песню» из репертуара Валерия Ободзинского, романс «Пара гнедых, запряжённых зарёю».

Вечер проходил на одном дыхании, в один момент Семён Антонович спросил у сына:

– Лёничка, у меня на даче была чёрная фетровая шляпа. Не подскажешь, где она, что-то не вижу её.

На что сын сделал задумчивое лицо...

История со шляпой имела интригующий сюжет. Как говорилось выше, на заезде группа, перед отправкой в горы, ночевала на даче. Лёня показал коллекцию папиных фетровых шляп. Разного фасона, разного цвета. Известно, что в стародавние времена у светских дам было пристрастие к шляпкам. Днём одну наденет, вечером в театр другую. Подобным страдал Семён Антонович. Время от времени он ездил в командировки в Москву, Ленинград, Ригу, Таллин и возвращался оттуда с новой шляпой. Собралась целая коллекция. Хранил её на даче.

У Пети Волкова загорелись глаза при виде такого разнообразия шляп. Тоже имел слабость к данному типу головного убора. В их деревне шляпы носили директор школы, председатель колхоза и главный агроном. Сохранялось неписаное

правило, абы кто не мог надеть шляпу. Почти по цитате героя шукшинского рассказа: «Шляпа – это продолжение человека». Заслужил – носи. Не заслужив напялишь головной убор интеллигентного человека – односельчане засмеют. Петя наметил пройтись по родной улице в шляпе после приобретения необходимого статуса, когда приедет с дипломом об окончании НЭИС в кармане. Петя примерял шляпы. Что там говорить, Семён Антонович абы что не покупал. Одна другой краше. Белая с широкими полями, тёмно-синяя с бордовой лентой по основанию тульи... Пете страшно понравилась табачного цвета с короткими полями. Продолжив себя этой шляпой, покрутился перед зеркалом. Головной убор на самом деле шёл Пете. В шляпе с широкими полями при его росте выглядел как Страшила из «Изумрудного города».

– Лёня, – обратился Волков к Березницкому, – можно возьму в альплагерь. Кепку забыл, а в шляпе как хорошо. На обратной дороге верну.

Петя действовал чисто по-студенчески, взять в общаге у кого вещь на время было в порядке вещей. Рубаху на свидание, костюм в театр, плащ домой съездить. Подобным образом отнёсся к чужой шляпе. Надо сказать, тогда в альплагерях встречались пижоны, сидящие у костра в шляпах. Бейсболки ещё не получили широкое распространение. Мужчины носили кепки или вот шляпы.

Березницкий не выразил радости Петиной просьбе, но отказать не смог, сам жил в общаге.

– Ладно, бери, – произнёс, скрепя сердце. Отец не увидит Петю в альплагере и ладно.

Серёга Фурманов тоже приглядел себя шляпу.

– Лёня, возьму?

– Да бери, – махнул рукой Березницкий.

В результате четыре шляпы на следующее утро отправились в горы, украшая головы наших студентов.

– Пусть проветрятся, – утешил себя Лёня, – того и гляди, моль почикает.

На вопрос отца за столом, не видел ли сын чёрную шляпу, Лёня скроил задумчивое лицо, переспросил уточняя:

– Чёрная?

– Да-да-да, Лёничка, чёрная.

– Ой, па, ты извини. Мы её брали в альплагерь.

– И где она? – спросил с надеждой Семён Антонович.

– Па, ну ты же знаешь, в горах какие бывают погоды. Вроде тихо-тихо, потом как закрутит! Ветер налетел, сорвал и унёс в бурный поток. Её тут же волной накрыло. Река валуны ворочает, что ей та шляпа!

– Бывает, – понимающе покивал головой Семён Антонович.

Застолье продолжалось, но минут через десять, хозяин дома снова обратился к сыну:

– Лёничка, а ещё была тёмно-зелёная шляпа, фасон хомбург, с загнутыми полями. Что-то не обнаружил её в последний раз.

Мизансцена повторилась один к одному, как в случае с чёрной шляпой. Лёнино лицо приняло озадаченный вид, будто хозяин физиономии не мог понять: о чём речь.

Светланка смотрела на отца с братом глазами, в которых читалось весёлое: «Ну-ну-ка, что там дальше?»

– У которой туля с углублением? – задал Лёня дополнительный вопрос.

– Да-да-да! – закивал головой Семён Антонович.

– Па, так мы её тоже брали с собой.

Семён Антонович короткое время ждал информацию о судьбе шляпы. Но Лёня хранил молчание. Пришлось подтолкнуть вопросом:

– И что?

– На перевале поднялись на высшую точку, ветер как даст в лицо, шляпу сорвало.

– В реку?

– Хуже – в трещину угодила.

Светланка душилась от смеха, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не рассмеяться в голос. Она слышала два дня назад разговор родителей, отец сетовал: коллекция шляп похудела на четыре экземпляра после посещения дачи студентами.

Вечер продолжал плавное течение: наполнялись и опустошались тарелки студентов, в бокалы то и дело подливалось вино, в раскрытую балконную дверь струилась вечерняя прохлада. Гитара переходила из рук в руки.

В один момент Семён Антонович вернулся к коллекции:

– Лёничка, была ещё серая фетровая шляпа, фасон – федора, поля чуть книзу.

Лицо Лёни сначала выразило недоумение: какая-то «федора»? Но потом он будто бы начал что-то припоминать:

– Та, что ты носил, когда я в десятом классе учился? Из Таллина привёз.

– Из Вильнюса.

– Разве?

– Из Вильнюса, Лёничка, из Вильнюса.

– Мы её тоже брали в «Талгар».

Лёня замолкает. Светланка не знает, что с собой делать, смех рвётся наружу. Отец во главе стола, брат напротив неё, обоих хорошо видно.

– И где она? – напрямую спрашивает Семен Антонович.

– Нас ливень накрыл. Шляпу намочило, сушили у костра, уголёк попал, не заметили...

Валентина Николаевна принесла ещё одно блюдо – фаршированный перец. Он тоже пошёл на ура.

Светланка положила себе на тарелку самый маленький перчик, она сидела в нетерпении, ожидая окончания спектакля «Шляпы в горах Тянь-Шаня».

– Лёничка, – наконец спросил Семён Антонович, – я не обнаружил ещё одну шляпу – пирожок табачного цвета. Не подскажешь, где он может быть?

– Пирожок? – вопросительно поднял брови Лёня.

– Материал не гладкий, а как бы ребристый.

– Па, мы её тоже брали в горы.

– И что? – без всякой надежды спросил Семён Антонович.

– Ничего.

И ведь надо так закрутиться сюжету. До пирожка речь дошла в последнюю очередь, он остался на закуску. Семён Антонович уже не верил в положительный исход и всё же задал сыну вопрос:

– Лёничка, что значит «ничего»?

– А что с ней могло стать! – сказал Лёня. – Мы её привезли обратно!

Лёня встал из-за стола и вернулся со шляпой в руках. Она более походила на блин, чем на пирожок.

Семён Антонович сделал вид, что очень рад увиденному. Светланка вылетела из-за стола просмеяться у себя в комнате, – пирожок в форме блина добил девушку окончательно. Петя Волков сделал грудь колесом:

– Я пирожок носил. Была в надёжных руках и на надёжной голове!

Один Петя сумел сохранить коллекционный головной убор от порывистых горных ветров, бурных рек и жарких костров.

Четвёртое коронавирусное отступление

Айвазовский стенал из Москвы: из подъезда не выпускают, на двери список жителей, кому из дома выходить нельзя – группа риска.

– Только что не написали заголовок: «Сидеть дома и не рыпаться!» – возмутился Витя.

Он тоже фигурировал в списке «сидеть – не рыпаться». По причине пережитого инфаркта.

– Витя, – сказал на это Серёга, – электрики говорят: лучше изоляция, чем заземление.

– Сердечники, сидя дома, скорее в заземление пойдут. Кардиолог мне на каждом приёме повторяет: «Двенадцать тысяч шагов хоть ползком! Иначе – вечный покой седых пирамид!» Шутник, но зрит в корень. Представляешь, двенадцать тысяч шагов намотать по квартире. Это восемь километров. Хожу из кухни в коридор, из коридора в комнату, из комнаты – в другую. Точно, как в новоиспечённой поговорке: самоизоляцию пережить – не поле перейти! Хожу по квартире, а из окна парк Сокольники как на ладони! Весь в весне, весь в зелени. А я аки орёл в клетке. Недавно попала грустная шутка: «Никогда бы не подумал: на следующей войне меня заставят сидеть дома».

– Так воевать надо! – написал Аркаша Чехов, и бросил в

группу ролик с протестом испанок против существующего порядка.

Испанки не с плакатами пошли по улицам: «Долой самоизоляцию!», не в футболках с аналогичной надписью. Наоборот, снимали всё с себя до последних одежек. Голяком рванули по улице. И не десять или двадцать, даже не сто или двести. Шли и шли колонной в чём в баню ходят. Не исключено, по той самой улочке, по которой в корриду быков гоняют. Испанок никто не гонял, сами высыпали на проезжую часть в великом голом множестве. Одни бегом, скорее-скорее выразить протест да одеться. Другие не торопятся – уж если протестовать, так с чувством и толком. Идут себе не спеша, требуя отмены карантина.

– По протестам у нас Серёга специалист, – бросил реплику в группу Айвазовский. – Ударим альпинизмом по беспределу.

– Серёга у нас верхолазный борец за справедливость! – согласился Аркаша. – За что и пострадал.

Между строк этого диалога был прозрачный намёк на нетрадиционные восхождения Фурманова.

Нетрадиционные восхождения

Серёгу Фурманова подвёл альпинизм. Точнее – нетрадиционные восхождения по стенам общежитий. Первое восхождение прошло без сучка, без задоринки – никаких последствий, кроме весёлых воспоминаний, второе окончилось плачевно.

Серёга личность харизматичная, рядом с ним не соскучишься. В институте отличался этим качеством и доселе остаётся таковым. Толю Ройтера в начале XXI века производственная судьба забросила в небольшой городок в Казахстане. Кроме как на карте место сие не видел никогда, одно знал – там живёт Серёга Фурманов. Больше никакой информации о друге: ни телефона, ни адреса, ни места трудовой деятельности. В сумасшедшие девяностые Серёга попал в круговорот событий, как в песне поётся: «...я менял города, я менял адреса». Пропустил две встречи в институте и потерялся с горизонта. Имелась информация: в Казахстане осел. «Быть такого не может, – предположил Толя, выходя из вагона на перрон, – чтобы город не знал Серёгу». Спросил у таксиста, который вёз в гостиницу, тот пожал плечами, зато дежурная в гостинице сразу заулыбалась, услышав «Сергей Фурманов».

– Как же, как же, – сказала весело, – Сергей Павлович личность известная.

Через полчаса Толя разговаривал с Серёгой по телефону, а вечером они сидели в ресторане, вспоминая прежние годы.

Они учились на четвёртом курсе, когда сменился комендант общежития. До этого много лет неизменно занимал хлопотливую должность легендарный Марк Борисович. Общежитие было его родным домом. Ни детей, ни жены и никакого другого жилья у него не имелось. Занимал комнату на первом этаже. К студентам относился, как к детям, которым спуску давать нельзя. Мягким не был, но и не зверствовал. Хоронили Марка Борисовича из общежития. Гроб стоял в вестибюле, где проходили по субботам танцы, на которых, бывало, присутствовал Марк Борисович, присматривая за своими великовозрастными чадами.

После него поставили Маргариту Ивановну. Студенты тут же окрестили нового коменданта – Команданте Маргоша, или просто Маргоша. За глаза только так именовали. Студентов она органически не переваривала. Выводила из себя, бесила их вечная настроенность на смех. Стоит двоим собраться, и пошло-поехало: хи-хи да ха-ха, ха-ха да гы-гы-гы! А уж если компанией собьются – сплошная ржачка. С чего, спрашивается, гоготать всю дорогу? Если смеялись за её спиной, казалось – она причина, над ней потешаются, и готова была разорвать весельчаков.

Команданте Маргоша не относилась к тем женщинам, у которых всё давно позади. Не двадцать студенческих лет значилось в её паспорте – сорок пять, но внешне отнюдь не

мымра. При фигуре, одевалась вполне, на голове порядок. Следила за собой. При этом выражение лица, стоило Маргоше переступить порог общежития, лучше не смотреть. Чугунно глядела Маргоша на институтский мир, будто точила её кудрявую голову одна забота, как бы извести под корень всех студентов.

Марк Борисович держал общежитие в берегах, но прощал провинившихся, сор из общежития в комитет комсомола, партком, деканат не выносил. Только если кто совсем страх терял. Маргоша давала огласке любую провинность. Первокурсники и второкурсники боялись её как огня, третьекурсники побаивались, четверокурсники старались не связываться. Больше других беспокойство доставляли Маргоше пятикурсники. Играя в преферанс, не закрывали дверь на замок, не прятали карты, если заходила с проверкой, дерзили. Она им:

– Прекратите картёжничать, здесь не тюрьма играть в азартные игры!

Они в ответ приводили примеры великих писателей, любивших перекинуться в картишки.

– Вы что, Маргарита Ивановна, хотите сказать, что Николай Алексеевич Некрасов, автор знаменитой поэмы «Кому на Руси жить хорошо» был под стать зекам-арестантам, раз любил играть в карты? – смело перечили пятикурсники. – Фёдор Михайлович Достоевский, автор романа «Преступление и наказание», тоже играл.

Авторитет великих Маргошу не убеждал, она требовала «прекратить превращать общежитие в воровской притон».

Не давал покоя Маргоше радиоузел общаги. В нём пятикурсники устроили клуб по интересам. Интерес был один: запереться в радиоузле и под западную музыку с пивом-вином в карты резаться. Маргоша попыталась хитростью, под видом заботы о них выжить оттуда. Поставила вопрос на студенческом совете общежития: пятикурсникам надо сосредоточиться на дипломной работе, а мы бессовестно нагружаем общественной работой, давайте освободить от радиоузла. Ничего не вышло. Студсовет встал на сторону пятого курса. Особенно люто возненавидела Маргоша заправляющего радиоузлом долговязого дипломника Гошу. В его подчёркнуто интеллигентном полупоклоне, с коим здоровался с ней при встрече, видела скрытую издёвку над собой. Как ей хотелось прищучить Гошу, заставить лебезить, оправдываться.

Маргоша дождалась своего часа. Засекла долговязую фигуру Гоши в коридоре первого этажа, когда он тащил раздутый в боках портфель. Опытным взглядом определила: не конспектами набит портфель. Не тетрадки в нём, не листы с курсовой работой. Бутылки распирают бока. Прикидываясь, будто идёт по своим делам, Маргоша отследила маршрут Гоши, он направился на третий этаж, – в радиоузел. Минут через пять проследовала мимо радиоузла – из-за двери доносились кроме музыки возбуждённые голоса. Хорошо. Очень хорошо. Как ей хотелось сразу накрыть компанию. Сдержала

себя – пусть птички увязнут в ловушке. Из окна своего кабинета Маргоша ещё раз увидела Гошу, снова шествовал с раздутым портфелем – ходил за добавкой.

Маргоша выжидала счастливый момент, чтобы разом покончить с радиоузлом – рассадником студенческой вольности. И добилась своего, сидя в засаде: птичка завязла по уши. Пятикурсники под воздействием доставляемых в портфеле напитков окончательно утратили бдительность – забыли закрыться, такого никогда с ними не случалась. Маргоша подняла руку, настроившись тарабанить в дверь до последнего. Но дверь подалась от лёгкого толчка, а за ней взору предстала картина Репина «Приплыли». На столе батарея полных бутылок, у стены ещё одна – но пустых, пепельница полна окурков, открытые банки консервов, магнитофон орёт, карты на столе отнюдь не географические: дамы с королями и тузы с валетами.

– Всем встать и выйти! – гробовым голосом скомандовала Команданте Маргоша.

Долговязый Гоша попытался уладить ситуацию. Маргоша истерично закричала:

– Я сказала: всем встать и выйти! Иначе вызываю милицию!

Пятикурсники вышли, было их четверо. Маргоша потребовала ключ от радиоузла, закрыла помещение и опечатала дверь своей печатью.

– Будем разбираться у ректора! – бросила Гоше. – Устро-

или распивочную! Я вас поставлю в стойло! Будет вам завтра кино и немцы.

Гоша, расставшись с Маргошей, бросился в 512-ю комнату:

– Ребята, выручайте!

– Да проще простого, – сказал Серёга Фурманов. – Окно открывается?

– Да.

– Гоша, не вибрируй, сделаем!

Серёга полез в шкаф за альпинистским снаряжением, достал верёвку, а Гошу послал на разведку, узнать – ушла или нет Маргоша из общежития. Удостоверившись, что Маргоша покинула подведомственную территорию, отправились на четвёртый этаж. В комнате над радиоузлом Серёга завязал верёвку за чугунную батарею, спустился дюльфером на один этаж, открыл окно в радиоузел, проник в «распивочную», а дальше дело техники.

На следующий день было «кино и немцы».

Маргоша довела информацию о беспорядках в радиоузле до деканата, парткома, профсоюзного комитета и комитета комсомола. Собрала чрезвычайную комиссию и повела на место преступления. Декан, его заместитель, секретарь комитета комсомола, представитель парткома, ведомые Маргошей, направились в общежитие. Команданте вышагивала впереди всех, в туфлях на высоком каблуке, деловом, хорошо сидящем на ней костюме – решительная, уверенная, ра-

зящая.

Общежитие припало к окнам – такой представительной делегации не видело давно у своих стен. Подойдя к радиозулу, Маргоша первым делом удостоверилась, что печать на двери в целостности и сохранности, повернула ключ в замке, толкнула дверь, показала членам делегации рукой – заходите. Дескать, я уже видела, теперь вы полюбуйтесь, что творят ваши студенты, на которых государство такие деньги переводит. Вместо того, чтобы день и ночь сидеть над учебниками – пьют вино, играют в карты, безобразничают.

Делегация во главе с деканом проследовала в комнату. И встала посреди неё в лёгком недоумении. Никаких следов пьянки, безобразий, безнравственности – ни бутылок, ни окурков, ни карт. Чисто, прибрано, на стене политическая карта мира. Серёга даже пол подтёр. Страшно не любил это делать в родной 512-й комнате, но тут очень хотел досадить Маргоше, у него с ней не один раз стычки случались, тоже имела на Серёгу зуб и он ответный.

Декан хмыкнул, окинув внимательным взглядом радиозул, и сказал коротко:

– Стены и потолок пора бы уже побелить.

Повернулся и пошёл к выходу, за ним последовали остальные. Маргоша хлопала глазами, она была растеряна, обескуражена и убита. Всю ночь мечтала об этом сладком моменте, а он оказался горьким.

И всё же Маргоша дождалась праздника на своей улице,

пусть не по поводу торжественной постановки в стойле долговязого Гоши. С тем ничего не получилось, зато Серёге с огромным удовольствием подписала бегунок, когда он бесславно покидал институт.

Известно: пиво такой напиток, полстакана выпьешь, а запах – будто ночь напролёт бражничал. Положим, Серёга в тот субботний вечер не полстакана употребил, даже не стакан, пару пол-литровых кружек осадил, но что это за объём для его ста восьмидесяти сантиметрового полного жизнерадостной энергии роста. У Серёги была пассия, девушка с третьего курса. Жила в другой общаге. По субботам устраивались в ней танцы, зажигательно играл студенческий оркестр, грохотала музыка, не устоишь на месте. Серёга тоже вознамерился потанцевать со своей девушкой и отправился к ней. Но на входе в чужое общежитие шлагбаум опустила грозным окриком вахтёрша:

– Стоять! Пьяным не положено!

Серёга повернул голову вправо, затем влево, как бы ища того самого пьяного, в адрес которого прозвучала команда.

– Кто пьян? – написал на своём лице изумление Серёга.

– Вы! – сказала вахтёрша, женщина лет пятидесяти, в очках с толстыми стёклами.

– Я? – ещё более удивился Серёга. – Да я вообще крепче чая ничего не употребляю.

И добавил с пафосом:

– Готовлюсь в космонавты!

– Вот и скатертью тебе дорога в космические дали! Дуй в свой космос, пока милицию не вызвала! У нас таким космонавтам делать нечего.

Вахтёрша не первый год занимала беспокойную должность, отработала стиль поведения. Антимонии не разводила в подобных ситуациях.

– Хорошо, – сказал Серёга. – Мы ещё с вами, мадам, встретимся на орбите.

– Лети-лети, голубь сизорылый! – сказала своё последнее слово вахтёрша. Ей очень не понравилось, что Серёга назвал её «мадам», услышала в этом что-то от сравнения с женщиной лёгкого поведения.

Однако Серёга решил продолжить диалог и оставить последнее слово за собой. Он вышел из общежития, окинул взглядом фасад здания. Проследил путь водосточной трубы, прочерчивающей стену до самой крыши. На четвёртом этаже труба проходила в каком-то полуметре от раскрытого окна. Ну что Серёге каких-то тринадцать-пятнадцать метров, когда он лазил по отвесным стенам Тянь-Шанских вершин. Вскоре он ступил на подоконник того самого окна на четвёртом этаже.

– Парни, – сказал обитателям комнаты, спрыгнув с подоконника на пол и направляясь к двери, – всё нормально. Окно не закрывайте, я ещё зайду.

Парни удивлённо посмотрели на Серёгу. Но проблему из его неожиданного появления делать не стали.

Серёге нет бы – пойти обрадовать свою девушку приглашением на танцы и отправиться с ней отплясывать шейк, томится в танго, нет, напрямую двинул к вахте и, замедлив шаг, проследовал мимо вахтёрши. Та глазам своим не поверила. Только что отправила «космонавта» за дверь и вот он с другой стороны...

Серёга тоже говорить ничего не стал. Он покрутил многозначительно пальцем у виска. Дескать, чья взяла.

Вышел из общежития, во второй раз проворно взлетел по водосточной трубе на четвёртый этаж.

И снова не отправился к своей девушке, а с ней на пару на танцы, прошествовал мимо вахтёрши всё с тем же обидным жестом, красноречиво намекающим на непорядки в мозговой деятельности адресата.

– Сам дурак! – истерично прокричала вахтёрша в лицо Серёги, и повторила в спину «космонавта»: – Сам дурак!

И ещё один раз они обменялись «дураками». Серёга готов был в четвёртый раз продемонстрировать нелицеприятное отношение к вахтёрше, но та не сидела без дела, пока Серёга покорял отвесную стену общаги при помощи водосточной трубы, приготовила сюрприз в виде двух милиционеров.

Ректор протоколы из милиции на студентов не прощал – Серёгу выгнали.

– Это ведь ты залез в радиоузел и убрал бутылки? – мстительно произнесла Маргоша, подписывая бегунок Серёге. – Довыпендировался на свою голову!

– Какие бутылки? – дурашливо поднял брови Серёга. – Какой радиоузел, товарищ команданте? Закусывать надо!

– Что значит закусывать? – возмутилась Маргоша.

– Имею честь откланяться! – щёлкнул каблуками Серёга. – Желая не чихать, не кашлять! Полемику устраивать с вами мне сегодня недосуг!

– Чтобы сейчас же духу твоего не было в 512-й! – крикнула вослед Маргоша!

Так провожаемый напутственным словом Маргоши, окончил Серёга эпопею учёбы в стенах НЭИС. Можно было попробовать восстановиться осенью на четвёртый курс, но Серёга не стал этого делать, он поехал в Томск и окончил там политехнический институт.

Неудачу с НЭИС расценивал как недоразумение. Локти не кусал: зря полез по этой треклятой водосточной трубе. Голову пеплом не посыпал: ну один раз подразнил вахтёршу, ну два... В этом весь Серёга, что сделано, то сделано, надо идти вперёд, не оглядываясь...

Хотя он не получил диплом НЭИС, своей родной группой считал «классиков».

Пятое коронавирусное отступление

Наши женщины тоже могут отмочить не хуже испанок. Пусть не в качестве протеста. Шуму в соцсетях и в чиновничьей среде навела молоденька медсестра по коронавирусу. Представляю, лежишь в палате, и вдруг заходит в этом марсианском костюме, вся упакована против короны: на голове шлем, циклопические очки, респиратор, на ногах спецобутка – никакая зараза не проберётся, и голо тело под прозрачным костюмом. Не совсем, чтобы, как у протестующих испанок: сверху и снизу было по чуть-чуть. Когда до начальства дошло, медсестра прикинулась, будто не представляла, что костюм настолько прозрачный. Без того работать приходится в напряжённом режиме целый день, а в скафандр никакой воздух не проникает – жарко, вот и придумала облегчить жизнь. Пациенты мужского отделения были не против новшества, дескать, коли жарко, ходи себе на здоровье. Даже иммунитет укрепляется от вида стройной фигуры, картина придаёт чувство оптимизма, веру в завтрашний день, мобилизует ослабленный организм на борьбу за выживаемость.

В одной маске ходить не сахар. Лицо потеет, дискомфорт. А ты её везде надевай. Еврейский анекдот прошёлся по ватсапу:

– Моня, когда уже эта самоизоляция с масками и другой дуротой закончится?

– Абрам, потерпи, люди вложились в это дело, отобьют деньги и всё вернётся на круги своя.

Поэты тоже прошлись на данную тему. Тем более просочилась информация, что мэрия Москвы закупила масочное производство, а мэр пообещал масочный режим аж до февраля 2021 года. На что народный поэт изрёк:

Говорят, что уважаемые люди
Прикупили масочный завод,
И теперь режим ношенья масок будет
Продолжаться целый год.

Только огорчаться мы не будем,
Маски – это разве катаклизм.
Лишь бы уважаемые люди
Не купили производство клизм.

Стихи бросил в ватсап Айвазовский, а следом сообщил: «Петя Волков найден». Витя провёл почти шпионскую операцию, точнее – контразведческую. В его богатой биографии имела место работа по обеспечению спецсвязи КГБ. Витя поднял старые знакомства и нашёл Волкова. Что уж там говорить, пазлом студенческой жизни Петя был ярким. Оставил рельефный след в жизни потока. Подтверждением служит хотя бы такая история.

Клуб любителей девушки из Помельцево

Историю, которой посвятим нижеследующие страницы, имела место быть на третьем курсе. В зимнюю сессию Петя Волков ухитрился сдать последний экзамен досрочно. Всем четыре дня готовиться, а у Пети в зачётке полный порядок, обеспечивающий начало каникул. Улизнуть так просто в свою родную «деревеньку деревянную» Пете не свезло. Товарищи раскрутили его на отвальную. Как Петя не пытался отказываться, пришлось проставляться. При всей своей расчётливости, понимал, если ты участвуешь в коллективных мероприятиях за чужой счёт, должен и сам время от времени накрывать поляну. В тот раз он крепко выпил. Если соотрапезники в уголках памяти держали информацию о скором экзамене, Петю ничего не сдерживало, опять же, сам вино покупал, надо отпить побольше. Однокашники проводили Петю на вокзал, посадили в поезд.

Как и всё в нашей жизни, о чём долго мечтаешь, что с нетерпением ждёшь – быстро заканчивается: те каникулы тоже пролетели одним днём, и начались учебные будни. На второй день после окончания каникул вечером Петя пришёл в 512-ю комнату и доложил, что получил письмо от девушки из деревни Помельцево.

Комната под номером 512 отличалась тем, что в ней ча-

стенки устраивались коллективные мероприятия. Здесь была гитара, магнитофон, и народ жил компанейский. Один Аркаша Чехов чего стоил. Из себя видный, ростом метр и ещё восемьдесят сантиметров, крут в плечах, слегка сутуловат, да это мелочи на общем фоне. Русые волосы, синие умные глаза, большие губы, всегда готовые к улыбке. Аркаша был преисполнен весёлых сил и жизнерадостной энергии. Любил играть в футбол, настольный теннис, а ещё – на гитаре. Знал бессчётное количество песен Кукина, Визбора и Высоцкого и анекдотов. Вокруг него всегда крутился народ, в тот вечер в четырёхместной 512-й собралось человек восемь. Петя с письмом от девушки пришёлся кстати.

– Вы же меня накачали в день отъезда, – сетовал Петя

– Кто тебя накачал? – мгновенноотреагировал Толя Ретор. – Я раза два предупреждал: «Петя, не налегай на стакан, тебе ехать». А ты петухом гамбургским: «Да я трезвый, как бабушка!»

Петя пропустил это замечание мимо ушей.

– В поезде, – продолжил он, – я, оказывается, познакомился с девушкой Лидой.

– Что значит «оказывается»? – спросил Рустам Исмаилов, тоже был из 512-й

– Не помню я её. Но адрес нашей общаги дал и фамилию назвал. И она мне сунула бумажку с адресом. Я дома крутил её в руках, крутил. Не мог понять, откуда взялась. И вот письмо.

Это известие было воспринято с большим интересом. Со всех сторон понеслись предположения о содержании письма.

– Она пишет, что ты должен жениться на ней? – спросил Толя.

– Нет. До этого ещё не дошло.

– Всё впереди! – сказал Рустам.

– Вам бы только скалиться! – отбивался Петя.

– Я плохо помню её, почти не помню. Оказывается, мы обменялись адресами. Она написала.

– Или пишет, что ей денег должен?

– Да нет, – зло ответил Петя.

Не любил он тему денег даже в таком ракурсе.

– Пишет, что я ей понравился.

– А она тебе?

– Я же говорю, ничего не помню. Но пишет безграмотно.

– Давай сюда, – отобрал Аркаша Чехов письмо и принялся читать.

«Здравствуйте, Коля!», – начиналось письмо.

– Почему «Коля», – удивился Аркаша.

– Это я шифровался.

– Ну, ты, Петя, и ходок! Лишь бы алименты не платить.

«Не всем быть инженерами, – была в письме такая фраза, – я работаю на скотном дворе телятницей. Работа мне нравится. Если вы не прочь переписываться, то я согласна».

– «Инженер» и «нравится» – это, Петя, хорошо! – сказал

Рустам. – С другой стороны – надёжная жена. Ты её из навоза вытащишь в большой город, она тебе за это будет всю жизнь ноги мыть и воду пить. Ты уже ответил на письмо?

– Не буду ничего отвечать! – кипятился Петя. Он уже был не рад, что показал письмо.

Этот момент стал отправным в создании клуба «Любителей девушки из Помельцево».

– Мы сами ответим, – с энтузиазмом сказал Аркаша. – Петя, ты не против?

– Мне-то что, – сказал Петя, – хоть в гости к ней на скотный двор поезжайте.

Аркаша освободил стол, вырвал из общей тетради лист, достал авторучку и взялся писать письмо. Коллективное эпистолярное творчество было под стать картине Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Каждую фразу обсуждали всей компанией.

«Лидочка, – придумывал вслух Аркаша от имени Волкова, – скажу со всей откровенностью, вы мне понравились с первого взгляда. Особенно ваши глаза, бездонно красивые, лучистые, в них столько сердца...»

– Напиши, – предложил Рустам, – глаза, как синий плат небес!

– А если они, как чёрная ночь? Петя, какие у девушки глаза?

– Разные, – раздражённо ответил Петя, – один правый, другой левый! Откуда я помню? Имя не запомнил. Письмо

беру на вахте, не могу въехать, кто это. Только потом дошло. Помельцево хорошо запомнил, в эту дыру с отцом один раз ездил. Были глаза. Вроде бы. Как же без глаз. Это я бы заметил.

– Пишем так, чтобы к любым глазам подходило.

В письмо изобиловало восхищением по поводу красоты Лиды, её глаз, стана, музыки её голоса. Порезвились студенты на полную катушку.

Через неделю пришёл ответ. Принёс его с вахты Чехов.

– После ужина пишем ответ, – доложил он.

«Клуб любителей девушки из Помельцево» снова собрался вечером в 512-й комнате. Иногда его называли «Клуб любителей телятницы из Помельцево».

Лида извинялась перед Колей: «Не хочу вас заводить в заблуждение, вы, поди-ка, не заметили, я ведь ногу подволакиваю... И левый глаз чуток кривой».

На что кавалер «признался», что он тоже не идеал, у него тоже есть изъяны, не всё в организме в порядке: в сердце колики, голова с похмелья болит, одышка, а бывает и энурез.

Долго спорили писать про энурез или нет. Противники признания в стыдном недомогании напирали на то, что можно спугнуть сей болезнью Лиду, вдруг перестанет писать. Однако победили сторонники энуреза. Лида никак не отреагировала на хворь недержания у кавалера. Полусловом не обмолвилась по данному поводу. Пожаловалась в ответе, что её «ударил в правую ляжку своей конечностью с копытом

корова Берёзка. Взбрехала комолая скотина. Нога болит и синячишша во всю мою конечность».

Письма пестрели орфографическими ошибками. Чехов придумал проводить работу над ошибками. Исправлять красным и отправлять письмо обратно. Лиде эта идея понравилась. Тут же написала своё жуткое «еслиф»: «Исправляйте меня. Еслиф буду грамотная, глядишь, в контору от навоза возьмут, не то провоняла уже».

– Возьмут секретаршей к председателю, – сказал недовольно Петя, – перестанет нам писать.

– Петя, не волнуйся! Ишь завибрировал потерять телятницу. Сам подумай, в какие секретарши с дремучей безграмотностью могут взять твою ненаглядную телятницу.

– Да мне-то что. Пусть хоть председателем назначают.

Запятые Лида расставляла, как попало. Однако «Клуб любителей девушки из Помельцево» решил с запятыми не заморачиваться, не то вообще запутают Лиду. Хотя бы научить писать общепринятые слова: огород, лопата, автобус, фуфайка. Пишет так, что ни в какие ворота: «огарод», «лапата», «автобуз», «куфайка».

Раза два в месяц собирался «Клуб любителей девушки из Помельцево» для написания ответа.

– Предмет нашей общей страсти прислала письмо, сегодня пишем ответ, – объявлял членам клуба Чехов, который без выборов был признан председателем.

Клуб, бывало что, коллективно писал в Помельцево сти-

хи. Один из примеров любовной лирики клуба:

Опять зима, идут снега
И хочется в полёт!
Ведь та, что сердцу дорога,
Так далеко живёт!

Готов на крыльях и пешком
Идти, бежать к тебе,
В Помельцево стоит твой дом,
А ты – в моей судьбе!

– Это что, Петя на домик в деревне намекает? – тут же находились критики. – Дескать, с домиком люблю тебя до гроба.

– Без домика Пете судьба не нужна! Ему с домиком, с коровкой, с мотоциклом!

Веселился клуб от души над каждым письмом в Помельцево. Однажды в отсутствие Пети разгорелась полемика: посылать Лиде фото Волкова на память или нет. Накануне мужской компанией ездили за город и скрытой камерой сфотографировали Петю, когда тот в семейных трусах до колена, развевающихся парусами над речной водой, входил в Обь. После долгих споров победило мнение: лучше воздержаться от такой порнографии, дабы не шокировать сельскую девушку. Чехов тому «Клуба любителей девушки из Помельцево»

не забывал даже на летних каникулах. Привёз народные стихи, которые затем были положены на гитарную музыку. Песня стала гимном «Клуба». В песне были следующие лирические строки:

По бугоркам, по дальним бугорочечкам
Пушай моё письмо к тебе дойдёт!
Я буду ждать родёмого ответу
И верю я, что ён ко мне придёт!

Героиня песни – девушка, она пишет сердечное письмо возлюбленному.

Вчера я на танцы отпросилася.
Колхозный бык порушил мой забор.
Ещё у нас свинья опоросилася,
А мы с тобой в разлуке до сих пор.

Ещё ты знай, что жизнь в нашем крае,
Она ведь не стоит, она течёт.
Ещё ты знай, что Сенька, местный фраер,
Мне день и ночь проходу не даёт.

По вечерам гоняем мы скотину,
Кругом растёт высокая трава.
А за окном кудрявую рябину

Отец срубил по пьяне на дрова.

Отчаянный Серёга Фурманов предложил отправить стихи в Помельцево. Его порыв не поддержали: как бы не обидеть девушку, такими, к примеру, строчками:

Приедешь ты, я буду незамужняя,
И может даже, девушкой при том.
Но только знай, что всех моих подружек
Испортил конюх наш, хромой Артём.

Песню исполняли не только в 512-й, она пользовалась неизменным успехом в выездах за город, в походах. Пели её в горах Тань-Шаня, на саянских реках и по всей Новосибирской области.

Длилась переписка больше года. И вдруг во второй половине апреля, «Клуб» учился на четвёртом курсе, пришло письмо из Помельцево. Лида сообщала, что едет к подруге в Новосибирск, и очень хочет встретиться с Петей. «Клуб» оживился. Мгновенно был написан ответ, в котором говорилось, что встретиться следует непременно. Он, Петя, всё время разлуки мечтал об этом свидании. Лида написала, что приходить на вокзал не следует, она сама придёт в общежитие второго мая.

– Петя, цветы обязательно! – сказал Толя Рейтор. – Без цветов нельзя.

У Пети вытянулось лицо, как от зубной боли.

– Я чё больной цветы покупать!

Другого ответа от Пети ждать не следовало.

– Какая бы ни была она телятница, но ты-то джентльмен, – пригвоздил Петю Толя. – И все мы! Обязательно девушку ведём в кафе. Мы хоть и не гусары, но советские студенты. Шампанское, вино... Всё как полагается в таких случаях... Объявляю второго мая днём «Клуба любителей девушки из Помельцево» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Постоянных членов «Клуба» насчитывалось восемь, но от желающих идти в кафе отбоя не было, набралось четырнадцать человек. Заказали четыре столика.

Второе мая в Советском Союзе было праздничным днём, в пятнадцать ноль-ноль, час встречи с Лидой на вахте общежития, «Клуб» в полном составе выдвинулся из 512-й комнате. Впереди шёл Петя с букетом из пяти гладиолусов, за ним остальные. Всех одолевало любопытство – что это за Лида из Помельцево.

Возбуждённые они спустились на первый этаж, и возникло замешательство. Перед вахтой стояло нечто – ну просто очаровательное создание. А если не жалеть эмоций – красавица.

– Неужели эта наша телятница из Помельцево, – тихо сказал кто-то из задних рядов.

– А вы, наверное, Коля, – сказала девушка, сделав шаг на-

встречу Пете.

– Он у нас Петя, – встал рядом с Петей-Колей Чехов, – вы уж извините его.

Чехов толкнул Петю в бок, дескать, вручай цветы. Петя сунул букет Лиде. И тут же отступил назад. Понял, что в своих брюках с пузырями на коленях, застиранной клетчатой рубашке не смотрится он рядом с «телятницей». На Лиде был плащ цвета кофе с молоком, демисезонные белые сапожки на высоком каблуке, на шее лёгкий шарфик, на голове шляпа с широкими полями. И вся она была весенняя, воздушная, праздничная.

Телятница не угадывалась. Тонкие черты лица, лёгкий макияж, манера держаться, длинные с аккуратным маникюром пальцы – всё говорило: не телятница.

Аркашу это не смутило, он смело взял гостью за локоток. Предложил пройти в 512-ю комнату и огласил план действий на сегодняшний день: для начала предлагается испить чайку с печеньем и конфетами, затем товарищеский ужин в кафе по случаю приезда телятницы из Помельцево.

– Вот это да! – восхищённо сказала Лида и смело пошла ведомая Чеховым.

Надо было видеть этот проход. Впереди очаровательная Лида, на полшага от неё Аркаша, он по-прежнему воздушно придерживал девичий локоток. Позади торжественно выступал «Клуб любителей девушки из Помельцево». Студенты, оказавшиеся на пути, уважительно расступались, давая до-

рогу парадному шествию старшекурсников. Первое, что увидела гостя, переступив порог 512-й комнаты, плакат с приветствием, написанном метровыми буквами: «Лида, с приехалом!!!»

Надо сразу поставить точки над всеми буквами. Ногу Лида не подволакивала и других дефектов, объявленных в письме – косоглазие, заикание – не наблюдалось.

Петя и опечалился, и обрадовался одновременно. Какою-то надежду лелеял в связи с приездом девушки из Помельцево. Как-никак парень двадцати одного года от роду. Но с первого взгляда на «телятницу» понял: не его полёта Лида, ловить ему нечего. И тут же себя успокоил: вот и хорошо, не придётся тратить.

Веселились в кафе от души: вино, танцы, вкусная закуска, тонизирующее кровь присутствие прекрасной представительницы прекрасного пола. Четыре столика сдвинули вместе. На них было что выпить и хорошо закусить. Собираясь в кафе, сбросились по десять рублей, червонец по тем временам – хорошие деньги. Ещё в общежитие были раскрыты все карты. Лида к телятам не имела никакого отношения, учитель русского языка и литературы, она после окончания пединститута отработывала в Помельцево положенные после получения диплома три года.

– А мы вам устраивали «работу над ошибками», – хохотал Аркаша.

– Надо сказать, вы на твёрдую четвёрку писали, – похва-

лила Лида товарищей по переписке.

Стоит ли говорить, каким вниманием она была окружена в тот вечер. Играл вокально-инструментальный ансамбль, Лиду наперебой приглашали танцевать. Даже были попытки это сделать представителями чужих столиков. На что члены «Клуба» сразу дали понять: самим мало, лучше не мешаться под ногами.

Всё закончилось тем, что «Клуб любителей девушки из Помельцево» распался сразу после вечера в кафе. Председатель клуба узурпировал «предмет страсти», а через год «Клуб» в полном составе, в том числе и Петя Волков, гуляли на свадьбе Аркаши и «телятницы из Помельцево».

Сводный хор «Клуба», дополненный группой «классиков», той её частью, которая не входила в перечень «любителей», с воодушевлением исполнил гимн «По бугоркам»:

По бугоркам, по дальним бугорочечкам
Пущай моё письмо к тебе дойдёт!
Я буду ждать родёмого ответу
И верю я, что ён ко мне придёт!

Сразу после гимна Петя взял застольное слово, произнёс пламенный тост. Суть которого сводилась к одному: он, Петя Волков, на данном торжестве самый главный, кабы не его поездка с невестой в одном купе, никакого загса с шампанским, свадьбы с криками «горько» не было в помине. Посему

молодожёны должны, как минимум раз в месяц приглашать его, Петю Волкова, к себе на обед и поить пятизвёздочным коньяком.

– Петя, харя лица не треснет? – громко поинтересовался Витя Айвазовский.

– Нет, – твёрдо ответил Петя, – мои лицо с харей не то выдержат. А за счастье надо платить!

Следует заметить, один раз Петя был приглашён с другими членами «Клуба любителей девушки из Помельцево» к Чеховым на обед с коньяком, славно в тот раз погуляли. Затем все вышли на диплом, защитились и разъехались по городам и весям обеспечивать надёжную электрическую многоканальную связь.

Пятое лирическое отступление

Встречу выпускников порушил коронавирус. Москвич Айвазовский квартиру мог покидать только для прогулки, и то через день, на входной двери подъезда висел график выхода из дома на пару часов. Про полёты на самолётах думать не могли. Вся Москва по углам забились в масках и перчатках. Коронавирус даже Парад Победы победил. Испугались власти, отменили. Всё шло к тому, что и лето мэра Москвы запретит под лозунгом: всем сидеть по домам в масках его производства.

Да не на тех напал коронавирус и его генералы. Встреча наших выпускников состоялась, пусть в формате видеоконференции, но со всей атрибутикой. Получилось торжественно и красиво. На столах шампанское, вино и коньяк. Суровыми закусками не загромождали поверхности перед мониторами, когда тут жевать. Но и не корочками хлеба ограничились – застольный опыт, накопленный за семьдесят лет жизни, подсказал, как правильно и сердито надо закусывать в данной ситуации.

Мужчины сели перед компьютерами, ноутбуками, планшетниками в костюмах и галстуках, женщины в нарядных платьях. Даже Серёга, никогда в институте не отличавшийся академизмом в одежде, вышел на видеоконференцию при галстукке.

– Серёга, и ты при полном параде? – воскликнул Толя.

– А что мы плохо живём или мало кому должны! – отреагировал Фурманов. – Пару кредитов и у нас имеется.

Толя приготовил юбилярам фильм. Перерыл свои студенческие фотоархивы, привлек современные компьютерные технологии, мультипликационные программы, включил мозговую фантазию и получился классный результат. К примеру, Серёга-альпинист штурмует отвесную стену общежития. Постороннему непонятно, что к чему, но в зале нет посторонних, а свои восприняли на ура Серёгу, покоряющего общагу под песню Высоцкого:

Отвесные стены... А ну, не зевай!

Ты здесь на везение не уповай:

В горах ненадежны ни камень, ни лёд, ни скала.

Надемся только на крепость рук...

За Серёгой, карабкающимся по стене общаги, последовала эпическая картина «Любители девушки из Помельцево пишут письмо на деревню девушке». На ней изображён Аркаша Чехов с гусиным пером в руке над листом бумаги, а вокруг «любители» – все наши друзья. Рустам с гитарой, Витя Айвазовский со сковородой. Наконец, самый колоритный «любитель» – Петя Волков – с голым торсом, в трусах до колен, кирзовых сапогах, соломенной шляпе в дырочку хохочет во все свои тридцать два зуба. Так ему весело от «письма

на деревню».

– А где Петя? – обратился Серёга к аудитории видеоюблея после просмотра фильма. – Железно обещал быть.

– Здесь я, здесь! – подключился пропащий.

Он тоже предстал перед собравшимися в галстуке. Да не простом. Тёмно-синий пиджак и лимонного цвета галстук. Однако больший интерес у сокурсников вызвал не крикливый галстук, а сам Петя. Его было трудно не узнать, и узнать непросто. Вроде бы не возникало никаких сомнений, конечно, Петя. Однако столкнись на улице, не исключено – большинство сокурсников прошли бы мимо. Петя растолстел. Он в институте к пятому курсу стал справным. Члены «Клуба любителей девушки из Помельцево» подтрунивали, мол, возлюбленная скотница-телятница разлюбит: боевой петух должен оставаться худым и жилистым, а ты толстый и неповоротливый. Хотя Петя не был таким уж толстым, но и жилистость утратил. К семидесяти годам стал, что поставить, что положить. Раздобрел, размордел, глазки в щеках теряются.

– Петя, ты ли это? – спросил Витя Айвазовский. – Ты в какой весовой категории?

– Хорошего человека должно быть много! – заученно ответил Петя. И перевёл тему на более приятное: – Давайте, вздрогнем за встречу.

Петя сидел перед монитором с чекушкой водки и тарелкой бутербродов с колбасой.

– Петя, ты чё так слабо отмечаешь праздники? – сказал

Витя Айвазовский, – Не уважаешь компанию?

– Не, – ответил за Петю Фурманов, – он не можешь смириться: Аркаша у него телятницу из Помельцево отбил?

Петя ответил серьёзно:

– Не, здоровье не позволяет. Врачи, чтоб они были здоровы, запрещают... «Вы можете хоть каждый день по фужеру красного сухого выпивать, – передразнил кого-то, – но не более того». А если мне не надо каждый день, я хочу раз в месяц нарезать? Нет, нельзя.

– А скажи-ка, Петя, мне свой адрес, – поинтересовался Айвазовский из карантинной Москвы.

– Это ещё зачем? – насторожился Петя.

– Не бойсь, в гости не приеду.

– Чё бы я боялся? – с обидой сказал Петя. – Приезжай!

Места хватит. Один живу.

– Мне и не надо твой адрес, – сказал Айвазовский и к вящему удивлению Пети назвал его место проживания.

– Ну, ты даешь! – скривил губы Петя. Молоток!

Через полчаса в далёкой Чите, что-то отвлекло Петю от монитора:

– Ребята, сейчас, – сказал он, – домофон.

Петя исчез с экрана. На что Айвазовский объявил:

– Сейчас Петя забудет всех своих врачей.

– Это почему? – спросил Толя.

– Шеф, не спеши! Сейчас увидишь!

Петя появился с двумя бутылками коньяка.

– Айвазовский, – закричал Петя, – ну ты даёшь стране древесины! Не зря у тебя была кличка – Орёл! Орлом ты был, Орлом ты и остался! Я даже не поверил сначала. «Вам, – говорит, – презент из Москвы от Виктора Айвазовского».

– Так наливай, Петя, по полной! – призвал Айвазовский. – Будем выпивать за здоровье юбиляра Аркаши и евонной девушки из Помельцево, которую получил, благодаря тому, что ты в тот памятный вечер фужером красного не ограничился, а нарезался креплёным красным до беспамятного состояния.

– Вовсе даже не до беспамятного? – возразил Петя. – Кое-что помнил. Даже адрес общаги Лиде написал.

Петя ловким движением открыл коньяк и щедро налил себе в фужер.

– Вот это настоящий Петя! – сказал Серёга. – А то вздумал из напёрстков поздравлять юбиляров!

– Где наша не пропадала! – сказал Петя. – За девушку из Помельцево и еённого хахаля из НЭИС!

Петя осадил фужер. Проглотил бутерброд.

– Узнаю Петю! – сказал Толя. – Не надо «пей до дна» командовать!

Айвазовский взял гитару:

– Други, предлагаю следующий тост спеть вместе. Я тут разучил.

Накануне он разослал всем слова песни, что попалась в ютубе. Припев пели хором.

Я вам спою, мои друзья,
Мне жить без вас никак нельзя,
Мне только с вами по пути,
А сколько дружбы впереди!
Мне с вами петь, мне с вами жить,
Мне с вами радости делить,
Мне с вами горести делить,
Мои друзья.
Мне с вами петь, мне с вами быть,
И всё на свете разделить,
Я вас люблю, всех вас люблю,
Мои друзья!

Айвазовский отклонился от монитора, будто поставить гитару, на самом деле – смахнул предательскую слезу. Не сдержался, но никто не заметил слабости. Он был уверен: больше с друзьями не встретится никогда.

– Я вас люблю, мои друзья! – пропел Витя, вернувшись к монитору. – За нашу дружбу!

В разных уголках страны подняли бокалы в ответ на призыв, поднесли к мониторам, «чокнулись», и выпили за дружбу.

Надо сказать, не у одного Айвазовского повлажнили глаза...

Радоница по-коронавирусски

После смерти матери, последние двадцать лет, Владимир Павлович на Радоницу каждый год ездил на кладбище к родителям. Сто километров, дорога хорошая, час-полтора и там. Ездил чаще один, изредка с женой. С вечера укладывал в багажник грабли, мешок для мусора, ёмкость с водой, зонтик, чистые тряпки – памятник вытирать. Поднимался рано утром, пил кофе и ехал. Какая бы ни была погода, солнце ли, дождь – ничего не останавливало. Знал точно: не съездишь на Радоницу – потом не соберёшься.

Почему-то сразу заподозрил, когда заговорили о коронавирусе и самоизоляции, что кладбища на Радоницу закроют. Сам долгое время был партийным работником, логику аппаратчиков знал. И по церквям запрет дадут, это к бабке не ходи. Церкви с 1917 года бельмом в глазу, мало что поменялось с отменой советской власти. Формально – всё хорошо, президент может со свечой, окружённый охраной, стоять в церкви на праздник, но это ничего не значит. Эпидемия показала, для власти всё одно, что цирк, что церковь. Владимир Павлович лично знал одного из тех, кто развернул в Москве бешеную активность с эпидемией. Был он младше Владимира Павловича на десять лет, сидели на одном этаже в партийном прошлом. Тогда нынешний московский активист в начинающих ходил. «Шибко ты ушлый, однако», –

сказал ему однажды Владимир Павлович. Время показало – очень «шибко ушлый». Понадобится для карьеры церковь построить – расстарается, встанет вопрос снести – камня на камне не оставит. Случись что и кладбище сравниет с землёй и не поморщится. В эпидемии увидел шанс за короткий период мощно наварить политический капитал. Не исключено и денежный под сурдинку, какая власть без денег.

На Радоницу Владимир Павлович для очистки совести позвонил двоюродному брату, узнать, закрыто кладбище или нет. Была маленькая надежда – село не Москва, не областной город.

– Стоит полиция! – доложил брат. – Стоит родимая.

– Придётся, после Радоницы съездить, – сказал Владимир Павлович.

– Зарули ко мне, как соберёшься, или позвони, я тоже хочу к твоим сходить. Дядю Пашу и тётю Машу проведать.

Владимир Павлович пообещал, хотя заезжать не собирался. Брат был из говорунов, а у родных могилки уместно помолчать, подумать, повспоминать прошлое, не для пустых разговоров драгоценные кладбищенские минуты.

На кладбище приехал через неделю после Радоницы. На всякий случай решил судьбу не испытывать, оставил машину вдали от главного входа, на территорию с крестами и памятниками проник через дырку в заборе. Вспомнил материнские слова: «На Радоницу наши усопшие ждут нас у кладбищенских ворот. Ждут, кто к ним придёт на этот раз». Вспом-

нил и усмехнулся: нынче дождались одну полицию.

На этом участке кладбище не помнил, когда был в последний раз. Проходя мимо могил, машинально читал фамилии и вдруг: «Завьялов Георгий Николаевич». Дядя Гоша. Посмотрел дату смерти – двадцать пять лет назад умер. С Петей Завьяловым были в друзьях. Дядя Гоша ходил на костылях. Широкоплечий, сильный он ловко менял при ходьбе точки опоры: костыли, нога, костыли, нога. Да если бы нога – протез.

Ветеранов Великой Отечественной войны много было в детстве Владимира Павловича, по воскресеньям они стекались на Златокипящий базар.

Кто-то в шутку назвал базар Златокипящим, так и пошло. Золото не кипело на базарной площади, но чего только не привозили жители окрестных сёл и деревень на продажу. Из живности предлагали коров, коз, поросят, гусей, кур. А мясные ряды! Идёшь и идёшь, а слева и справа свинина, говядина, баранина... Можешь брать тушей, а можно два-три килограмма, а то и на одни щи... Тут же мужики рубили мясо на здоровенных чурках топорами с короткими, по сравнению с широким лезвием, топорищами... Всегда было полно битой птицы – куры, утки, гуси. А ряды с рыбой! И свежая, и запашистая копчёная, и вяленая, и солёная в бочонках...

Особый угол базара был отведён под мёд. Со своей атмосферой. Будто пчёлы, неутомимые высокоорганизованные труженицы, и на куплю-продажу плодов своего труда дей-

ствовавали мистическим образом. Торговые сделки осуществлялись степенно, словно покупатели приходили сюда другие, и продавцы иного замеса, чем в остальных рядах...

Летом продавалась в больших количествах лесная ягода: малина, смородина (чёрная и красная), боярка, черёмуха, калина – всё вёдрами. Можно было и стаканчик ягоды купить, это поесть, на варенье хозяйки покупали вёдрами. Ближе к осени приходило время клюквы, брусники и кедрового ореха.

Что ещё памятно, чего сейчас вообще не увидишь – мороженое молоко. Зимой хозяйка разольёт молоко по мискам, тарелкам и выставит на мороз, потом кругами матового цвета наполнит мешок и несёт на базар. Дома ледяной круг растапливаешь в кастрюле... После заморозки-разморозки молоко обретало специфический вкус. Кто-то на дух его не переносил, дескать, это и не молоко вовсе, Владимир Павлович наоборот – предпочитал зимой именно такое.

Взрослые зачастую приходили на базар с детьми. И это учитывали торговцы, маркетинг в те далёкие пятидесятые тоже был в действии, детям предлагался особый товар – петушки на палочках. Они пользовались неизменной популярностью у юных покупателей. Не знали ещё заморский плагиат петушка с глупо звучащим названием – «чупа-чупс». Вожделенным детским лакомством были петушки. Красные, зелёные, жёлтые, оранжевые... В форме звёздочек, петушков, зайцев, мишек, белочек, рыбок... Независимо от формы

именовались петушками. Можно было, растягивая удовольствие, скупно облизывать лакомство. Лизнул, покрыл язык тонким слоем сахара и наслаждаешься неповторимой вкусятиной, растворяющейся в тебе. А можно щедро положить петушок в рот и часто глотать обильную сладкую слюну, что называется – гулять, так гулять. Совсем нетерпеливые с громким хрустом грызли петушок. Дробили его на кусочки, а в завершении тщательно облизывали палочку, чтобы ни одна сахаринка не осталась на ней.

Базарным днём было воскресенье. Казалось, весь городок стекался на базар. Пожалуй, сказать «не протолкнёшься», будет преувеличением, но если и преувеличением – вовсе небольшим. Что врезалось в память на всю жизнь – инвалиды. Их всегда много собиралось на торжище. На костылях, самодельных колясках-платформах... У кого-то вместо одной руки пустой рукав, кто и вовсе без рук. Увечные вызывали чувство жалости, неловкости. Кто-то с утра пьяненький, на земле, фуражка – просил подаяние. Конечно, на выпивку, это знали, но всегда находились сердобольные сердца, чаще женщины, бросали мелочь горемыкам. Почти каждое сердце ещё кровоточило войной, которая забрала у кого детей, у кого братьев и сестёр, отца или мужа. Большая часть инвалидов получили увечья на фронте. Кого-то подломило это, другие держали себя, зарабатывали, как могли, на кусок хлеба.

Один из видов предпринимательской деятельности инвалидов – продажа сигарок с мелко нарубленным табаком-са-

мосадом. Сами ли выращивали табак или покупали (скорее всего, оба варианта имели место), вместо папиросной бумаги использовались из газеты нарезанные листочки, в них насыпался крепкий душистый доморощенный табак, затем ловкое движение пальцев и сигарка готова. Это могла быть «козья ножка» с убойной порцией табака, или почти как папироса тонкая самокрутка. Продавец, чтобы сигарка не разворачивалась, проводил языком по краю бумажки, делал «клеящий слой», и фиксировал его на трубочке с табаком – готово. Такая сигарка была дешевле, чем папиросы или сделанная из магазинного табака. Поэтому мужчины охотно покупали, частенько со словами: «Больше-больше табака сыпь, не жадничай, чтоб до задницы пробрало! Покурить, так покурить!»

Много было безногих. Один на гармошке играет, песни поёт. Перед ним шапка на земле. Дескать, не скупись, милчеловек, помоги артисту материально. Другой – судьбу предсказывает. В помощницах морская свинка, она по команде достаёт из ящичка бумажки с «судьбой». Даешь инвалиду денежку, согласно таксе, и узнаёшь, что ожидает тебя в будущем: «радостная весть», «неожиданная встреча», «любовь»... Подходили к таким в основном женщины. Давали какую-то мелочь инвалиду, свинка проворно доставала свёрнутую в трубочку бумажку. Женщина разворачивала, читала, улыбалась. Плохую «судьбу» свинка не пророчила.

Встречались на улицах городка инвалиды и в будний день. Кто-то бессердечно назвал (и ведь прилипло) «обрубками»

тех, у кого ноги были ампутированы полностью. Инвалидных колясок не было. Передвигался такой инвалид на деревянной платформе с деревянными колёсиками. Редко когда подшипники, чаще вот такие незамысловатые, из чурбачков сделанные колёсики. В каждой руке у инвалида по деревянной колодке, ими отталкивался от земли при передвижении. Едет такой человек по тротуару, высотой едва с метр. Ноги остались на войне, а надо было жить, пусть и «обрубком». Были ещё «самовары», это когда ни рук, ни ног, но такие на рынке и в городе не появлялись.

Кто-то из инвалидов психологически ломался от физической неполноценности, находил утешение в вине, спивался. Дядя Гоша Завьялов, на могилу которого наткнулся Владимир Павлович, жил полноценно. Призвали на фронт в самом начале войны и сразу на передовую. Красная Армия, отступая, несла большие потери. В одном из боёв тяжело ранило воина. Разорвался снаряд, сразу несколько осколков впились в ноги. Среди солдат ходил слух: рациональные немцы раненых красноармейцев рядового состава в плен не берут, зачем возиться, тратить медикаменты – достреливают. Другое отношение к раненым офицерам. Помещают в госпиталь, лечат со всей немецкой тщательностью. Георгий попытался встать, когда пришёл в себя после взрыва, куда там – ни одна нога, ни другая не слушаются. «Похоже, отбегался», – невесело подумал. Позком от немцев не убежишь. Посмотрел вокруг себя: рядом убитый офицер – старший лейтенант. Подполз,

шинель с него стянул, на себя накинул. Дескать – я офицер. Уловка удалась, немцы, обходя поле боя, увидели раненного офицера, положили на носилки и отправили в госпиталь. Там сделали операцию. Левую ногу Георгию ампутировали по самый пах, правую – ниже колена, коленный сустав остался, что позволило в дальнейшем носить протез.

В госпитале после операции выяснилось: никакой он не офицер, но не расстреляли за обман, отправили в лагерь. В сорок пятом советские войска освободили военнопленных, Георгий вернулся домой, женился, двое детей родилось, в том числе друг Владимира Павловича – Петя. Работал дядя Гоша в конторе, бухгалтером. Окончил курсы бухгалтеров.

Ходил на костылях. На правой ноге протез. Мальчишкой Владимир Павлович однажды помогал пристёгивать его. Ремни надо было затянуть намертво, во избежание какого бы то ни было люфта, иначе культа натрётся. Во второй половине пятидесятых годов дядя Гоша получил первую инвалидную машину – «инвалидку», как их называли в народе. Причём, трёхколёсную – одно колесо спереди, задние ведущие. Маленькая, убогая, ненадёжная. Дядя Гоша частенько её ремонтировал. На костылях ходил практически при помощи рук. Они были очень сильные. На протез лишь опирался. Ходил быстро. Костыли ставил перед собой, ногу с протезом быстро перебрасывал к ним, опирался на неё и снова ставил костыли впереди себя. Шагом рядом с дядей Гошей ходить было бесполезно – обгонит.

Был случай, они с Петей поссорились. На улице играли компанией, мальчишки задрались, Петю обидели. Он убежал домой и пожаловался отцу. Тот выскочил на разборки, мальчишки дёру, дядя Гоша, ловко переставляя костыли, следом...

Владимир Павлович, стоя перед памятником, улыбнулся. Здорово ему тогда досталось. От матери не удалось скрыть синяк на плече, соврал – с велосипеда упал. Дядя Гоша увидел, что не догнать сорванцов, и запустил вдогонку костыль. Получилось очень даже метко. С дядей Гошей они часто играли в шахматы, были на равных. Петя конкуренцию им не составлял, он отлично играл в футбол, в шахматы – на троечку.

Был у Владимира Павловича случай в жизни, работал тогда в обкоме комсомола, столкнулся с молодым парнем, афганцем, тот без ноги вернулся с Афганистана, подорвался на mine. Парень опускался. Владимиру Павловичу, захотелось помочь. Красивый умный парень, а махнул на себя. И как ему поможешь? Владимир Павлович взял обкомовскую машину, в обкоме тогда работала, в штабе комсомольскихстроек, и повёз афганца к дяде Гоше. Завьяловы жили в своём доме, всё как положено – куры, свинья. Корову не держали, но пару коз было. Ещё в мальчишках пришло ему осознание: не просто было дяде Гоше без обеих ног содержать дом, семью. Отец Владимира Павловича тоже страдал ногами, долго не мог стоять, ходить, а тут вообще нет ног муж-

чина. Однако жили Завьяловы не хуже других...

Он тогда оставил афганца у Завьяловых, сам поехал в райком комсомола, дали попутно поручение, после райкома заехал к родителям, под вечер забрал афганца, вернулись в областной город.

Афганец позвонил через два года, до этого они не стиливались, и спросил, может Владимир Павлович быть крестным у его дочери.

– Прямо скажу, – ответил ему Владимир Павлович, – ты меня застал врасплох.

– Я понимаю, – сказал афганец, – и не настаиваю, но очень хотел бы. Никакой церкви, крестить будем дома, никто не узнает. Батюшка не местный.

Он рисковал, очень рисковал, но согласился. Даша, крестница его, давно выросла, у самой уже две дочери.

Владимира Павловича и самого в полгода крестили дома, церкви в их городке не было. Мама его, Мария Яковлевна, была глубоко верующим человеком. Соблюдала православные праздники, посты. За стол, не перекрестившись, не садилась. Мужа, сыновей обязательно в дорогу перекрестит, благословит. Для Владимира Павловича навсегда стало само собой разумеющимся перекреститься перед сном, утром, поднявшись с постели, осенить себя крестом. И это при том, что пятнадцать лет своей жизни посвятил работе в структурах комсомола и коммунистической партии. Молитву «Отче наш» выучил ещё до школы. В церковь мать ездила за

тридцать километров в соседнее село, где все богоборческие времена пережила кладбищенская церковь. В советское время не один раз сталкивался с подобным. В городе ни одной церкви, а на кладбище идут службы. Мёртвые помогали живым. Власти в последнюю очередь обращали атеистический гнев к таким храмам (где-то на окраине, в глаза не бросались), а то и вообще руки не доходили до них

Лет в шесть мать взяла его в церковь. Сама раз в два-три месяца ездила. Бывало, рано утром уедет, а во второй половине дня вернётся, иной раз с ночевой, останавливалась у знакомых или родственников. Много позже понял, если с ночевой, значит, стояла на вечерней службе, а утром исповедовалась и причащалась. Всего один раз его взяла с собой. Или оставить не с кем было, отец на заработки уезжал, или специально взяла. На всю жизнь он запомнил ту пасхальную службу. Народу полный храм. Красиво пел хор, женщины в белых платочках, у всех радостное настроение. В основном, женщины стояли на службе.

Не стал он по настоящему верующим, но даже в детстве, если кто-то категорично заявлял: «Бога нет», – это вызывало неприятие. Разве может мама верить в «нет»? Однажды в школе зашёл разговор о вере, кто-то из одноклассников бросил: «Бога нет». Интересно повела себя классный руководитель, Анна Григорьевна. Была она коммунисткой, но... Позже не один раз вспоминал её слова:

– Кто верит в Бога, для того Он есть, и не надо это оспа-

ривать. Тем паче подсмеиваться над чужим мнением. А если вы считаете «Бога нет», значит, для вас Его нет и это ваше личное дело. Никому не надо навязывать своё мнение.

В третьем классе, когда пришло время в пионеры вступить, мама строго наказала ему: «Володя, в пионеры не вступай. Всё это временно, пройдёт». Конечно, он вступил в пионеры, как же без этого. Поначалу галстук прятала, упрямо не хотела видеть сына пионером... Потом смирилась... А её «это временно» вспомнил, когда стали восстанавливать храмы, строить новые...

Такая была эпоха. Дяде Гоше Завьялова ставили памятник в другое время, а соседствуют на нём звезда и крест.

Отец не верил в Бога. В 1937 году его арестовали, отсидел в лагере от звонка до звонка, вернулся домой в 1947-м. Умирал в лагере, но к Богу так и не пришёл. А лежит под крестом. Мать наказывала сыну, никаких памятников только крест восьмиконечный. Отец умер раньше, поставил ему простенький памятник, после смерти матери заказал общее надгробие с большим из серого мрамора крестом. Он стоял на мощном постаменте, на котором значились фамилии, были фотографии родителей.

Ни разу за всю жизнь не видел Владимир Павлович, чтобы отец крестился. Над матерью никогда не подтрунивал, не высказывался по поводу её поездок в церковь. Лишь однажды поведал про священника из своего села. Его дед по отцу, Лев Фёдорович, был старостой села – уважаемый чело-

век и дружил со священником, отцом Николаем. Батюшка захаживал к старосте в гости. У батюшки была присказка, поднимая рюмку, рокотал: «По единой до утра».

Дом у деда был большой, стол с приходом батюшки накрывался в просторной горнице. Входить туда в такие моменты внуку не позволялось. Отчего любопытство ещё больше разбирало, как же – священник в гостях. В церкви с робостью смотрел на отца Николая – большого, с русой бородой, густым голосом. Внук заглядывал из соседней комнаты, стараясь, чтобы дед не увидел, иначе можно нарваться на неприятность. Однажды внук старосты узрел, священник ест мясо, а шёл Великий пост. Отец Николай наколол на вилку кусочек ветчины со словами: «Ты меня не выдашь». «Никак нет, – по-солдатски заверил дед, – ешь, батюшка, коли охота. Бог простит». Бабушка строго пост держала и внука приучала, дед делал себе послабления.

Возможно, священник всего-то кусочек мяса и съел, но в глазах ребёнка перевернул представление о себе. Это ли повлияло или что другое, не стал отец верующим. Однажды расскажет сыновьям об этом случае. Без явного осуждения, вот, мол, какой поп нехороший. Да ведь именно эта картина со священником запала в память, никакая другая.

На что мать вспомнила своё. В Гражданскую войну село, где она жила в родительском доме, несколько раз переходило из рук в руки. Колчаковцы займут, начнут хозяйничать, их красные выбьют, тоже со своими прихотями: накорми, ло-

шадей дай, ещё и насильственную мобилизацию в свои ряды устроят. Проходит время, опять стрельба, колчаковцы с боем заходят. В тот раз красные отвоевали село и первым делом схватили священника. Обвинили в сочувствии к белым, молебен для них служил – раз, офицер в поповском доме стоял – два. Пусть не с амвона, но есть свидетели, говорил сельчанам, что власть большевиков не от Бога. Это три. Более чем достаточно для расстрела контрреволюционера.

Повели на берег реки. Командир, пятеро солдат. Мать Владимира Павловича была в то время девчонках, побежала с подружками следом за расстрельной командой. Со всеми предосторожностями, на расстоянии от красноармейцев.

И вот картина: батюшка стоит на высоком берегу, напротив солдаты в будёновках с винтовками.

– Командир ладный такой, – рассказывала мать. – Невысокий, напружиненный, на голове шапка с красной полосой. Крикнул «огонь!».

Девчонкам страшно и любопытно, поодаль в черёмушнике притаились. Грохнул залп. Они зажмурились, а как стихли выстрелы, глаза открыли, а священник как стоял, так и стоит. Командир ругнулся матерно. Приказал во второй раз взять винтовки наизготовку. Снова ни одна пуля не попала в цель...

– Отец Максим, – рассказывала мать, – казался мне очень строгим. Седая борода, задумчивые глаза. По сей день стоит в ушах его возглас в начале обедни: «Миром Господу помо-

лимся». Сам в алтаре, не видно, и только голос выплывает. Каждое слово отдельно пел, каждое выделял. С них начиналась для меня обедня. Стоит наш батюшка на ветру. Без скуфейки, в рясе, с крестом на груди...

Каждый солдат про себя решил: не будет он повинен в смерти священника. Восемь залпов дали. Священник взмолился:

– Братцы, я вас прощаю, Христом Богом прошу: не мучайте, застрелите! Всё равно не жить!

Командиру и самому надоела пустая трата патронов. Стоит заметить, не сразу подключился со своей меткостью. Чужими руками хотел. Материл солдат на чём свет стоит после каждого залпа. Расстояние шагов пятнадцать, солдаты из винтовок попасть не могут.

Командир выхватил из кобуры пистолет, прокричал зло: «Огонь!» Раздался ещё один залп, батюшка упал.

Может, отец Максим тоже ел мясо в постные дни, а пришло время пострадать за веру, не взмолился о пощаде, не упал перед винтовками на колени, принял смерть достойно.

Владимир Павлович, вспомнив рассказ матери, решил про себя: красный командир, если удалось выжить в Гражданскую войну, описывая свои подвиги, особенно под рюмку, обязательно похвалялся, как он «уложил попяру», а вот солдаты о том расстреле, скорее всего, постарались забыть.

Он тщательно протёр влажной тряпкой памятник. Щедро плеснул водой из пластиковой бутылки на надпись, по-

старался убраться тряпкой пыль, набившуюся в буквы, высеченные на мраморе. Протёр фотографии, сделанные лазерным способом. Маме на фото было лет сорок. Пиджак с широкими лацканами, блузка с отложным кружевным воротником. Это фото стояло у него дома на письменном столе. Отец смотрел чуть в сторону от объектива. Открытый взгляд уверенного в себе человека. Ему тоже лет сорок на фото.

Цветник был заполнен прошлогодней листвой, неподалёку рос высоченный тополь. Владимир Павлович надел рабочие перчатки, убрал листву, воткнул в землю несколько искусственных цветов, прихваченных из дома. Достал свечу, зажёл, пламя затрепетало под лёгким ветерком. Вспомнил наказ матери: «Ты, сынок, приходи ко мне». Горло перехватило на секунду. Перекрестился, прочитал молитву: «Господи, упокой рабов Твоих...» Весна пришла очень рано, сразу после Святой Пасхи, которая была 19 апреля, на второй или третий день после Светлого Воскресения распустились деревья. На кладбище росли тополя, их набравшая силу листва блестела свежей зеленью в лучах утреннего солнца. Пахло землёй, тополиным листом. Сорока-белобока села на соседнюю оградку. Владимир Павлович предусмотрительно убрал в карман до того лежавший на лавочке смартфон. Недавно услышал от соседки – сорока утащила смартфон. На даче оставила на столике в беседке, глядь, а воровка уже летит с ним. И ведь не кольцо или зеркало, тяжёлая штука, но тащит в клюве, старательно работая крыльями.

Он опустил на лавочку, рядом с дорогими усопшими на душе было покойно. Промелькнули перед глазами картины детства. Покос, мама в длинной юбке с граблями на плече, отец в кирзовых сапогах, в выцветшей клетчатой с длинными рукавами рубаше ведёт в поводу лошадь... Их двор, залитый сентябрьским солнцем, отец сидит на крыльце, мама стоит рядом, а он бежит к ним от калитки с ранцем на спине – первоклассник. Родители молодые, красивые. У мамы на голове голубая косынка, простоволосой не ходила.

Возвращаясь к машине, приостановился у памятника дядя Гоша Завьялову, перекрестился, вспомнил тётю Надю Завьялову, невысокую, худую женщину, всегда куда-то спешащую. Дядя Гоша один лежал в оградке. Наверяд ли, тётя Надя жива, она ровесница мамы, значит ей более ста лет. Наверное, уехала к кому-нибудь из троих своих сыновей, там и похоронена.

Он сел в машину, включил звук смартфона, увидел сообщение от сына. Тот переслал ролик на тему коронавирусных буден. Далеко не шутейных. Утро, три молодых росгвардейца в городском автобусе потребовали покинуть салон парню без маски. Тот пытается объяснить: едет на работу, опаздывает, масок в аптеке нет. Приложил ко рту носовой платок, дескать, замена маски. Один страж порядка пытается схватить нарушителя масочного режима за плечо, парень не даётся, но не оказывает сопротивление руками, понимает, чем это чревато, лишь уклоняется. Его в мгновение ока скручи-

вают, вытаскивают из салона, кладут лицом на землю, руки заводят за спину, надевают наручники. Готово. Женщины в салоне громко возмущаются, просят, требуют отпустить парня, одна выскакивает из автобуса за ростгвардейцами: «Что вы делаете? Нельзя же так! Отпустите!» Парня рывком поднимают с земли, до боли выламывая руки, ведут через дорогу в унижительной позе – голова задержанного на уровне колен, дышит в асфальт. Преступник надёжно обезврежен. Наплевать гвардейцам, что их демонстративно снимают, обещая выложить ролик в интернет, они уверены в своей правоте, всё разрешено в борьбе за масочный режим.

В душе Владимира Павловича поднялась волна гнева, которая смела чувство умиротворения, обращённости к ушедшим в небеса. С этим чувством проснулся, жил всё утро...

От бессилия стукнул кулаком по рулю, повернул ключ зажигания, машина тронулась с места...

Четыре благодарности Сталина

Парад Победы сорок пятого

Эту идею подсказали Ивану Григорьевичу социальные сети. По ним прошёл призыв: шествие Бессмертного полка из-за эпидемии коронавируса отменяется, зажжём свечи памяти в честь отцов и дедов, отстоявших Родину в Великой Отечественной войне. Несколько лет Иван Григорьевич ходил Бессмертным полком с фотографией отца – Григория Калистратовича Петренко. Можно сказать, всего одна полноценная фотография отца военного времени и осталась. Но какая! На ней он с родным братом Иваном 25 июня 1945 года в Москве на фоне Спасской башни. 24 июня состоялся Парад Победы, на котором отец печатал победный шаг по брусчатке главной площади страны, а на следующий день братья прошли по ней прогулочным шагом. Отец был в той же специально сшитой для участников парада форме, брат не так торжественно одет, в обычной гимнастёрке. Да какая разница! Оба живы, оба перемогли страшную войну. Последний раз виделись четыре года назад в родной деревне Березняки. И тот, и другой несколько лет ходили под пулями.

В конце мая был выстроен под Берлином полк, в котором служил Григорий Калистратович, командир вызвал из строя

ефрейтора Петренко и объявил, что он единственный остался из всего полка, кто начинал воевать в нём в сорок втором году. Один-единственный. Так что заслужил представлять полк на Параде Победы, едет в Москву, а вся дивизия отправляется на Дальний Восток.

Встретились братья совершенно неожиданно, Григорий Калистратович приехал в столицу на подготовку к параду, часть Ивана (был он сапёром) недавно перебазировалась в Москву. Столкнулись братья у гостиницы «Москва», Иван, задрал голову, глазел на здание гостиницы, Григорий мимо шёл.

– И каку таку невидаль мы там узрели? – ехидно спросил Григорий.

Иван хотел отшить незнакомца, который лезет не в своё дело. Повернул голову и глазам не верит – брат!

Иван Григорьевич смотрел на фотографию братьев, отцу сорок лет, дяде Ване тридцать три, он с двенадцатого года, но оба для него сегодняшнего молодые. Оба давно умерли: дядя Ваня на десять лет раньше отца, а отец ровно тридцать лет назад. Восьмого мая Иван зашёл к нему в больницу. С час посидел, поговорили, Иван пообещал обязательно прийти на День Победы, в дверях, уходя, обернулся, будто какая-то сила заставила сделать это. Позже, восстанавливая в памяти последнюю встречу, поймёт, в те мгновения отец прощался с ним...

Два раза не умирать

В их Березняках была школа-четырёхлетка, с пятого класса учились дети в школе-интернате центральной усадьбы совхоза. На субботу-воскресенье Иван приезжал домой. В девятом классе ему поручили к смотру художественной самодеятельности выучить стихотворение Константина Симонова «Сын артиллериста». Мария Николаевна, учительница русского и литературы, давая стихотворение, сказала, что Симонов описал конкретный случай, на фронте было не раз, когда корректировщик вызывал огонь на себя, чтобы уничтожить, накрыть немцев ударом артиллерии. Стихотворение нравилось Ивану от первого до последнего слова. Вдохновенно чеканил ключевые строки:

– Учись, брат, барьеры брать!
Держись, мой мальчик: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла! –
Такая уж поговорка
У майора была.

Учились они в первую смену, в субботу Иван после обеда, как обычно, сорвался домой. Доехал на автобусе до Бе-

резняков, попросил остановиться напротив их дома. Стоило подойти к калитке, радостно залаял Уран. На двери висел замок, Иван сунул руку под крыльцо, достал ключ. Толкнул дверь, прошёл холодные сени, дом встретил знакомым запахом. На плите нашёл чугунок с варёной картошкой, достал литровую банку молока, кусок хлеба, быстро поел и решил устроить репетицию. В интернате не получалось читать в полный голос с выражением. Дома, пока никого нет... Он встал в горнице перед большим, едва не до потолка, зеркалом и начал декламировать. Мария Николаевна наставляла читать без спешки (был такой изъян у Ивана), размеренно, представляя картины, описываемые в стихах. Читать с чувством, но не надо размахивать руками, не «делать громкость на всю катушку». С чувством и сдержанно.

Всякий раз с первых строк, стоило оказаться во власти ритма стихотворения, сердце у Ивана начинало ускоряться. Оно рвалось горлом, когда подходил к кульминационным строфам.

Всю ночь, шагая как маятник,
Глаз майор не смыкал,
Пока по радио утром
Донесся первый сигнал:
– Все в порядке, добрался.
Немцы левой меня,
Координаты три, десять,

Скорей давайте огня!
Орудия зарядили,
Майор рассчитал все сам,
И с ревом первые залпы
Ударили по горам.
И снова сигнал по радио:
– Немцы правей меня,
Координаты пять, десять,
Скорее ещё огня!

Кульминацией было место, где лейтенант вызывал огонь на себя, чтобы уничтожить наседавших фашистов. Иван не мог не кричать.

«Огонь!» – летели снаряды.
«Огонь!» – заряжай скорей!
По квадрату четыре, десять
Било шесть батарей.
Радио час молчало,
Потом донесся сигнал:
– Молчал: оглушило взрывом.
Бейте, как я сказал.
Я верю, свои снаряды
Не могут тронуть меня.
Немцы бегут, нажмите,
Дайте море огня!

Иван, увлѣкшись чтением, не слышал, как в дом зашѣл отец. Он заглянул в горницу. Ваня замолк, засмутился.

– Так это, сын, про меня стих! Я же тоже корректировку огня вѣл.

– С рацией ходил?

– Раций не было у нас в дивизионе, телефон. Тащишь за собой катушку с проводом. Бывало, перебьѣт, и ползѣшь, ищешь, где тот обрыв. Наши жарят, снаряды не жалеют, немцы тоже стараются... Их окопы с одной стороны, наши – с другой, я на нейтралке, не знаешь, от кого в первую очередь прилетит. Бог миловал. Ранениями отделался...

Это было открытием для Ивана. Не один раз доставал из дальнего угла комода чѣрную старомодную дамскую сумочку с кнопкой-замком, отец привѣз матери из Германии. В деревне с сумочкой куда пойдѣшь. К соседям – засмеют, в клуб родители не ходили. Да и в клуб с такими сумочками не принято было. Это городские в театр так ходят. Хранились в сумочке всевозможные документы: свидетельства о рождении детей, их школьные табели, шофѣрские права отца. Среди прочего – военный билет отца, из которого следовало, что он ефрейтор и старший телефонист. Ивану хотелось большего. И звание, что уж кривить душой, так себе, не будешь перед друзьями хвастаться отцом-ефрейтором, и специальность негероическая. Другое дело – танкист или лѣтчик, в крайнем случае – пулемѣтчик. Это да! Телефонист,

считал, сродни счетоводу или бухгалтеру, конторская работа. Оказывается – ничего подобного. Отец, как Лёнька, прокрадывался к врагу и, сидя у него под носом, корректировал стрельбу батарей, чтоб наши накрывали фрицев морем огня.

На фронт

В Березники находились в двадцати пяти километрах от районного городка, весть о войне долетела в первый день. Григорий Петренко работал в колхозе на полutorке, призвали на фронт вместе с машиной. Был такой призыв в начале войны – водителей отправляли на фронт с машинами, армии нужна была техника в больших количествах. Военкомат решил по-своему: успеет Петренко на передовую, пусть пока молодые воюют. Придержали его, начали использовать в своих целях – доставлял на своей полutorке парней-призывников из дальних деревень.

– Первые полгода, – говорил Ивану, – воевал я в военкомате. Думал: Бог не хочет, чтобы я брал в руки оружие, но...

Был Григорий Калистратович баптистом. Березники основали столыпинские переселенцы в начале XX века, выходцы из Екатеринославской губернии, баптисты. После революции подавляющее большинство мужчин отошли от веры. Кто-то даже в партию вступил. Женщины продолжали сходиться на собрания, молиться, петь, мужчины – за редким исключением. Отошёл от веры и отец Григория – Калистрат Степанович. К куреву не пристрастился, а выпивать выпивал. Григорий остался верен Богу.

Баптист не должен нарушать заповедь «не убий», даже если враг пришёл к тебе, не бери в руки оружие.

Григорий для себя решил: должен идти воевать, а там как Бог даст. Власть от Бога, значит, должен защищать страну и её.

Эшелон, в котором ехали мобилизованные на фронт земляки-шофера со своими машинами, был разбомблен.

В начале 1942 года отправили Григория Калистратовича в действующую армию, уже без полуторки. Отец его, Калистрат Степанович, тяжело болел. Мать Григория умерла, когда ему было три с половиной года. Через год отец второй раз женился. Григорий помнил ту свадьбу, любил повторять: «Я на свадьбе отца рядом с женихом сидел». Брат Иван и пять сестёр родились после той свадьбы. Отец с трудом поднялся с кровати, слабые ноги держали плохо, обнял сына, дал наказ:

– Григорий, служи, как положено, семью нашу не позорь, она в почёте всегда была и на Украине, и здесь.

Не сел на кровать, стоял, держась за спинку, пока сын не вышел за порог, не стукнула калитка, а потом заплакал.

Невестке на следующий день скажет то, о чём думал всю ночь:

– Не дождусь Гриши, но буду ждать. Я хоть от веры отошёл, буду молиться, чтобы вернулся домой. И ты, Варвара, молись.

В тот раз не сказал, а потом повторял неоднократно, ему бы промолчать, не терзать лишней раз сердце невестке, да жила в голове старика эта мысль, не давала покоя, крутилась

на языке:

– Что ты, Варвара, с тремя детьми будешь делать, если Гришу убьют? Я ещё у тебя на шее. Мне бы помогать тебе, а я сам лежу колодой.

Евангелие и мина

Определили рядового Петренко в гаубичный полк, но не артиллеристом. Известно, гаубичные батареи располагаются не впритык к линии фронта, как противотанковые орудия, на приличном удалении от передовой, на Петренко это не распространялось, его боевой пост был на передовой. Выполнял обязанности телефониста и корректировщика. Последний, как известно, в тылу не сидит. Он – глаза артиллеристов. Один, когда вдвоём, Петренко пробирался впритык к вражеским окопам, скрытно наблюдал за позициями немцев, передавал координаты целей командиру взвода управления дивизиона, а когда начиналась стрельба, корректировал её.

Иван спрашивал отца:

– Папа, ты хоть одного немца убил?

– Знаешь, сын, я передавал координаты, а наши по ним жарили. Ох, жарили немца, не позавидуешь!

– А если бы один на один с фрицем столкнулся? У тебя автомат был?

– И с винтовкой ходил на задания, и с автоматом. Без личного оружия, какой ты боец.

– Стрелял бы на поражение, окажись вооружённый немец перед тобой? Ведь «не убий»?

– Сейчас трудно говорить, как поступил бы тогда. Одно скажу – по моим координатам жарили здорово!

Ничего не рассказывал о войне. Иван знает лишь два эпизода из трёх лет, которые отец провёл на фронте. Однажды в День Победы он пришёл поздравить отца. Из Березняков давно они переехали в районный городок. Иван жил своим домом, работал в системе культуры. На День Победы, как всегда, в центре села состоялся митинг. Красные флаги, громкая музыка, море людей: ветераны с орденами и медалями, школьники с шарами и транспарантами, взрослые в праздничной одежде. Отец на такие мероприятия никогда не ходил, и его давно забыли в районном Совете ветеранов. Ему три раза приходили из Москвы приглашения на юбилейные Парады Победы, не ездил. За год до смерти отца Иван узнал, что готовится Книга памяти с именами участников Великой Отечественной войны. В таких случаях, посчитал, лучше лишний раз напомнить о себе, как бы не забыли включить отца в списки. Иван протянул председателю Совета ветеранов удостоверение о награждении отца медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». Медаль отец получил в Москве в июне 1945 года, все участники Парада Победы шагали с новенькими медалями на груди. Парад шёл под дождём, удостоверение, хоть и лежало во внутреннем кармане, промокло, с коленкоровой обложки слезла краска, лишь кое-где осталась.

Председатель Совета со скептическим лицом покрутил удостоверение в руках.

– Странно. Не могли быть корочки красными, – уверенно

произнёс.

– Почему?

– Потому – с красными давали участникам Парада Победы в июне 1945 года. Понятно. У всех остальных серые кофточки.

– Так он участник Парада Победы.

– Какой он участник? – по выражению лица председателя читалось: ври-ври да не завирайся. – У нас в районе всего шесть участников Парада Победы.

В конечном итоге в Москву был сделан запрос, истина восторжествовала. Это будет много позже, а в тот День Победы Иван пришёл в дом к родителям. Поздравил отца, матери где-то не было, и вдруг Григорий Калистратович разоткровенничался. Со слезами. Нет, не водка плакала, вкуса водки он не знал вообще. Как и вкуса табака. На протяжении всей своей долгой жизни неукоснительно соблюдал эти запреты для баптистов. Похороны родных и близких, свадьбы детей – никогда. Так что совершенно трезвым в тот день не удержался от слёз.

Повинился в смертях, которые, считал, мог предотвратить и должен был сделать это.

– Не выгнал ребят из землянки, – сетовал Ивану. – Надо было вытолкать взашей.

Воевал Григорий Калистратович с Евангелием. Карманного формата, твёрдая, покрытая добротной искусственной кожей обложка. В части он не скрывал веры в Бога, привер-

женности баптизму. Притеснений, как на гражданке не было, никто не косился. Ни командиры, ни однополчане. Случалось, иронизировали по поводу частого чтения Евангелия, его Петренко раскрывал в каждую свободную минуту, но иронизировали чаще беззлобно. Смерть ходила рядом, на многое смотрели иначе.

В те дни на фронте выдалось затишье, вчетвером они сидели в землянке. Кроме Петренко – Витька Агеев, Саша Орехов и Генка Лаптев. В этой троице верховодил Витька. По натуре жёсткий, себе на уме. Его ухватки наводили на мысль: успел отведать лагерной жизни или колонии для малолеток. Но об этом Витька молчал.

Генка Лаптев был из смешливых. Палец покажи – и затыкай уши. Над самой плоской шуткой хохотал в полный голос. При этом раскрывал вовсю ширь и без того немаленький рот, и округлял глаза. Витька осаживал:

– Лапоть, чё ты ржёшь во всё хлебало? Гланды видать! Страшно смотреть!

– Ой, не могу, – Генка заливался ещё больше, – испужался гландов! Они без зубов у меня! Не кусаются!

– Я сам тебя цапну зубами, если ржать не перестанешь!

– Ой, цапнет! – гоготал Генка. – Я не вкусный.

– Это уж точно! Дерьма в тебе, Лапоть, от пяток до гландов, и вместо мозгов дерьмо!

Тюменец Саша Орехов мастерски играл в карты, держал в памяти всю картину игры, чем вызывал недовольство Аге-

ева, тот считал себя асом, проигрывая, злился.

Петренко был едва не в два раза старше каждого. Парни звали его дядей Гришей. Зная нелюбовь дяди Гриши к мамам, старались сдерживать язык, но в пылу игры, шлёпая картами по столу, то и дело выражали эмоции крепкими словами. Петренко в другом углу, сидя на нарах, читал Евангелие. И вдруг на сердце пало беспокойство, оно оформилось в чёткую мысль: надо бежать из землянки.

– Ребята, – сказал парням, – что-то нехорошо мне: давайте уйдём. Бросайте свои карты, пошли!

– Дядя Гриша, – Витька тасовал замызганную колоду, – начитался ты своей церковной книжки, мерещится незнамо что. Сиди пока затишье, а то прикажет ротный укрытия рыть, наработаешься до мокрой задницы!

Лаптев по своему обыкновению загоготал, раскрыв до предела рот:

– Дядь Гриш, получишь пот во всю задницу!

– Я вам говорю, – пытался убедить молодежь, – срочно надо уходить! Пошли!

Никто не сдвинулся с места.

– Ну как хотите.

Он взял шинель с нар, вышел из землянки.

Стояла середина мая, хорошо поднялась трава. По тропинке, ведущей от землянки к сосняку, он стоял в ста метрах, бросил шинель на устланную серыми иголками землю, сел спиной к стволу, открыл Евангелие. Эти строчки знал

давным-давно давно: «Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». Не один раз толковал эту цитату из Евангелия от Матфея на собраниях общины. Но с того случая всякий раз читая это место, слышал нарастающий, пронзительный, воющий звук мины и взрыв. Короткий взрыв... Мина угодила точно в землянку, будто кто-то до миллиметра рассчитал цель...

– Мне бы вытолкнуть их, – говорил Ивану. – Вырвать колоду карт у Агеева. Они уважали меня, в отцы годился. Витька догадывался, я понимаю его сущность, но не лез на рожон. И Саша, и Генка послушались бы. Да хоть одного схватил бы за руку, вытащил... С Генкой однажды шли к полевой кухне, он говорит: «Мама у меня верующая, иконы дома есть, перекрестила, провожая на войну». Бог дал мне возможность уберечь его и всех остальных, а я только себя...

Сеня Гоч

Была ещё одна боль у Григория Калистратовича – Сеня Гоч. Это второй фронтовой случай, о котором рассказал отец Ивану в тот единственный раз, когда заговорил с сыном о войне. Случай произошёл в сорок третьем году, командир взвода управления дивизиона капитан Снежин вызвал Петренко к себе и сказал, что в его распоряжение поступает новобранец в качестве стажёра.

– Научи всему, – наказал командир. – Парень вроде толковый, но из-под мамкиной юбки! Пороху не нюхал.

– Нанюхается, – сказал Григорий Калистратович. – У нас этого запашистого одеколона хватает!

Прибыл на фронт Сеня из Серова, что на Урале, да только были они с Петренко земляками по нэньке Украине. Сеня на Урал попал перед войной. Отец работал на кораблестроительном заводе в Николаеве, за год до войны, железная балка сорвалась с крана, а он оказался внизу. Мать после похорон отправила сына на Урал к сестре. Так что, если быть до конца точным, не из-под мамкиной юбки прибыл Сеня, а из-под тёткиной.

– Буду маму освобождать, – говорил Сеня. – Николаев и моя Варваровка под немцами.

– Освободим, – обещал Петренко. – Всех освободим. Это тебе не сорок второй год.

– Дядя Гриша, знаете, какая красота у нас весной! – с восторгом рассказывал Сеня. – Я ходил в Николаев в яхт-клуб. Оттуда весной смотришь через Буг, а вся Варваровка в цвету, белым бело. Только крыши из красной черепицы торчат, а так яблони, абрикоса, груша.

Петренко в свою очередь описывал Березняки, где по главной улице на всём её протяжении справа и слева перед домами росли в четыре ряда насаждения. Первый – сирень, второй – жёлтая акация, третий – черёмуха и последний, уже перед палисадниками, – тополь. Черёмуха отцвела, сирень пошла, потом акация. А колхозный сад! Там и яблони, и груши, и вишня, и малина. И пасека.

– Тю, дядя Гриша, брэшэшь! – весело не верил Сеня. – Шо в той Сибири можэ цвести.

Как ни пытался Петренко убедить, что Сибирь большая, его Березняки на юге, рядом с Казахстаном, Сеня и верил, и не очень. В его представлении, Сибирь – это холод, снег. Север Урала ещё больше убедил в этом, лета в Серове, в его понимании, не было. Холодно, дождливо. И вдруг дядя Гриша рассказывает о яблонях, вишнях, акации.

Петренко научил стажёра работать с телефоном, картой, ориентироваться на местности, вычислять координаты целей. Сеня на самом деле был толковым парнем и ему не терпелось в дело. Григорий Калистратович оттягивал, пока капитан Снежин не приказал:

– Завтра вдвоём пойдёте. Вдарим по фрицу! Сеня пусть

пороху понюхает.

Позицию Петренко оборудовал заранее. Напротив, чуть сбоку был немецкий командный пункт. На это указали разведчики, наблюдения Петренко подтвердили. Дал артиллеристам координаты.

Ещё затемно с тремя автоматчиками, у одного был ручной пулемёт, прошли по небольшой, но глубокой балке, в сторону немцев, поднялись по склону, осмотрелись, автоматчики залегли, прикрыть если что. Дальше идти вдвоём. Метров сто им предстояло проползти по открытой местности.

– Ну, с Богом! – сказал Петренко. – Ползём вон к тем кустам шиповника.

Гимнастёрки на груди и брюки сразу намокли, ночью прошёл небольшой дождь, трава была сырой. Два раза Петренко командовал Сене остановиться, смотрел в сторону линии немецких окопов, прислушивался. Вроде бы тихо. Вот и шиповник.

Место хорошо тем, что с двух сторон подступали реденьки кусты, между ними как бы проход. Его под наблюдательный пункт выбрал Петренко два дня назад. Также по темноте подполз, вырыл неглубокий, только-только скрыться окопчик. А когда рассвело, похвалил себя за выбор – видимость была отличной. Окопчик вырыл на передней линии кустов, обзор они не закрывали. Командный пункт немцев засёк по отблеску оптики, движению в той стороне.

Немецкий снайпер рассуждал точно так же, предполагая,

где удобнее всего разместится русскому снайперу или корректировщику.

Сеня лежал тихо, соблюдая наказания Петренко. Чуть вздрогнул, когда услышал чужую речь, утренний ветер тянул с немецкой стороны.

– Спокойно, – прошептал Петренко, – это они между собой.

Когда рассвело, он чуть приподнял голову, приложил к глазам бинокль. Осмотрелся. Доложил по телефону обстановку капитану Снежину: ничего не изменилось со вчерашнего дня.

– Через полчаса глянь на всякий случай ещё разок! Стреляем через пятьдесят минут, – скомандовал капитан.

– Дядя Гриша, дай посмотреть? – прошептал Сеня.

– Подожди!

Через двадцать пять минут Петренко протянул ему бинокль. Пусть посмотрит, потом сам ещё раз глянет и доложит капитану.

Сеня приподнял голову, приложил бинокль, тут же раздался выстрел. Сеня уронил голову. Пуля вошла над левой бровью. Петренко закричал зубами, сжал до боли в ладонях кулаки. Получается, он выдал себя снайперу, когда смотрел в первый раз, оптика дала блик, снайпер понял: под боком мишень. И терпеливо ждал момента.

К Сене Петренко относился как к сыну. С Варварой они поженились в двадцать седьмом году. Первый сын умер, про-

жив месяц, второй, Петя, в три года переболел менингитом. Почти не разговаривал. Самую малость, и то лишь родители понимали, что говорил. В семь лет взяли Петю в районный городок в школу-интернат для глухонемых. В начале следующего учебного года Петя пропал. В пяти километрах от их деревни проходила железнодорожная ветка. Как оказалось, Петя ушёл из интерната на вокзал, забрался на тормозную площадку товарняка, почему-то решил, что все составы идут в сторону Березняков. И уехал на запад. Подали во всесоюзный розыск. В те долгие месяцы Григорий Калистратович молился как никогда. Петя пропал в сентябре, на следующий год в августе в районную милицию пришло письмо: в Куйбышеве (сейчас – Самара) задержан мальчик, похожий по описанию на Петю. Григорий Калистратович поехал. В Куйбышеве его из милиции направил в приют. Директор объяснил: «Выведут несколько мальчиков, один из них предположительно ваш сын». Мальчишки были одного возраста, одинаково одеты. Петренко побежал глазами по строю, и вдруг от него отделился Петя, худой, со счастливыми глазами:

– Папа! – бросился к отцу.

«Папа» произнёс с трудом, но произнёс.

Почти целый год ездил он на поездах, надеясь вернуться домой.

Они были чем-то схожи с Сеней. Оба белобрысые, с торчащими ушами.

До войны после Пети шесть раз рожала Варвара, четве-

ро умерли, Люба и Миша выжили. К Пете было особое чувство, замешанное на собственной вине, не уберegli от болезни мальчишку, хотя как тут уберeжeшь. Петя тосковал в интернате по дому, приезжая, прижимался к отцу, а когда смотрел в глаза, казалось, знает что-то такое, чего отец не ведаёт, а он сказать ему не может. Не ожесточился после своих мытарств, но если вдруг раздавался резкий звук, сжимался, как собачонка. А потом смеялся над своими страхами.

Петренко лежал рядом с Сеней. Слева по диагонали от окопчика, если смотреть в сторону немцев, метрах в трёхстах, росла купа деревьев, скорее всего, снайпер там устроил лежбище. Наши позиции оттуда как на ладони. Дать бы залп.

Петренко под прикрытием кустов отполз назад. Был у него запасной вариант – воронка. Доложил капитану о случившемся. Снежин выматерился:

– Эх, не сберегли пацана. Что ж ты... Ладно, больше не высывайся. – После первого залпа скорректируешь, может, и стрелка накроём, во всяком случае, очко у него сыграло! Подсыплем немчуре перцу, а то он заскучал.

Перцу подсыпали. Командный пункт накрыли со второго залпа. По первой и второй линии окопов прошлись. Немцы со своей стороны в долгу не остались.

С темнотой подползли к Петренко два разведчика, помогли вытащить тело Сени.

Накануне вечером, после ужина, Сеня протянул сложенный вдвое листочек:

– Дядя Гриша, это адрес тёти, если убьют, напишите ей. Она маме передаст, когда их освободят.

– Да брось ты, Сеня, тебе надо маму освободить. Я что ли за тебя должен? Ты на меня не перекладывай свою Варваровку.

Петренко написал в Серов. После войны лет пятнадцать переписывался с матерью Сени.

Она по описанию Петренко отыскала могилу сына. В той могиле похоронили ещё разведчика, подорвался на mine, возвращаясь из-за линии фронта.

Похоронка

История похоронки на Петренко надолго осталась в памяти деревни. И через двадцать лет вспоминали. Да что двадцать, Березников полвека нет на белом свете, Иван месяц назад к однокласснику зашёл, а у того мать-старушка, под девяносто, первым делом спросила:

– Ваня, рассказывали тебе, как на отца твоего похоронка приходила? Я ещё в девчонках была.

И смеётся.

Письма Григорий писал с фронта регулярно. Раза два-три в месяц приходил от него солдатский треугольник в Березники. Сердце Варвары обмывало радостью, когда кричала Надя Василенко:

– Тётя Варя, пляшите!

Надя была высокая, нескладная, скорая на ногу и громкая, тихо говорить не умела, требовала обязательно плясать в обмен на письмо. Варваре, как человеку в возрасте (далеко за тридцать), была скидка, достаточно было изобразить пару притопов, и треугольник оказывался в её руках. Молодых женщин Надя заставляла по-настоящему бить каблуками или пятками. Варвара, получая треугольник, с жадностью читала. Текст был примерно один и тот же, лишь в зависимости от метеоусловий на фронте менялось описание погоды. Да не в этом суть, не важно, что в письме, главное –

живой её Гриша. И вдруг замолчал. Месяц Надя-почтальонка не требует пляски, второй при встрече бодро повторяет: «Пишет вам дядя Гриша». В голову Варвары полезли нехорошие мысли. Вечером сделает всё по дому, дети уgomонятся, сама ляжет, и не может уснуть, думая всё то же: неужели что-то с Григорием случилось. Не представляла, как будет без него. Однажды после окончания собрания общины в сумерках шла с подружкой, Григорий догнал их, украдкой взял её за руку и крепко сжал. Для неё в том пожатии было всё – признание в любви, сватовство, желание навсегда быть вместе. Григория выделяла среди парней, но вида не показывала, и думала, она ему неинтересна... Двадцать лет прожили лучше не надо...

День стоял сухой, осенний, солнечный – на колхозном поле копали картошку. И вдруг доносится «мама». Голос дочери Любы, и ещё раз «мама», но уже голосом сына Миши. Распрямила спину от картофельного рядка, по полю её дети бегут и кричат:

– Мама, мама, письмо пришло с войны!

Это Люба. Миша вторит:

– Мама, не треугольник, конверт!

У Варвары сердце оборвалось, в глазах потемнело – похоронка. Схватила за руки детей, побежала, в голове стучит неотвязчивая мысль: убили её Гришу, убили!

Вбежала на крыльцо, пролетела сени, распахнула рывком дверь. Первое, что бросилось в глаза – конверт на столе,

большой и запечатан, заштампован. Слезы брызнули из глаз, схватила проклятое письмо, зашвырнула его за печку, сама в рёв:

– Убили нашего папку!

Упала на лавку, кричит в голос.

Почтальонка-Надя тоже решила: похоронка. Разнесла весть по селу. Похоронки долго обходили деревню. И вот первая. Одна соседка прибежала утешать, вторая. Пришёл дядя Григория, Лев Степанович, младший брат Калистрата Степановича. Дядя Лёва по возрасту под мобилизацию не попадал, работал в колхозе. Услышал от Нади-почтальонки о страшной вести, поспешил к Варваре. В доме стоял рёв, убивалась по мужу Варвара, масла в огонь подливали соседки, причитая: Гриша, он же муху за свою жизнь не обидел, таких мужиков поискать...

Лев Степанович тоже принялся утешать свояченицу:

– Война ведь, Варя, что поделаешь. У тебя дети, возьми себя в руки...

Попросил похоронку. Может написано, где убит Григорий, после войны надо разыскать могилу.

Варвара махнула рукой в сторону печки:

– Там.

За печкой были сделаны полаты, под ними валялся конверт.

Лев Степанович вскрыл конверт, пробежал глазами и захохотал:

– Дура, ты, Варя, ой дура. Григорий получил четыре благодарности от Сталина!

И начал громко читать:

– Ефрейтор Петренко Григорий Калистратович. За отличные боевые действия приказами Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина Вам – участнику блестящих побед над немецко-фашистскими захватчиками, объявлено четыре благодарности...

И начал перечислять, за какие боевые заслуги полка и лично ефрейтора Петренко Сталин дал благодарности, а зарёванная Варвара слушала и не знала – верить или нет.

– Смотри! – показал для убедительности бумагу с портретом Сталина, с красными знамёна по бокам, текстом с красивыми буквами и размашистой подписью командира части под ним.

– Папка живой! – закричала Люба.

– Папка герой! – закричал Миша.

Варвара снова пустилась в рёв, теперь от радости.

По деревне полетела новая весть: Сталин прислал Варваре полный конверт благодарностей.

Не писал Петренко потому – лежал в госпитале, в одном из тех боёв, за которые получил благодарности от Сталина, ранило в ногу. Лечился в госпитале и не хотел, чтобы Варвара паниковала из-за его ранения, поэтому решил, лучше молчать, чем врать. Не умел врать. А получилось ещё хуже.

После Парада Победы

Григорий Калистратович, возвращаясь после Парада Победы домой, мечтал снова сесть за баранку, да не получилось: машины в колхозе не было, назначили его заведующим колхозным складом. Место искусительное. Потому и назначили, руководствуясь соображением: баптист, значит, воровать не будет. Не воровал он. Через два дома от Петренко жили братья Остапик. Следили за ним, стремясь поймать за руку. Вовсе не за-ради сохранности колхозного добра проявляли инициативу с засадами и слежкой, не жалко им было зерна, муки и других питательных продуктов. Старший брат, Ефим, признается через много-много лет, незадолго до своей смерти. Столкнулись они с Григорием Калистратовичем на вокзале, и тот, и другой пришли на электричку, в Омск собрались. У Ефима сын там жил, Петренко к дочери Любе ехал. До электрички минут двадцать, тёплое летнее утро, сели два старика на лавочку на перроне. Ефим вдруг возьми и скажи. Надо понимать, червячок в душе глодал его.

– Калистратыч, – повернёт он лысую голову к собеседнику, – а ведь мы, дело прошлое, с брательником Яшкой стерегли тебя. Помню, муку колхозную привезли с мельницы, ты принял её, ну и в амбаре что-то делаешь. Дело под вечер, сумерки уже, осень. Мы с Яшкой под амбар залезли. Амбар помнишь колхозный?

– Как не помню, – с интересом слушал Петренко.

– Добрый был амбар. По сей день бы стоял. Залезли мы под него, лежим. Ну, разведчики, ети её в корень. А чё лежим, ждём воровства. Ты в торбу муку отсыплешь, амбар на замок, пойдёшь домой, а мы тут как тут: стоять! С поличным тебя цап-царап. Иди сюда, расхититель колхозной собственности. Врать не буду: жалеть тебя не собирались. Не для того ловили. Расчёт был: тебя в каталажку, а мы на место завсклада. Не вдвоём, конечно. У Яшки семь классов образования, председатель говорил ему: я бы тебя поставил на склад, да место занято. Вот мы и задумали освободить тёплое местечко. Размечтались, а ты с пустыми руками идёшь из амбара. Несколько раз караулили... Ты уж не обижайся, Калистратыч, время такое было, голодное.

Мать рассказывала Ивану, как ни просила она отца взять немного крупы или муки. Ведь никто и не заметит. Взять не себе, послать родственникам на Украину, те слёзно просили в письмах помочь, голодали после войны.

– На это отец всегда говорил, – вздыхала, – что никакая посылка с продуктами всё равно не дойдёт, распатронят по дороге. Ни со склада ничего не приносил домой, ни с магазина, когда продавцом поставили.

В отличие от братьев Остапик не любил Петренко хлебные должности. Как только машина пришла в колхоз, пересел за руль, а потом и вовсе в скотники перешёл, это перед пенсией, чтобы хорошую пенсию заработать. Скотникам хо-

рошо платили.

При повороте государственной политики к укрупнению колхозов, Березняки оказались не у дел, народ начал разъезжаться, деревня стала хиреть. В 1968 году разрешили баптистам открывать молельные дома. Вот тогда семья Петренко перебралась в районный городок. Они ещё успели продать свой дом, позже дома бросали, уезжая. Община баптистов выбрала Петренко пресвитером. Он внёс больше половины нужной суммы при покупке молельного дома.

Иван не один раз думал, мог бы он, как отец, стать баптистом, сложись жизнь иначе. До пятого класса, пока не уехал учиться в школу-интернат, присутствовал на собраниях баптистов, если проходили у них дома. Такие сходки были в о время запрещены, поэтому собирались со всеми предосторожностями, будто чай попить. Окна закрывали ставнями. Читали Священное Писание, пели. Отец подыгрывал. Он хорошо играл на гармошке, аккордеоне, скрипке. Инструменты освоил самоучкой, слушачом был, но играл хорошо. Приходили в основном женщины, два-три старичка.

Отец не принуждал детей, Ивану, когда он школу окончил, говорил:

– Без Бога я бы на войне погиб. Скольких ребят из полка похоронили. А ведь гаубичная артиллерия – не пехота, в атаку не ходили. Но и танками давили, самолётами бомбили. А я всю войну у немцев под носом. Лежишь на нейтральной полосе, немец вот он, рукой подать, голоса долетают, и снай-

пера хлеб даром не ели. Держи ухо остро. И здесь повезло. Всего один раз подстрелил снайпер. И то удачно – кость не задела пуля. Целился он в голову, узрел меня с биноклем... Или я вовремя сдвинулся, или он сплоховал, в левую руку попал. А обстрел начнётся, ты и корректируй, и за связь отвечай. Под Старой Руссой восемнадцать порывов насчитал, пока бой шёл. Ползёшь, ищешь, где провод перебило, вокруг земля ходуном. Молюсь в этом аду, прошу Бога помочь. Да и без войны всю жизнь с Богом... Взять нашего Петю, разве без Бога нашёл бы его. На войне так не молился, как в тот год. Был уверен, живой Петя... А наша Зорька?

Ивану было семь лет, в школу ходил. Не мог смотреть на умирающую Зорьку, убежал в баню, стояла она в конце огорода, и там, сидя на лавке, ревел белугой. На Зорькином молоке рос. Мама рассказывала, ещё говорить толком не умел, вечером увидит, она собирается корову доить, сразу требовать: «Где мой подой?» Подойник, значит. Было детское ведёрко, с ним шёл в стайку. Мама садилась под корову, причём первым делом доила Зорьку в этот «подой». Наполняла ведёрко, подавала сыну, он тут же, не отходя от коровы, опустошал ёмкость и только тогда отправлялся с торчащим из-под рубаки пузом по своим делам. Когда подрос, ходил с отцом или мамой за деревню в луга, когда их очередь выпадала пасти стадо. Был уверен, их Зорька – самая лучшая корова во всей деревне. Зорька была средних размеров, красной масти, с аккуратными рогами.

– Наша Зорька самая красивая, – с гордостью говорил маме.

– А как иначе, кормилица.

И вот Зорька умирает. Она отелилась, и выпала матка. Пришёл ветеринар, дядя Федя Бондаренко, с лохматой головой, в очках с толстенными стёклами. Как ни вправлял выпавший орган, не держался он в Зорьке, выпадал наружу... Дядя Федя попросил бутылку, ловким движением отбил донышко, тем самым сделал воронку, влил с её помощью во чрево животного льняное масло.

Через два часа пришёл ещё раз, осмотрев Зорьку, сказал:

– Не жилец она, Калистратыч. Мой тебе совет: резать, пока не сдохла.

Ноги уже не держали Зорьку. Её выволокли из стайки во двор. У отца под навесом лежали доски, постелил их на холодную апрельскую землю, на этот настил вдвоём с ветеринаром затащил Зорьку. Зорька безвольно соглашалась на все манипуляции с собой, смотрела на мир глазами, полными боли и грусти.

Отец взял сторону специалиста – резать. Мать встала стеной: не дам. Как без коровы. Деньги взять неоткуда, чтобы замену Зорьке купить, а дом полон детей. После войны у них родилось ещё трое, две дочери да Иван-последыш.

– Дело хозяйское, – сказал на причитания Варвары ветеринар, – решайте, если что – зовите.

Под вечер он заглянул ещё раз. Зорька всё также безжиз-

ненно лежала на досках.

– Калистратыч, я тебе говорю: надо резать скотинку!

Хозяйка мнение не поменяла, стояла на своём: резать не дам.

Всю ночь отец читал Евангелие, молился. А когда утром вышел на крыльцо, Зорька стояла во дворе как ни в чём ни бывало, с торчащей из неё бутылкой-воронкой с неровными острыми краями. И ещё лет семь кормила семью. Уезжая из Березняков, родители продали её родственникам.

Корреспондент Додошкин

Власти, разрешив баптистам иметь молельные дома, но в покое не оставили, контроль не ослаб со стороны партии, комсомола и надзорных органов. Посещать собрания разрешалось взрослым, дети – ни-ни. За этим следили строго, в том числе и школа. А тогдашние средства массовой информации вещали на массы об успехах идеологического фронта.

Работал в районной газете их городка корреспондент Додошкин, который взял на себя борьбу с «религиозным дурманом». Это был его конёк – раза два-три в квартал ратовал статьями за атеизм. Григорий Калистратович частенько попадал Додошкину на карандаш. С открытием молитвенного дома Додошкин увидел в Петренко мировоззренческого врага, с большим удовольствием спускал на него атеистических собак. Молитвенный дом без того был под постоянным контролем, в штатном расписании райкома партии имелась должность – инструктор по атеизму. Инструктор время от времени ударял рейдами по баптизму, обязательно брал с собой Додошкина вместе с его острым пером, которое через день-другой отчитывалось о проделанной работе фельетоном или хлёсткой статьёй.

В последнее время Иван частенько вспоминал давно почившего Додошкина, сталкиваясь в ютубе с роликами одного современного журналиста. В девяностые годы восторгался

ся Иван его телевизионными репортажами: всегда яркими, с динамичной подачей. Времена шли бандитские, репортёр ходил по краю, и каждый день на протяжении продолжительного времени бросал свои короткие репортажи в лицо обществу: смотрите, в каком непотребстве живём – воровство, бандитизм, тупизм. В те далёкие времена честно заработал имя. А потом размордел, забронзовел и стал один в один Додошкин. Последний чаще по баптизму бил, репортёр принялся ретиво обличать православную церковь. Додошкину, понятно, государство платило за атеизм, обличитель-репортёр тоже не задарма, поди, работал, платил кто-то. Неплохо, раз не сходил с церковной темы. Вещал с пьедестала, как и подобает обличителю. Патриарха называл по фамилии, попы у него были рвачи, обманщики, исключительно, на «мерседесах». Был он, как и Додошкин, человеком неглубоким, да от него глубины не требовалось.

Так что дело Додошкина живёт и процветает.

Иван болезненно воспринимал писанину Додошкина. И уж совсем возмутила статья, в которой Додошкин рвал на груди рубаху, он-де кровь проливал, сражаясь лицом к лицу с фашизмом на войне, а такие как Петренко в тылу со своим Богом ошивались.

– Давай напишем этому Додошкину! – убеждал отца. – Напишем редактору газеты. Они, конечно, не опубликуют, не извиняться, но хотя бы заткнутся в отношении того, что ты ошивался по тылам. У тебя награды, четыре благодарно-

сти Сталина, ты участник Парада Победы.

– Ничего писать не будем. Додошкин всё равно любую информацию вывернет в свою пользу. Бог с ним. Пусть пишет. Мы закон не нарушаем.

В тридцать два года Ивана назначили директором клуба. Буквально через месяц звонок из райкома партии: у вас будет открытый суд над сектантами. Свою роль в том деле сыграл Додошкин. Он разнюхал про детскую воскресную школу в немецкой деревне и своей статьёй заложил её. В принципе, школа была обречена: раньше или позже про идеологическую партизанщину узнали бы и врезали. Разве что статья Додошкина подтолкнула на показательный суд. Зал на триста мест был полон. В основном немцы-баптисты, в деревнях района их было много. Если отец Ивана свою общину зарегистрировал, немцы не хотели идти по этому пути. На суде на скамье подсудимых сидели двое. Учительница – организатор баптистской воскресной школы. Мало того, что вела религиозную пропаганду среди детей, что уже уголовно наказуемо, так ещё проводила занятия по изучению Библии под крышей деревенской школы. Второй подсудимый – руководитель незарегистрированной общины деревни. С его ведома существовала баптистская воскресная школа. Учительнице было под сорок, руководитель чуть старше. Получили они реальные лагерные сроки. Руководители общины дали четыре года (так и умер в тюрьме), учительнице – два. От клуба до машины, которая увозила их в тюрьму, шли осуждённые как

победители – ступая по цветам. По обеим сторонам дорожки выстроились шеренги баптистов, и летели под ноги узников букеты цветов из рук единоверцев. Иван стоял поодаль, запомнилась фраза, брошенная кем-то: а кровью коммунистов мы ещё будем крыши красить. Ивану фраза не понравилась, хотя коммунистом не был принципиально и приговор считал суровым. Учительница сказала на суде: «Я учила детей в воскресной школе любви, добру, честности, и вовсе не настаивала против советской власти, которая от Бога».

Додошкин разразился в газете целой полосой, описывая суд. В день выхода газеты, вечером Иван зашёл к родителям. Отец сидел за столом, перед ним лежала газета.

– Что скажешь, папа? – спросил.

– Даст Бог, когда-нибудь всё образумится. В Евангелии сказано и о гонениях христиан, и о наступлении торжества учения Иисуса Христа.

Свеча памяти

В День Победы Иван поднялся рано-рано утром, попил на скорую руку чай. Вывел машину из гаража. Договорились с сестрой Зиной, она была старше на три года, приедет к ней. Решил выехать пораньше, пока полиция спит. Она не лютовала, как в Москве, где требовались, куда бы ты ни ехал, пропуска, в провинции было проще, но лучше не сталкиваться со стражами порядка. По этой же причине Иван надел маску. Вчера в магазин пошёл, женщина в маске здоровается, а он понять не может – кто это. Оказалась, бывшая сотрудница, с которой проработали в клубе лет десять. И смех, и грех...

Утро разгоралось на славу. На небе ни облачка. Тепло по-летнему. Обещали до двадцати семи градусов. Победный день. Отец рассказывал, Германия девятого мая сорок пятого запомнилась солнцем, теплом, цветением яблонь.

Трасса была пустынной, фуры, ставшие обязательным атрибутом дорожной жизни, отсутствовали, граница с Казахстаном, он был рядом, закрыта на карантин. По обочинам стеной стояли в весёлой молодой зелени березовые леса. Весна ранняя, чаще в День Победы берёзы только-только выстреливали робкой зеленью, а то и голые стояли, в этом году полноценно шумели листвой. Иван уже попробовал в бане свежий веник, вполне. А с берёзовым соком прособирался. Двадцатого апреля берёзы распустились.

До Омска Иван доехал без приключений. Никто не остановил. Месяц назад был в Омске, город поразил пустыми дорогами, будто автомобилисты вымерли как класс. И прохожего люда практически не имелось на тротуарах. На этот раз картина выглядела иначе. Первый шок от коронавируса, зверствующего в телевизоре, улетучился среди простых граждан, утреннее движение по интенсивности ничем не отличалось от обычного. Зато чувствовался праздник. Навстречу прошли «жигули» с красным флагом, развивающимся на высоком древке, выставленном из окна дверцы. На ярком полотнище надпись: «Победа». Она подкреплялась громкой музыкой, летевшей из автомобиля, песней, ставшей символом праздника. Иван подхватил её, запел в полный голос:

Этот День Победы –
Порохом пропах.
Это праздник
С сединою на висках.
Это радость
Со слезами на глазах.
День Победы! День Победы! День Победы!

Обогнала колонна из пяти машин, тоже с красными флагами, среди них были и советские – с серпом и молотом. Во главе колонны чёрный агрессивного вида джип. Не будет

парада, не будет демонстрации, Бессмертного полка, и всё же...

Сестра жила на восьмом этаже в девятиэтажном доме. Сразу по приезду Иван облюбовал окно на кухне, где разместится со свечой памяти и фото. Фотографию взял ту самую, московскую, где отец с братом после Парада Победы.

К девяти вечера ещё не стемнело, запад светился лимонной закатной полоской. Иван затеплил свечу, специально в церкви купил большую. Подумал одно мгновение и повернул фотографию лицом к окну. Во дворе дома был детский сад. За ним буквой «Г» высилась девятиэтажка, ещё одна девятиэтажка – малосемейка, без балконов – была слева, она закрывала двор с западной стороны. С восточной его подпирала пятиэтажка. Перед ней белой стеной стояли ранетки-дички. В два этажа высотой, с широкими кронами они были сплошь в белом цвету. В детском саду росли тополя и большой куст цветущей сирени. На двух балконах девятиэтажки были растянуты красные флаги, на одном – российский трёхцветный.

Иван пробежал глазами по окнам, – свечей не было. «Неужели я один, – подумал. – Может, рано, светло ещё». В трёх домах насчитал всего пять окон, где горели лампочки. Стал ждать, осматривая дома, ещё в нескольких окнах загорелся свет. Полоса заката блекла, темнота сгущалась. Налил из термоса чай, любил заваривать в термосе, начал пить мелкими глотками. Свечей не было. Низко пролетел пассажирский самолёт, шёл на посадку. Неподалёку проходила трас-

са, сестра говорила, в последний месяц почти нет самолётов – издержки коронавируса.

В коридоре за спиной открылась входная дверь, послышались голоса, сестра с внуком Данькой, осенью в школу идёт. В этот вечер они нарушали режим самоизоляции – ходили к соседям на день рождения Данькиной однокашнице по детскому саду.

Данька вбежал на кухню, схватил с дивана заготовленную заранее пилотку, в ней в прошлом году ходил с Бессмертным полком, надел со словами:

– Деда Ваня, горят свечи?

Днём Иван посвятил его в суть акции памяти.

– Похоже, Даня, люди не знают. По телевизору не говорили. Ну и ладно – мы с тобой нашей свечой вспомним ветеранов, уже хорошо.

Данька пододвинул к окну стул, стоя на нём, припал лицом к стеклу.

– Деда, в малосемейке, – радостно закричал. – На втором этаже!

Иван присмотрелся. Точно. Неужели просмотрел. Сумерки стремительно сгущались.

– Дед, за садиком в девятиэтажке! – Данька показывал рукой на дом буквой «Г». – Между тополями смотри... И ещё на пятом этаже... А вон фонарик... Фонариком ведь тоже можно... И ещё один фонарик...

Глазастый Данька узрел свечу в окне на другой стороне

улицы. Между пятиэтажкой и девятиэтажкой, которая буквой «Г», была видна дорога, перпендикулярно к ней стоял ряд панельных пятиэтажек.

– Там я точно не увижу.

– Сейчас, – Данька спрыгнул со стула, убежал из кухни, вернулся с театральным биноклем.

Вооружившись оптикой, Иван отыскивал свечу за дорогой, затем прошёлся по окнам всех домов во дворе. Свечи были церковные и стеариновые, одна в специальной стеклянной баночке...

– Дед, если война, – Данька снова взобрался на стул, – пойдёшь воевать?

– Война, Даня, не дай Бог! Но если враг нападёт, как не пойти! Обязательно!

– И я с тобой!

Вошла сестра, спросила:

– Ваня, ужин греть, мы-то наелись на дне рождения.

– Подожду, когда свеча догорит.

– Война начнётся, – доложил Данька, – мы с дедом воевать пойдём!

– Вы-то, старый да малый, дадите врагу жару, враз лапки кверху задерёт!

– Придумал, – воскликнул Данька, – сейчас ролик снимать буду!

Данька был современным ребёнком. Семи ещё нет, но уже читал и ловко писал эсэмэски. С помощью отца завёл канал

в ютубе, без ложной скромности назвал его «Данька отличник», записывал и загружал туда ролики. Коротенькие, в десять-пятнадцать минут, они посвящались компьютерным играм. Лишь на одном, держа перед собой глобус, бойко рассказывал, где какие страны, города и континенты расположены. Ориентировался в географии верно, лишь Буэнос-Айрес почему-то оказался у него озером. Ещё был ролик, он больше всего нравился Ивану, Данька читал сказку и делал весёлые комментарии. Ивану звонил перед загрузкой очередного ролика, чтобы не дед забыл посмотреть, поставить лайк и написать комментарий. Радовался каждому новому подписчику своего канала. Призывал всех родственников подписываться на «Даньку отличника».

Данька включил свет в кухне, начал снимать смартфоном свечу, фотографию, при этом звонким голосом рассказывал, что на войне у прадеда Гриши был автомат ППШ, его наградили орденом Красной Звезды, а после войны он шагал на Параде Победы. С балкона, чтобы стекло не мешало, попытался снять огоньки свечей в окнах. Закончил ролик докладом о своей готовности идти с дедом на войну в случае вражеского нашествия.

А Иван вспомнил глаза отца, какими он смотрел на него ровно тридцать лет назад в ту последнюю их встречу в больнице накануне Дня Победы.

Маша-Маша – чудо наше

Кому за девяносто

Фантастикой видится продолжительность земной жизни прародителя Адама – девятьсот тридцать лет. Ной на шестой сотне лет родил Сима, Хама и Иафета, как подростки, построил с ними ковчег, в коем пережил потоп и после него ещё триста пятьдесят лет наслаждался красотами послепотопной земли. В результате Адама обошёл, преодолев расстояние в девятьсот девяносто лет. Если положить этот срок на историю христианской Руси, получается головокружительная дистанция. Долгожитель принял крещение у равноапостольного князя Владимира в Днепре, пережил нашествие Батыя, мог знаться со святым благоверным князем Александром Невским, участвовать в сражении на Поле Куликовом, молиться в Успенском соборе Московского кремля вместе с царём Иоанном Грозным, а через триста лет и с генералиссимусом Александром Суворовым в его походной церкви, мог оказаться в салоне, где читал стихи Александр Пушкин и на вечере, где громыхал со сцены Владимир Маяковский, пережил Великую Отечественную войну, Сталина, Хрущёва и умер при патриархе Пимене. Просто в голову не укладывается, вне понимания современного человека.

Ветхозаветный патриарх, родоначальник еврейского народа Авраама жил сто семьдесят пять лет, это с трудом, но укладывается в голову. В Индонезии живёт мужчина, которому сто сорок пять лет. Глядя на его фото, понимаешь, как это много. Девять сот девяносто лет – это вне современного понимания.

В моей журналисткой и писательской практике были две встречи со столетними старожилками. Оба родились до Первой мировой войны, оба перешагнули рубеж двадцатого века и вступили в двадцать первый. Один был ветераном Великой Отечественной войны, второй – ветераном тыла. Иван Яковлевич воевал в авиации, в это время Антон Васильевич работал на военном авиационном заводе. Что один, что второй на период нашего знакомства не отличались крепким здоровьем. Как сейчас говорят: соответствовали паспортным данным. Хотя, как сказать. Когда позвонил в квартиру Ивана Яковлевича, дверь открыл мужчина, которого я по простоте душевной принял за своего героя. С сочувствием подумал: сто лет прожить – не поле перейти. И каких лет: революции, войны, коллективизация, индустриализация... Однако я ошибся, на звонок вышел не герой, а его сосед, которому, как оказалось, по паспорту всего-то семьдесят восемь. На его исторический период выпало меньше войн и социальных катаклизмов, но выглядел, если и бодрее столетнего хозяина квартиры, ненамного. Поставь рядом, сходу и не определишь – у кого за плечами век.

Память Ивана Яковлевича подводила. В песне барда Юрия Визбора есть слова: «Я когда-то состарюсь, память временем смоем...» Время порядком прошло волнами по памяти ветерана: перемешало события, перепутало даты, приглушило краски детства, молодости, фронтовых лет. Воювал с немцами на западе, с японцами на востоке. В атаку не ходил, служил авиационным техником. Но среди наград – орден Боевого Красного Знамени, довольно редкий для младших офицеров, чаще им награждались люди с серьёзными звёздами на погонах.

– Не осталось во мне мясов, одни мослы – сыренизировал над собой, когда я, по просьбе фотографа, помогал ветерану облачиться в парадный пиджак, звенящий наградами.

«Мясов» и вправду немного осталось, зато «мослы» выдавали в прошлом могучего человека.

Второй столетний персонаж – Антон Васильевич – наоборот невысокий, щупленький, с острым носом, на голове седой пушок. Его память время не смыло. Без напряжения и с удовольствием извлекал из неё факты, которые имели место быть девяносто лет назад. Рассказывал о дружбе с первыми московскими пионерами, застал самое зарождение движения. По профессии строгальщик. В Омск эвакуирован из Москвы с авиазаводом. Довелось ему общаться с гением советской авиации Андреем Николаевичем Туполевым и гением ракетостроения – Сергеем Павловичем Королёвым. Вспоминая московскую молодость, вдруг ни с того ни с сего рас-

сказал о первой любви. В начале тридцатых годов познакомился с девушкой Вале́й. Дело шло к свадьбе, и вдруг застал возлюбленную с посторонним молодым человеком в ситуации, после которой о женитьбе и речи не могло быть. Столько лет миновало, а не стёрлась обида, не ушла в туман прошлого, не зарубцевалась на сердце рана, нанесённая коварной невестой. Получается – все эти годы жила в душе Валя. Память ветерана легко воскрешала события восьмидесятилетней давности. Они катаются на лодочке по Москве-реке, Валя в лёгком платье с короткими рукавами, он на вёслах, у девушки озорное настроение, опускает руку за борт и швыряет в кавалера полную пригоршню воды... Весело, солнечно, красиво... всю трудовую жизнь мой герой работал станочником, оставаясь в душе романтиком, артистом. Жил поблизости от завода, перед уходом на смену брал в руки баян и минут пятнадцать играл, звучали «На сопках Маньчжурии», «Подмосковные вечера», «Амурские волны»... И возвращаясь с работы, прежде чем сесть за стол, музицировал.

Глава дома Рокфеллеров Дэвид Рокфеллер перенёс за свою жизнь семь операций по пересадке сердца, два раза ему делали трансплантацию почек. Возможно, мечтал достичь возраста ветхозаветного Авраама. С восемью сердцами в сумме прожил сто один год. Антон Васильевич ни одной операции не делал, и также прожил век и один год. Такая сравнительная арифметика.

Однажды друзья организовали встречу с почти столетней

женщиной. Прасковье Павловне было девяносто девять. Поговорить нам практически не удалось. Больше рассказывала о жизни мамы её дочь. Бабушка сидела за столом, кивала головой, вставляла реплики. Чувствовалась апатия к разговору, энергии не было. «Год назад бы пришли», – посетовала дочь. Она, отвечая на вопрос, как мама прожила столько лет, сказала, что Прасковья Павловна по жизни всегда была спокойной, не огонь. Нервы имела железные. Но не размазня. Однажды пришла к ним комиссия с милиционером, выселять с двумя детьми из ведомственной квартиры. Прасковья Павловна открыла дверь с топором в руках и сказала: порубит всех, кто переступит порог. Вид её говорил, угроза не шуточная – порубит, несмотря на должности и погоны. Никто не решился сделать шаг навстречу топору.

Историк на седьмом небе, обнаружив редкий артефакт, меня вдохновляют люди, молодость которых совпала с молодостью моих родителей. И то, о чём не успел спросить маму и папу про их время, спрашиваю у их современников. Слава Богу, живы те, кто памятью легко обращается в довоенные и военные годы.

Марии Петровне Коробицыной девяносто один год. В отличие от Дэвида Рокфеллера, сердце вполне. Немного разволновалась перед нашей встречей. Накануне с вечера легла пораньше, как сама сказала: «Чтобы не сидеть сонной мухой», – но среди ночи, будто кто в бок толкнул, сна ни в одном глазу, пришлось выпить ударную дозу корвалола. Слух

у Марии Петровны вполне, без аппарата обходится, зрение позволяет читать книги. Что касается операций – четыре года назад сломала ногу, вставили титановый стержень в берцовую кость.

Живёт Мария Петровна одна в трёхкомнатной квартире, причём, в живописном месте, второго такого в Омске не знаю. Посреди микрорайона озеро. Пусть небольшое, да чистенькое, живое, мальчишки рыбу ловят. Несколько лет назад его едва не засыпали ненасытные домостроители, которые в погоне за прибылью готовы лепить дома друг на друге и впритык друг к другу, а тут такая площадь пустует. Засвербило у них в разных местах исправить непорядок. Среди чиновников всё схвачено-проплачено, оформили землю, покрытую водой, под возведение домов. Мария Петровна развернула бурную компанию борьбы за озеро, увидев технику, которую подогнали к водоёму, дабы сравнять его с землёй, памяти от озера не оставить. Об этом поведал сын Марии Петровны Сергей. Данный конфликт я решил оставить за рамками нашего повествования, попросил Марию Петровну, прежде всего, рассказать о её долгой жизни до конфликта с алчными застройщиками.

Когда мы пришли к Марии Петровне с её сыном Сергеем, первым делом хозяйка поставила на стол картошку с курицей, тонко нарезанное сало, салат из свежих овощей, а также свекольный с грецким орехом. Последний был украшен большой розой, сделанной из тонких ломтиков свеклы.

Сергей наполнил рюмки вишнёвой наливкой. Выпили, Мария Петровна тоже намахнула рюмашку, и начала рассказывать.

Мама

Мама была не из молитвенниц, про себя, наверное, молилась, но иконы дома ни одной не помню. Говорила, что везли с собой Николая Угодника, где-то по дороге затерялся образ. Мама совершенно неграмотная. В нашем спецпосёлке Заречное организовали ликбез. Посещение обязательное, хочешь, не хочешь – иди. Смеясь, мама рассказывала, соберут баб безграмотных. Учебное пособие – букварь с картинками.

– Ну-ка, Коробицына, читай, – скажет учитель маме. – Это какая буква?

– Сы, – читает мама.

– Это какая?

– А.

– Это?

– Нэ.

– Это какая?

– И.

– Что получилось вместе?

– Розвальни, – говорит мама, глядя на картинку.

– Где ты видишь розвальни?

– А что телега что ли? – резонно отвечает мама.

– Не телега, но из прочитанных тобою букв розвальни не складываются. Написано «сани».

Мама плечами жмёт, мол, вам виднее. Учительница терпеливая, к следующему слову переходит.

– Коробицына, читаем дальше. Буквы ты вроде знаешь. Уже хорошо. Какая буква?

– Рэ.

– Следующая?

– А.

– Эта?

– Мэ.

– Эта?

– А.

– Вместе какое слово?

Учительница уверена, ответ будет правильным. Мама смотрит на рисунок с рамой и уверенно отвечает:

– Окно!

Никакие «сани» и «рамы» в голову её не идут, на уме одно, чем завтра деток кормить?

Сколько себя помню в детстве, постоянно есть хотелось. Что дома, что в рыбном техникуме.

Случай тот, конечно, у меня в памяти не остался, мала была, мама рассказывала. Едва не похоронила меня заживо. Годика три мне, болезнь прицепилась и дохожу до точки... Ни доктора, ни фельдшера в посёлке. Ручки, ножки, тельце опухли.

– Гаснешь на глазах, – рассказывала мама, – вижу – всё. То беспокойно себя вела, орала, тут утихла. Глазки закрыла...

В соседях у нас Ахметшины жили, татары. Много наций собралось в посёлке, но дружно жили. Мама пошла к дяде Инсору, попросила гроб сделать. Хороший был человек. С рыбалки придёт, маму крикнет:

– Катерина, с кателка ходи к нам...

Мама котелок берёт... Дядя Инсор рыбой наполнит...

Дядя Инсора попросила гроб сколотить. В первые годы ужас как хоронили в спецпосёлке... Могила общая, кто в тряпку покойника завернёт, если есть, а кому и завернуть не во что было. Мама меня хотела в гробу похоронить. Дядя Инсор с пониманием отнёсся, но какую домовину мог сколотить? Сбил ящик из нетёсаных досок. Мама что-то на дно постелила, уложила меня. Сама ревёт, у папы прощения просит – не уберегла дитё.

У мамы с папой восемь детей родилось. Анастасии сто двадцать лет исполнилось бы нынче, на двадцать девять лет старше меня. Замужем в Шадринске жила, когда родителей раскулачили. Одна с нами не поехала. Андрея в Гражданскую войну мальчишкой случайно убили, Алексей умер в восемь лет, пятеро нас поехали в ссылку: Лена, Миша, Наташа, Саша и я грудничок.

Папа и мама – полная противоположность. Про дворянские корни папы сестра Лена рассказала, мама не посвящала меня в это. Мой дед со своим отцом, получается моим прадедом.

– Я тебе покоряться не буду! – отрубил дед.

И уехал на Урал. Стал коннозаводчиком, разводил породистых лошадей. Племянница пытается восстановить родословную по архивам, но до конца пока не выяснила. Дед на Урале женился. Папа, его звали Пётр Егорович, пошёл по крестьянской линии. Он был 1878 года рождения, а мама, Екатерина Ивановна, младше на семь лет. Её папа взял из соседней деревни – Татарки. Папа в Первую мировую войну попал в германский плен, год жил в Германии. Где образование получил, не знаю. Самым грамотным в Новопетропавловке, это Шадриского уезда село, был. Если кому бумагу официальную написать – прошение или жалобу – шли к нему. Никому не отказывал. Хозяйство вёл широко. Лошади, коровы, овцы, свиньи. Много сеял зерновых, возил на ярмарки продавать. А кроме всего прочего – жеребца выездного имел, в селе у него одного был выездной конь. Рысак орловской породы, звали Орёл.

Когда колхоз стали организовывать, папу стали сватать в председатели.

– Егорыч, кто кроме тебя! Ты лучший хозяин!

Отказался, сказал, что государю один раз присягают. Человек умный, понял, больше не получится хозяйствовать как раньше, безропотно в колхоз жнейку, молотилку отдал. Три или четыре лошади, пять коров на колхозный двор свёл, овец десятка два... Себе оставил пару коров, пару свиной, рабочую лошадь и выездного жеребца. Пожалел Орла, понимал, ухайдокают коня в общем табуне.

После это наивно посчитал, теперь-то не раскулачат. Комбедовцы с милиционером завалились к нам, мама как раз стряпалась. В печи в чугунках завтрак поспевал. Мама взмолилась: дайте поесть в дорогу.

– Никаких «поесть»! – грубо оборвали. – Живо собирайтесь!

Комбедовцы нас вытурили, отправили с обозом, сами расселись в нашем доме, и ну из печи метать на стол. Наелись досыта маминой стряпни, захотелось развлечений. У отца были специальные розвальни для праздничных выездов, сиденья тканью оббитые, даже оглобли разукрашены. В них запрягли Орла. И нахлёстывая, полетели по селу. Накатались, вернулись, ворота открыли, а Орёл сделал шаг во двор и упал замертво – загоняли коня.

Когда скомандовали комбедовцы «собирайтесь», папа ухитрился под видом надобности в туалет выскользнуть во двор. Была у него шкатулка на чёрный день – золотые монеты, драгоценности... Ему бы раньше её спрятать, подвела самоуверенность – не раскулачат.

Папа драгоценности успел спрятать, решил не брать с собой. Конечно, пропало всё. Мама знала, куда сунул, перед смертью папа сказал, да как она могла уехать из Заречного? Папа в дорогу тулуп одел, отличный новенький овчинный тулуп до пят. Комбедовцы сорвали с плеч, сунули худой полушубок, дескать, кулаку и этого хватит.

Сначала нас в Леушах поселили, два или три месяца там

жили. Открытие навигации ждали. Леуши ближе к Ханты-Мансийску, Заречное ниже по Оби. Высадили в Леушах на берегу: живите как хотите. Через полгода отправили в Заречное. Почему и как не знаю. Тоже на берег высадили и стали выживать. Папа по дороге простудился, в Леушах умер. И могилки от него не осталось. В один год страшное наводнение накрыло Леуши, кладбище смыло. Мамина могилка в Заречном, да тоже, поди, не найти, столько лет никто у неё не был.

Перед смертью папа наказал:

– Катя, береги детей!

Ни один из нас не умер по вине мамы. Мишу и Сашу война взяла. И я недолго в гробу-ящике лежала. Мама плакала-плакала и вдруг засомневалась. Пушинку из подушки взяла, к моему носу подносит, а пушинка дрогнула, затрепетала. Мама ещё пуще залилась слезами, едва живую дочь не схоронила.

– Мам, ну и схоронила бы, – говорила ей.

– Нет, доченька, обязательно знак дала бы мне. Могла присниться: «Мама, зачем живьём закопала?» Изводилась бы до конца дней своих: неужто и в самом деле родную дочь живой в могилу упрятала?

Заикание

Школу я окончила в войну, в 1943-м. Это меня сейчас в Заречное тянет, а тогда, где бы ни жить, только не там. Решила поехать в Тобольский рыбный техникум. В войну его перевели в Ханты-Мансийск, совсем рядом с Заречным стал. Нашей артелью руководил Кожевников, хороший человек, очень хороший. Ростом я вымахала в полтора метра вместе с каблуками. Сёстры-братья тоже не потолок не подпирают, но и не маленькие – среднего калибра, я – махотка. То ли от недоедания, то ли от чего ещё, не пошла в вышину. Мама говорила: «Маня, ты от коллективизации в рост не удалась». Как бы там ни было – не доходяга изнеженная, силёнкой Бог не обделил, в работе от других никогда не отставала.

Перед войной стали рожь сеять за рекой. Посёлок на горе, на крутом берегу, а на левом – луговины, земля хорошая. покосы – любо-дорого косить, ровненько, никаких кочек. Травы на заливных лугах вымахали, заблудиться можно, с головой скрывало. Хорошее сено. Вывозили копёшки на лодках. Мужики работающие, лентяев не ссылали в коллективизацию – исключительно трудовой народ. Всё умели, что-то у хантов по ходу дела переняли. Понятно, не с лодками в ссылку ехали, на месте понаделали. Как же у реки без лодки. Обширенная – километра три, в разлив и того больше. Пока гребёшь, ведро рыбы в лодку напрыгает. Детям-внукам рас-

сказываю, не верят: бабуля рыбацкие сказочки баить. Правда, внук недавно увидел в интернете у китайцев такую историю, тоже плывут на лодке, а рыба к ним заскакивает, вроде, и мне через китайцев поверил. Ты гребёшь, вёслами буровишь воду, рыбу пугаешь, она – в разные стороны прыгает, какая в лодку залетает... Рыба не соровая – окунь, щука или язь – эта у берега, или в затоках, а в реке – белорыбица. И ловить не надо. Поварихе отдашь, снова бригада с ухой, или жарёху повариха сделает.

На луговой стороне, мы ее ещё Плешково называли, целину подняли, стали сеять рожь, отличная вызревала. Зайдёшь, колосья по шею, да колос тяжёлый, налитой. Косили лобогрейкой. Потому лобогрейка, что не замёрзнешь на ней, только успевай пот со лба вытирать. Лошадь лобогрейку тащит, мы следом – девчонки, бабы – снопы вяжем. Лобогрейка сломается, бабы не ждут, когда отремонтируют, серпы в руки и обязательно бригадиру скажут:

– Маньку давай в подмогу, жнёт, как швейная машинка, не отстаёт от нас.

Проворная была. Снопы в суслоны поставим, они высохнут. Дальше наступает время молотить. Ток далеко от поля, возили мы, девчонки, на лошадях. Я хоть и ростиком всего ничего, огонь была. Лошадей не боялась, умела с ними обращаться. Себе поймаю, взнуздаю, подружка бегаёт-бегаёт за своей, попросит:

– Маня, поймай, не слушается меня.

Мне не в тягость, чтобы мой конь не убежал, повод уздечки к поясу привяжу. Лошади хоть и спутанные, а всё одно, надо поймать. Раз вот так ловлю, моя лошадь возьми и укуси меня за плечо. Да больно так. Не понравилось ей хвостиком за мной ходить. Норовистая была.

Снопы возили на арбе. Четыре колеса, борта высокие. Нагрузишь, сколько лошадь потянуть может, и везёшь. В тот раз еду, а по дороге ручеек узенький, два-три метра шириной, не больше. Ложбинка по ней ручеёк бежит. Мужиков в бригаде не было. Какие мужики, все на фронте. Старичок один и бабы, они сколотили мостик из досок. Хороший мостик. Не знаю, какими путями, я ли виновата, лошадь ли неудачно повернулась: перед мостиком моя арба стала крепиться и опрокинулась. Лошадь остановилась, стоит. Снопы по земле рассыпались. Я в панике – кинулась арбу на колёса ставить, а куда там. Не всякому мужику под силу с такой тяжестью справиться, а я пигалица. Начала реветь... Последняя с поля ехала. Небо вверху, пашни по сторонам и я у перевёрнутой арбы одна-оденёшенька. Реву. Не уйдёшь, не бросишь – каждым куском, каждым снопом в войну дорожили. Лошадь как стояла, так и стоит. Скотина изработанная, рада отдыху. А меня отчаянье взяло, как быть? И дождик вроде как собирается... Замочит снопы...

Тётя Стеша Хабина, через стенку барака Хабины жили, учила Бога просить, как тяжело. Не мама, а тётя Стеша учила молитвам. Стала я твердить: Боженька, хорошенький, помо-

ги поднять! Реву, прошу. И на коленях стояла, и вокруг арбы бегала. День к вечеру клонится, а я как та бабка из сказки у разбитого корыта. В один момент подошла к арбе... Господи, прошу, помоги... Упёрлась двумя руками, арба раз и встала. Я от радости запрыгала, давай снопы складывать... Отвезла на ток, разгрузилась. И поехала на стан. Он капитально был оборудован. Мужики успели до призыва на фронт поставить барак, сложить с печку. Даже две. Одна на улице, стряпуха в жару там готовила, а в холод – в бараке растапливала...

Приехала я с тока к ужину, бригада за столом сидит. При моём появлении загалдели: пропащая явилась. Я стала объяснять: так и так, арба у мостика перевернулась... Про то, что Бога молила, само собой, ни слова. Говорю, сначала не могла поставить арбу, а потом раз – и получилось.

Все давай хохотать:

– Вот уж, Манька, ты врать, так врать! Арба перевернулась, она, богатырь, силач – три года ломал калач, сама её подняла-поставила!

Я им:

– Езжайте да посмотрите, если не верите, поди, следы остались, как на боку арба лежала.

Обидно слышать про враньё.

А им весело:

– Сейчас, – говорят, – ложки бросим и поедем искать, под каким кустиком ты дрыхала полдня!

Бригадир Харлов тоже не поверил:

– Ну, Манька, вижу, выпалась ты, девонька, сѣдни! А уж баиньку каку наплела – арба у неё перекувыркнулась на ровном месте! Долго, поди, голову ломала, чего бы нам сочинить в оправданье.

Накануне утром я бригадиру выдала претензию: поспать не даёт лишний часок, гонит на работу ни свет ни заря. На севере летняя ночь с гулькин нос, часа четыре не набезит. На западе одна заря не успеет погаснуть, батюшки свет, на востоке другая занимается. Работали от зари до зари. Не успеешь до подушки дойти, упасть, уже Харлов кричит:

– Подъём, хорош ночевать!

А ты вроде только легла, на другой бок за ночь не успела ни разу повернуться.

Харлов и решил: я ничего умнее не придумала, пока никого вокруг нет, устроить себе сон-час. Завалилась на снопы и дрыхла полдня под видом переворота арбы.

Никто не поверил.

Сын Серёжа тоже вон не верит. Говорит, арба сначала была сырой, потом на солнышке высохла и легче стала, вот я и осилила её. Никакой Бог тут ни причём.

Я ему говорю:

– А как избавление от заиканья объяснишь?

Собралась я в сорок четвёртом в Тобольский рыбный техникум. Говорила уже, в войну его в Ханты-Мансийск перевели. Теплоход ходил туда. Решила поехать. Семь классов окончила, надо дальше учиться. Учителя говорили: Маше

Коробищиной обязательно надо учиться. Мама разрешила: поезжай. И жалко младшенькую отпускать от себя, а куда деваться. Кожевников, председатель нашей артели, справку дал. У нас не колхоз, артель была. О, вспомнила, Григорием Пантелеймоновичем Кожевникова звали. Сегодня ночью, когда не спалось, начисто вылетело из головы, как звали-величали Кожевникова. Хоть ты тресни, не могу вспомнить. А сейчас выскочило – Григорий Пантелеймонович. Бабы больше Гришей звали. Какие побойчее, подлизываясь, Гришенькой, бывало что, назовут. Но уважали и боялись. Хороший был человек, очень хороший.

Пришла за справкой. Он как чувствовал:

– Что, Маша-Маша – чудо наше?

В хорошем настроении называл меня так. Понимал, сирота. У других отцы на фронте погибли, так хоть росли с отцами, а я своего вообще не знала.

– Что, Маша-Маша – чудо наше, – говорит, – вижу по глазам, решила смотаться от нас. Бросить артель на произвол судьбы.

Ему каждая пара рук на вес золота, мужиков нет. А я на работу злая. Что ни поручи – с прохладцей не могла. Как впрягусь, не остановишь. Сейчас вспомню себя тогдашнюю – откуда столько силы бралось? Что значит молодость.

Кожевников с пониманием отнёсся. Мог бы начать мурыжить, дескать, сейчас не могу, надо план давать, потерпи, потом. В его полной власти дать или нет справку, без которой

спецпоселенец не человек. Не то, что в техникум не поступишь, уехать далеко не дадут... Сестре Наташе года за четыре до войны так всё осточертело, что пустилась в бега. Надоел лесоповал с ломовой работой, села на теплоход... Нацелилась до Новопетропавловки добраться, там бабушка жила. До Хантов – Ханты-Мансийска – доехала, а в Хантах милиция к ней: куда, гражданка, намылился? Откуда едете? Ваши документы. А какие у неё документы, вот я вся перед вами! Завернули беглянку обратно... Она потом смеялась:

– Всем дала пример, бесполезно бежать.

И вправду, не бегали после неё зареченские.

Кожевников со мной по-человечески поступил, выписал справку:

– Учись, Маша – чудо наше! Девушка ты серьёзная, должен из тебя человек получиться! В обиду только себя не давай! Люди разные бывают! Иной подъедет с конфетами да пряниками к девчонке и обманет.

Пришла домой со справкой, надо радоваться, а меня ужас взял. В чужое место, к чужим людям ехать, а я заика! В техникуме не школьные учителя, поблажки не жди. В школе разволнуюсь, слова не в силах произнести, учитель посадит, успокоит: потом, Маша, потом. А там, запнусь, буду как рыба открытым ртом воздух хватать... Взмолилась Богу. Плачу, прошу избавить от дефекта... Мама, слышу, спит, я слезами обливаюсь: Боженька, помоги горемычной, хочу учиться, но как быть... Вспомнила науку тёти Стеши: проси у Бога по-

мощи, когда неумоготу...

Заикой как сделалась? Пять лет было или уже полшестого. Время голодное. Дома ни крошки – ни муки, ни картошки... В рифму заговорила, а тогда смерть... Лето началось, да в лесу ещё ничего не созрело. Маме и на работы надо ходить, и о нашем пропитании думать. Она приспособилась тайком бегать в Малый Атлым. Утром спозаранку поднимется и туда... недалеко, три километра идти, но через речку, тоже Малый Атлым, надо перебраться. Хотя и Малый, да метров десять-пятнадцать шириной. Однажды мама едва не утонула, чудом выбралась. В Малом Атлыме кому дров порубит, кому постирает, что-то сделает. Ей там кусочек какой дадут, или рыбы сушёной, ещё чего-то. За пазуху сложит, принесёт нам, а мы ждём её. Раздаст каждому. Тогда ещё комендатура была. Маму заподозрили в плохом, что ни день исчезает, на работу или вообще не выходит или опоздает.

В году тридцать третьем или тридцать четвёртом, точно не помню, врать не буду, детский садик открыли в соседней деревне, такое же спецпоселение, как наше. Сестра старшая рассказывала, ведёт меня в садик, а я кричу:

– Я есть хочу, есть хочу!

Она уговаривает:

– Маня, не реви, зайдём в детский садик, тебе кусочек хлеба дадут.

Мне не потом, сейчас надо.

В восемь лет пошла в школу, а идти не в чем. Купили ка-

лоши, где нашли, не знаю, тряпками обернули, и пошла я в первый класс. Перед войной лучше стали жить. В тридцать седьмом магазин открыли – конфетки, пряники. Лучше стало, в тридцать восьмом булку хлеба давали. Всю ночь стояли в очереди. А в тридцать девятом Финская война и все заглохло, опять стали плохо жить. Финская война три с половиной месяца шла, да нам хлеб урезали. Но прошло с полгода и опять наладилось.

Отвлеклась я, про заиканье начала, а вон куда занесло. Мама бегала в Малый Атлым заработать какой кусочек. Прознали, что она рано утром вкрадчи убегает куда-то. Бабы могилы копают, её нет... Были и такие работы – рытьё могил. Зимой в первые годы много спецпоселенцев умирало, болели люди на новом месте. Жили скучено. Мама всё удивлялась, как я вас никого не потеряла там. Зимой морозы грянут, земля как камень, попробуй тут выкопай могилу. Начальство придумало летом готовить кладбище к зиме. Как земля оттаёт, женщин гонят на эти работы. И не моги не пойти, спецпоселенцы люди подневольные – под статьёй, меня в два года привезли, всё равно статью только в 1953-м сняли... Все копают, а мамы нет. Милиционер заявляется к нам. Страшное дело как недоволен.

– Ты почему, Коробицына, не выходишь на работу? Ты где пропадаешь? Ты что лучше всех?

Мама не робкого десятка, я в неё удалась.

– А кто моих деток кормить будет? – пошла на милицио-

нера. – Ты? Бери, корми! Отдаю! Вот они все трое – забирай! Не хочешь?! То-то и оно. Я утром бегу в Малый Атлым, какой кусочек заработаю, этих галчат покормлю.

Ему до «галчат» дела нет, ему свой порядок вести.

– У всех баб дети, а работают! А ты сколько намерена уклоняться от работы?

– Сколько надо, столько буду!

Он разозлился, пистолет выхватывает из кобуры. Был, как рассказывали, психоватый, не любил когда перечили. Любил власть свою показать.

Я рядом стою. Подумала – стрелять будет.

Он раз маму рукояткой пистолета по голове, кожу рассёк, кровь пошла да сильно хлынула. Я испугалась. И с той поры сделалась зайкой. Разволнуюсь, вообще ничего сказать не могу. У нас в посёлке семилетка была. Училась хорошо... Не так отлично, как брат Саша, тот идеальный ученик. Его и через десять, как окончил школу, в пример ставили. На круглые пятёрки учился, а у меня попадались четвёрки. Учителя с сочувствием относились к моему заиканью. Урок устный спросят, я: а-а-а... Слова не могу вымолвить. «Ладно, – скажет учитель, – садись Коробицина, – вижу, знаешь». Может, не заикалась бы, и отличница была.

В ту ночь перед отъездом в Хаты-Мансийск я до того плакала, до того молилась... Утром поднялась, мама еду на стол ставит из печки, я за стол села и разговариваю с ней, как обыкновенный человек. Мама уставилась на меня, ушам сво-

им не верит. И я сама себе не верю:

– Мама, я же говорю с тобой? – спрашиваю.

– Говоришь! – мама головой кивает.

С той поры никакого заиканья.

Сын Серёжа и здесь не верит:

– Это у тебя шок был, потом другой шок (испугалась из дома ехать) его вышиб! Клин клином вышибают! Шок на шок в сумме – исцеление.

Ага, одиннадцать лет шок ничем не перешибался, тут клин на него появился!

– Ты, сынок, – говорю ему, – пиши на моём примере диссертацию.

Хохочет. Прошу его окреститься.

– Я, – говорит, – ещё не созрел.

Тут я виновата, вовремя не позаботилась. Жили в глуши на Ангаре, когда он родился, церкви не было... Потом в школу пошёл. А теперь седьмой десяток и не крещёный...

Опять я в сторону нырнула. Поехала в техникум в юбке из мешка.

Во время войны у меня была сетёшка, худенькая. Лодку вскладчину на три семьи купили, в очередь пользовались. Не в Оби рыбачила, в речушке, рыба соровая: – окунь, щука, язь. Да всё одно – еда. С вечера поставлю сеть, наутро ведро рыбы. Маме принесу, высыплю, а сама с тем же ведром в лес бегу. Лес рядом, грибов насобираю, маме отдам, она режет, сушит в русской печи, я тем временем бегу за черни-

кой, она рано поспеваает. Сначала черника, потом голубица. Чернику сушили, аптека хорошо принимала, на эти деньги купить можно было какую-то тряпку, одеться. А что мы одевались, Боже мой. Американцы сахар присылали, а мы из мешков сахарных делали одежду. Когда поехала в техникум, у меня была юбка из американского мешка, а красили корой, получалось коричневого цвета. И штаны нижние такие же. О вспомнила, материал тик. Наперники из него делали. Плотный, крепкий.

В таком наряде поехала я в техникум.

Рыбный техникум

В Ханты-Мансийске поступила в рыбный техникум, потом нас в Тобольск переправили. Поселили у кремля в Дом наместника. До нас в нём размещалась артиллерийская школа из Ленинграда. Её обратно в Ленинград перебазировали, нас на её место. Когда мы приехали, окна в здании были побиты. Мороз под сорок градусов. Нас в подвалах разместили. Сводчатые подвалы. Настоящие подземелья. В комнате двадцать пять девчонок. Тоже холодрыга. Железная печка, дрова где хочешь, там бери. А взять негде. Утром встаём, у каждого кружечка, если дрова есть, снегу в неё набиваешь, на печку железную ставишь – попить, не до умывания. Хлеб давали такой, что не хлеб, а какой-то кусочек. На обед баланда. Было три отделения: добытчиков, технологов и судоводителей. Ребята учились на судоводителей, я – на технолога.

В подвале и учились. Смех и грех в первый тобольский год. Приходит старичок, преподаватель по литературе, ему восемьдесят, кое-как дошёл, за руки привели. Мы на кроватях сидим, он – за столом. Говорит-говорит, устанет, головой на руку упадёт. Мы голодные, и он не лучше. Голод его сморит сном, а мы кто во что горазд. Кто под одеяло залезет, кто улизнёт. Урок закончится, девчонки старичка разбудят, уведут. Так и учились в ту зиму. Была ещё англичанка, будто бы самая настоящая, ещё до революции её в Тобольск за-

несло. По-русски с акцентом говорила. И от неё мало чему научились. Сытое брюхо к науке глухо, голодному и подавно не до знаний. Англичанка лепечет-лепечет, а у тебя кишка кишке бьёт по башке, какой английский, спрашивается, в голову полезет.

После уроков отправляли в лес за дровами для столовой, баланду на обед варить. Берёзки пилили, на санках привозили в техникум. Специально был склад, там дрова для столовой хранились под замком. Себе тоже пилили в подвал, но не хватало, ночью ходили в город тротуары деревянные распатронивать. Снег разгребём до досок, рубим, отрываем, тащим в спальню. Не мы одни такие охотники до тротуаров. Иной раз ищешь-ищешь и не найдёшь, до нас уже поработали.

От этих работ, от голода середине зимы у меня руки отнялись, опухли – не могу ложку держать. Подружка моя закадычная Галя Первалова кормила меня с ложечки. Хорошая девчонка была, развесёлая, грусть-тоска не брала её. И со мной немощной веселится, кормит да приговаривает:

– Кушай, моя холёсенькая, Манюся, кушай моя девочка ненаглядная!

Ей смешно, а мне хоть плачь.

– Галя, – говорю, – будешь издеваться, я тебя ногами запинаю.

А кому там запинывать. Галя на полголовы меня выше, в кости широкая, а меня в карман можно засунуть.

Пошла в больницу, врач осмотрел мои руки, спрашивает:

– Девочка, ты на какой лесозаготовке работаешь?

– Учусь, – говорю, – в рыбном техникуме.

Он покачал головой. Второй врач зашёл в кабинет, посмотрел на мои руки. Потом слышу, один другому говорит: «Плохо дело».

А я отошла. Сколько раз Господь Бог давал мне воскреснуть. Иногда обращаюсь к Господу:

– Господи, прости меня. Мне бы молиться, благодарить Тебя день и ночь, а я ленюсь. Умирала и воскресала твоей милостью.

В группе училась Зина Шубина. За дровами пошли, она вдруг упала. Мы её на саночки положили, привезли, затащили в подвал, так и не встала бедняга. На Завальном кладбище похоронили. Идём от могилки. Галя Перевалова шепчет:

– В церковь хочу зайти!

– Так иди, – говорю.

– Боюсь одна.

Зашли. Никогда до этого в церкви не была. И хорошо мне стало. Хорошо и всё. Галя ко мне жмётся. Здоровенная дылда, а заробела. Я как в родной дом зашла. Потом ещё несколько раз специально ходила. Было бы близко, чаще ходила, а то далеко. Всё мне какие-то преграды, так и не стала церковь родным домом.

С Галей Переваловой всю дорогу вместе держались. Верная девчонка. В беде никогда не бросит. Задумали после тех-

никума вместе на Дальний Восток ехать. Посмотреть, что за океан. Можно было в Астрахань, в арбузные края или в Салехард. В Салехарде до этого побывали, захотели через всю страну на Дальний Восток. Гале проще – езжай куда хочешь, у меня загвоздка – 58-я статья как у спецпоселенца. Не пу-
стят в погранзону.

Прихожу к начальнику милиции Тобольска. Он говорит:
– Девочка, с чем ты пришла?

Мне восемнадцать, а я шибздик, да ещё худая, думали, подросток. Я ему объясняю: дают направление в Астрахань, а я хочу на Дальний Восток. В техникуме говорят: пустили бы, да у тебя статья в паспорте.

– Хочу, – говорю начальнику милиции, – чтобы вы её убрали. Тогда могу на Дальний Восток ехать.

Жалостно его прошу, слезливо.

Он посмотрел на меня и говорит:

– Знаешь что, девочка, приходи через неделю...

Через неделю прихожу. Он попросил ещё неделю подождать, должно решиться в положительную сторону. Я обрадовалась. Гале говорю, мол, поезжай, не жди меня, я позже, хочу к маме в Заречное заскочить. Она и уехала.

Начальник мне через неделю говорит, на «вы» уже:

– Больше не ходите, я для вас ничего сделать не могу. Хотел, но не могу.

Пожалел меня, как ребёнка. Мог бы сразу отшить, нет, пошёл навстречу, пытался что-то сделать. Я поняла, не об-

манывал, искренне хотел помочь.

Уехала моя Галя. Мы долго с ней переписывались. В техникуме чудили. Я выдумщица была, а она хоть куда со мной. Ходили в тот раз по ночному Тобольску в поиске дров, ходили. Ничем не разжились. Другие добытчики раньше нас тротуары посрывали. Галя говорит:

– Девчонки у нас ни полешка в комнате, даже снег растопить завтра нечем.

– Давайте, – говорю, – из склада возьмём.

То есть, украдём. Склад на замке.

Моя Галя, гвоздиком пошуровала в замке и открыла. Наворovali мы дров. По принципу: брать так брать. Не на один раз. Притащили в подвал. Куда девать? Проверять обязательно придут. Найдут и накажут.

– Давайте, – говорю, – в кровати.

Дрова длинные, под матрацы, одеяла подушки аккуратно положили, кровати заправили. Комар носа не подточит.

Баланду столовой варить, а кладовка открыта, дров нет. После нас ребята поживились. Директор с завхозом пошли по комнатам искать. У ребят нашли, что они не успели сжечь, у нас тоже во все углы заглянули, под каждую кровать.

– Да где же дрова? – завхоз говорит.

Они лежат под одеялами и ни мур-мур.

Несколько дней на них держались. Топорик у нас был, нарубим ночью, утром подтопим, чтобы не снег есть, а водичку попить.

А потом окна поставили в здании мы перешли наверх, по-настоящему стали учиться.

На практику в первый раз ездили Малый Алтым, на следующий год в Салехард. Очень богатый был консервный комбинат, выпускал продукцию для Америки. Из США шли на завод сахар, специи, томатная паста, мука. Консервы были исключительные. Деликатесы, которые сейчас вообще не готовят. Осетрина, муксун, нельма. Консервы делали из муксуна и нельмы. Баночки примерно такие, как сейчас, высоконькие. Вкус изумительный. Нынче на свой день рождения, девяносто один год, решила постараться что-нибудь подобное сделать. Я ведь специалист рыбной промышленности, технолог, как-никак. Щуку свежую купила, тефтели сделала. Хотела томат сделать. И паста своя домашняя, и масло растительное хорошее купила. Как ни умудрялась, не получается тот вкус. Далеко не тот.

Американцы присылали очень хорошие растительные масла. Арахисовое, помню, было. Рыбу тебе на куски порежут, масло кипит, туда опускают в специальной посудине с ручкой, а дно сетчатое, где-то пять минут держат, затем вытаскивают, и на конвейер, конвейер с рыбой движется, другой, узкая лента, с банками. В банку рыбу положил, дальше в банку добавляется заливка, и сок томатный заливается. Затем банка закрывается. Баночки были двух размеров.

Сутки мы работала и двое – дома.

Рыбу чищу, подготавливаю для жарки, сырую есть не бу-

дешь. Но Галя моя дорогая подруга работала в цехе, где обжаривали рыбу. Она тихонечко в тряпочку рыбку обжаренную завернёт, принесёт. А в другом цехе сок наливают, туда подружке кусочек рыбки принесёшь, она тебе соку нальёт стаканчик – всяк умудрялись. Шкодничали, конечно, голод не тётка.

Придём с Галей в цех, где баночки закрывали. Гвоздик с собой. Скажем девчонкам:

– Пойте громче.

Девчонки понятливые, как затянут:

Расцветали яблони и груши,

Поплыли туманы по реке...

Мы с Галей тук-тук, дырочку в банке пробьём, а то и в двух сразу, и сосёшь сквозь дырочку. Что за сок был вкусный! Высосешь банку до последней капли, на место поставишь рядом с другими, будто так и было. Сделали брак. Да ничего, американцы богатые, они деньги сами себе печатают.

Два месяца в Салехарде были летом на практике. Работала бригада гослова, а в ней старики, женщины да подростки. Мужиков не было, мало кто с войны вернулся. Сейнера были, ловили неводами. Муксун, нельма, пыжьян (сиг), сырок (пелядь), осётр.

А когда диплом стала писать, я был технологом, училась на отделении. Училась четыре года после семилетки. На

практике в Салехарде были месяца два летом.

Четыре года училась. На Дальний Восток к Гале моей дорогой 58-я статья не пустила, тогда я поехала на Байкал. Любопытная всю жизнь была, что это за Байкал такой, думаю, надо посмотреть, что там за омуль ловят. И попала на рыбзавод на остров Хужир. Позже в Старый Балаганск перебралась, тоже на рыбзавод. Там замуж вышла, Серёжу родила. Но это потом. Сначала на Хужире работала.

Волк

На Хужире волка повстречала. До сих пор в глазах – сидит на дороге. Серый, чистый. И здоровый! Я примерно на расстоянии метров двадцати от него. Как ждал меня.

Работала на рыбзаводе. У нас по Малому Байкалу или Малому морю было пятнадцать пунктов. Мне надо было в тот день сбегать на один проверить – глазировка рыбы по стандарту идёт. Ледяная корка на рыбе должна быть не более двух миллиметров. До посёлка двадцать пять километров. Для меня ерунда. Коньки надеваю, норвеги были, и полетела по Байкалу.

До Хужира разу на коньках не стояла. Ребята, что на сейнерах работали, все как один катались. Завод на берегу, вечером электрические огни горят. А лёд чистый-чистый, как заливной. Ребята гоняют по нему.

– Научите, – прошу.

– Бери да пробуй.

Дали коньки. Недолго я коровой на льду ездила. Быстро дело пошло. А потом стала кататься хоть лицом вперёд, хоть спиной. Вирази закладываю, с шиком торможу, чтобы крошка веером.

Вечером коньки для удовольствия, с ребятами погонять, днём по пунктам ездить. В тот раз на пункте всё проверила и решила к бурятам сходить. Это таёжная часть побере-

жья Байкала, сбегаяю, думаю, в их посёлок на ёхор. Танец бурятский. Мне нравилось ёхор танцевать. Я парней бурят хороша знала, девчонок. От рыболовецкого пункта километра три пробежала по Байкалу на коньках, дальше в тайгу надо углубиться. Добежала, переобулась, коньки на плечо, иду, а легко на душе, что-то под нос себе напеваю. Погода отличная, заканчивался январь или самое начала февраля, уже солнышко большое. И вдруг, батюшки свет, волк на дороге. Будто ждал меня. Сидит. Я столбом встала. Он на меня смотрит, и я смотрю. Глаза умные, спокойные, уши торчат, на ногах и животе светлее шерсть, хвост на дороге лежит, кончик серый. Я не шевелюсь, и он не шевелится. Замерли оба. Я взмолилась, как тётя Стеша Хабина в Заречном, учила: «Боженька, миленький, помоги...»

И напугалась, и сумбур в голове, мысли бешено работают сразу в нескольких направлениях, Бога прошу, заставляю себя на месте стоять, не показать испуг волку. Потом вспомнила, как брат Сашенька в лесу медведя встретил.

Как обычно компанией пошли на несколько дней по орехи. Кедрач у Заречного хороший. В тот день ребята пошли шишку собирать, а Саша остался у шалаша, обрабатывать шишку, которую раньше набрали. Слышит, кто-то идёт, поворачивается – медведь. Близёхонько от него остановился и смотрит. Саша стал про себя повторять: «Тебе одна дорога, а мне другая, тебе одна дорога, а мне другая». Сам камнем замер, и медведь стоит, смотрит. Долго смотрел, потом по-

вернулся и ушёл, не тронул. Медведей много было в тайге заречной.

Я вместе с молитвой стала повторять: «Тебе одна дорога, а мне другая». Не скажу, сколько мы с волком так испытывали друг друга. Он сидит, и я ни с места. Может, какие-то секунды, но мне казалось. Хорошо, период свадеб волчих не наступил. Недели две до них оставалось. Вот когда волк – страшный. С ружьём ли без – лучше не встречаться. В свадьбы они поодиночке не ходят. Злые, отчаянные. За год до этого учительницу на Ольхоне разорвали. И не ночью домой пошла, светло было...

Мой волк поднялся. У страха глаза велики. Мне показалось – очень большой в холке. Зажмурилась на какое-то мгновение, думаю, на меня сейчас бросится, он повернулся боком ко мне и махнул в тайгу. От дороги подъём шёл, волк в гору пустился. Снег глубокий, несколько раз проваливался. Я жду, пусть с моих глаз скроется, тогда и я побегу.

И ведь не повернула назад, не припустила на коньках к рыбакам, побежала ёхор с бурятами танцевать.

Что было, то было.

Братья Миша да Саша

Мама рассказывала, что отцовские слова: «Катя, береги детей», – стояли у неё в ушах всю жизнь. Когда получила похоронку на Сашу, закричала: «Петя, прости, убили нашего Сашу». Он погиб под Ленинградом.

Мужиков трудпоселенцев или спецпоселенцев (по-разному нас звали) в первые месяцы войны не тронули мобилизацией – неблагонадёжные. Только в сорок втором весной сняли ограничение, детей кулаков тоже стали отправлять на фронт. С началом навигации вверх по Оби пошли теплоходы с молодыми парнями. Спецпоселений много по реке стояло и в тайге стояло.

Миша в леспромхозе работал, километров сорок от нас. Домой не успел заскочить попрощаться. Сообщил – забирают. Мама пошла в Малый Атлым. Около Заречного не все теплоходы останавливались, берег неподходящий. В Малом Атлыме много таких как мама собралось. Женщины в большинстве, матери. Теплоход подошёл, ребята увидели родных, ринулись на левый борт. Центровка нарушилась, теплоход начал заваливаться. Капитан кричит: «Перевернёмся! Срочно на правый борт!» Парни вовремя среагировали, отхлынули. Не перевернулся теплоход. Под завязку загрузили! В трюме вплотную друг к другу сидели!

Большинство из того первого призыва попали на Ленин-

градский фронт. И бессчётное количество полегло их.

Брат Саша учился в Тобольском педагогическом техникуме. В школе круглый отличник все годы. Ехать в Тобольск учиться, надо брать справку у председателя артели, документ на право выезда из Заречного. Как Саше не дать – вся школа встала бы на дыбы. В учёные пророчили его. Так и говорили учителя: Саша будет учёным. Его в школе долго помнили. Как же – исключительный ученик. Погиб Сашенька.

А ещё зять наш, муж Наташи, не вернулся с войны. Я рассказывала, она сбегала с посёлка. Вернули, а вскоре замуж вышла. За местного, наполовину русский, наполовину манси – Виктор. Сестра дочь родила, а в сорок первом его забрали, не спецпоселенец, сразу мобилизовали. В разведке служил. Написал письмо с фронта: «Моя дорогая, отправляют глубоко в тыл к немцам. Прощай, наверное, навсегда». Письмо пришло, а следом похоронка.

Из всей родни один Коля, муж сестры Лены, живым вернулся, Николай Павлович Меженин. Мои братья с одной стороны защищали Ленинград, он с другой. Когда Колю просили рассказать про войну, он отказывался:

– Чё там говорить – все круги ада прошёл.

Умер в 1988 году, в конце апреля. Перед смертью повторял:

– Лена, ты бы знала, как я хочу до Дня Победы дожить. Выпить последний раз за неё.

На фронте солдаты мечтали об одном – дожить до Победы

и в мирную жизнь вернуться, Коля, уходя из жизни, мечтал ещё один День Победы по-солдатски отметить.

После прорыва блокады его контузило. Бомбёжка с воздуха шла такая, что земля дыбом вставала. Улетели самолёты, Колины товарищи говорят: где-то здесь Меженин должен быть. Ни следа не видать, не бросили, взялись за лопаты. Нашли, а он никакой. Полная контузия. Срочно в медсанбат, потом в госпиталь. Одыбался Коля и опять на передовую. В Германии Победу встретил. Повторял, вернувшись с войны:

– Вот такие вот дела: голова моя цела, руки-ноги целы, чешутся для дела! Наливай, а то уйду!

На что Лена говорила:

– Сейчас я тебя почешу сковородником!

И хохотали оба! Хорошо жили. А цельность рук потерял Коля в мирной жизни – пилой-циркуляркой отхватило. Дрова пилил и не уберёгся. На войне пули да осколки мимо свистели, тут угораздило – под пилу сунуть руку. Но косил не хуже двуруких мужиков, рукоять литовки пристегнёт к плечу, и айда траву валить...

Братья его, Василий и Пётр, без потерь с войны вернулись. Мы с одного края барака жили, Меженины с другого. Мать их, тётя Нюра, сильно верующей была. В сорок втором году в один день всех троих призвали. Тётя Нюра вручила каждому листок с молитвой «Живый в помощи Вышняго». Написала в трёх экземплярах, сказала: раз не выучили, обязательно при себе держите в гимнастёрках, не расставайтесь никогда.

А лучше выучить и повторять каждый день. Сама постоянно молилась за них. Строгая была. Я раз вечером заскочила к ней, мама зачем-то послала, тётя Нюра у икон стоит, не поворачивая головы, бросила:

– Маня, подожди!

У двери лавка, я по привычке, плюхнулась, в ногах правды нет, и тут же вскочила – она стоит, я расселась, как барыня.

Помолилась тётя Нюра, только тогда стала со мной разговаривать. Ходила всегда без спешки, с прямой спиной, голова обязательно платком повязана. Говорила размеренно.

Всех трёх сыновей вымолила.

Кабы не Коля, мы о брате Михаиле ничего не знали. На него похоронка не приходила. Коля в Ленинграде с ним столкнулся в сорок втором году.

– Иду по Ленинграду, – рассказывал, – дождик моросит, а навстречу Миша.

Мишина часть обеспечивала Дорогу жизни через Ладогу. Нам ни одного письма не успел написать. Я потом ездила в Ленинград. Нашла место, где, Саша воевал, где погиб. Пошла в военкомат, всё разузнала. Про Мишу сообщили в 1961 году, пропал без вести. Я так считаю, раз Дорогу жизни обеспечивал, значит, или утонул или под лёд ушёл. Немцы Дорогу жизни постоянно под прицелом держали.

В 1961 году поехала я посмотреть, где братья воевали. Думаю, может, могилы найду. В военкомате меня отправили: езжайте на станцию, это в пятидесяти километрах от Ленин-

града, рядом со станцией деревня, там братское захоронение. Скоро, говорят, будем на этом месте обелиск с фамилиями погибших ставить, и ваш брат будет в списках.

Я тут же поехала, а по дороге с женщиной, Олей звали, из Красноярска, познакомилась, у неё тоже брат под Ленинградом погиб. Мы с ней потом переписывались несколько лет. Учителем музыки работала в школе, баянистка. Приехали, пошли от станции, там участок огорожен, с комнату площадью, может, метров шесть на три. Оградка из штакетин, а на них, едва не на каждой штакетине фото погибших. Родственники приезжали и оставляли фотографии. Имя фамилию напишут, годы жизни. Строишь, и плачешь: сплошь молоденькие – восемнадцать, девятнадцать, двадцать лет. Ходим с Олей от одного фото к другому и ревём. Красивые ребята... Сашина фотография лежала у меня в сумочке, не повесила, пожалела. Всего одно фото было у нас, как потом маме в глаза смотреть? Мне бумагу прислали из Ленинграда, что имя брата внесено в список погибших, который на обелиске. Его, говорят, хорошо видеть, когда по железной дороге едешь. Да я больше так и не собралась к брату на могилу съездить.

Мы с Олей пошли по окрестностям, в одном месте дорожка идёт, и огромные сосны стоят. Думаю, как война их не тронула. А мне говорят: они после войны выросли, можно сказать на могилах. Очень много похоронено.

Одного местного стала спрашивать, он из соседней дерев-

ни. Я ведь такая, не могу не зацепиться языком. Стала расспрашивать, что да как было. О войну подростком встретил. Немцев, рассказывал, отогнали, а на месте боёв шаг шагнёшь – труп, шаг шагнёшь труп. Запах стоял невыносимый. Власти нанимали местных жителей, платили хорошие деньги, они собирали убитых и хоронили. Рыли глубокие ямы... И наших бойцов, и немцев...

Приехала к маме, всё рассказала. Поревели с ней. И Миша, и Саша, что один, что другой – слова плохого не скажешь. Саша вообще идеал, да и Миша водку не пил, маму почитал, работающий. Всё говорил: «Женюсь, дом построю, маму к себе заберу». Ему отец перед смертью наказывал, дескать, ты теперь старший у нас. Жизнь у нас стала налаживаться в году тридцать седьмом, но потом война с финнами подкосила, сразу хуже стало. Почему-то эта война на нас повлияла. Однако перед войной с немцами снова выправилось дело, хлеб уже продавали, по режиму послабления дали, хочешь работай, хочешь живи как знаешь. Документы не давали выезжать, но на работы не гоняли. Миша работал в леспромхозе и мечтал свой дом построить...

– Не уберегла я сыновей, – говорила мама.

Начну успокаивать:

– Ты-то при чём тут, такая война!

Она скажет:

– Нюра вон вымолила своих, все с войны вернулись...

– Зато, нас, дочерей, – скажу, – всех вырастила.

– Только что тебя едва живой не закопала, – скажет сквозь слёзы. – Как Бог надоумил пушинку к носу поднести. Она дрогнула... Я как представила: живьём тебя в могилу... Мучилась бы всю жизнь.

Сон

Стал донимать сон – Заречное в цветах. Снится и снится. Едва не каждую ночь. В Заречном протока или затока. Весной по большой воде сильно разливалась, потом вода спадала, но всё одно много воды, а посередине остров. Цветов всегда росло. Одни из первых – жарки. Большой луг и весь горит, зелёная трава и огоньки цветов. Охалками рвали. Перед Троицей соседки, Хабина да Меженина, попросят: девчонки, принесите цветов. Мы расстараяемся. Протока глубокая, по-хорошему на лодке бы плыть, нет лодки – всё одно знали место, где перейти можно. Рубашонки задерём, на голове завяжем, штанишек не было, место для глаз оставишь и бредёшь по воде. Обратно с цветами. Ромашек у нас мало встречалось, а вот незабудки росли. Вроде простенькие цветы, но я их очень любила.

На луговой стороне – черёмуха. Просто сад черёмуховый, столько росло. Голова кругом от запаха, настолько густой и насыщенный, хоть ножом режь. Начнёт цвет облетать, земля белым бела под деревьями. Багульник тоже своя красота, как зацветёт. А сколько черники, голубики, брусники. Клюквы не было поблизости, по клюкву практически не ходили, бруснику бочками заготовливали. И кедрач. Мужики, парни шишковали. В тайгу только пешком, на телеге не проедешь. На месте заготовливали и обрабатывали шишки, а чистый

орех на себе тащили из тайги. Миша с Сашей всегда ходили, без орехов мы не сидели, пока ребят на фронт не забрали. Орех выручал нас здорово. Что только из него не делали. Нашёлкаем, немного мучки мама добавит, накатает, запечёт, сытно и вкусно.

А грибов сколько было. Заготовители сушёные на ура принимали. А также бруснику, сушёную чернику. Собирали, сдавали – всё лишняя копеечка. Теплоходы редко около Заречного останавливались, но бывало. Пойдёшь с ягодой, продашь пассажирам...

Летом можно было жить. Во время войны я разжилась сетёшкой, не ахти какая, а выручала. Лодка на троих соседей была куплена. По очереди пользовались. Сетёшка моя не для Оби, на речке ставила, на протоке. Там соровая рыба – щука, окунь, язь. С вечера на лодку сажусь, ставлю сеть, а наутро ведро рыбы. Бегу с ней к маме, вывалю, опорожню ведро, сама с ним в лес. Тут же рядом грибов, маслят, скажем, на собираю, домой принесу, мама их сушит, а ты снова в лес – теперь за черникой. Она рано поспевала. Сначала черника, потом голубика шла. На луговой стороне росла чёрная смородина и красная, люди знали места, на лодках туда плавали. Не помню, чтобы смородину я собирала. За реку плыть надо. Малины крайне мало было. И землянка редко-редко попадалась. Событие – кустик земляники найти. Где-нибудь на бугорке вдруг увидишь красные ягодки. Радости тогда. Зовёшь подружек, кто с тобой: идите скорее – земляника!

Сбегутся, ахают, охают, нюхают. По сей день аромат помню. Самая запашистая из всех ягод.

Стали мне снится окрестности Заречного. Поляны жарков, незабудки... Будто иду, как когда-то за цветами... Рву их – украсить наш барак. Букет – в нём жарки, ромашки (хотя они вместе не цвели, ромашки позже, да и мало их было), незабудки. Все цветы, что росли у нас, в тот букет собрала... И такое счастье на сердце, такая радость...

Проснусь после такого сна сама не своя. Думаю, надо ехать. Было это в 1996 году. Самый развал в стране, денег в обрез, всё равно – надо. Зовёт родной край. Мама уже умерла, одна сестра Лена в Заречном осталась. Приехала туда под вечер, ночь с Леной проговорили, утром она на работу, на пенсии была, но подрабатывала, а я пошла по любимым местам. Жуть. Свалка. Засорили окрестности села, изгадили. В помине не осталось красоты, в которой я росла. Загажено, вырублено, захламлено. За реку, жаль, не удалось съездить. Некому было свозить.

И как пошептал кто после той поездки, перестали сны с цветами сниться. Бывает, лежу ночью без сна, начинаю представлять Заречное, остров по весне, черёмуховые заросли на луговой стороне, или склоны, багульник поросшие... Но чтобы это когда приснилось – никогда больше...

Но в Заречном хочется побывать.

Да куда мне теперь? Отъездила своё – умру ещё по дороге, наделаю забот людям. Серёже говорю: а и похоронишь меня

в Заречном, чтобы не таскаться. Рядом с мамой. Беда только, боюсь, могилку её не найдёшь. Сколько лет без догляда. Заросло за двадцать лет, как сестра Лена уехала, больше никто там не был.

А умирать легко, это поняла, когда ногу ломала. В один момент хорошо-хорошо сделалось, поплыла я. Но вдруг глаза открываю – медбрат передо мной. Нерусский был, татарин. Потом опять всё поплыло, исчезло. Снова глаза открываю, он передо мной. Думаю, что он стоит. А он выхаживал меня. Не дал умереть. И повезло, врач, он мне штырь титановый вставил, сказал:

– Если бы, бабушка, шейку бедра сломала, не выжила.

Видимо, и тут срок не пришёл. Снова Бог воскресил. Мама всё удивлялась:

– Как я тебя живой довезла в санях, ведь мороз был жуткий. Отец взрослый, простудился, а у тебя даже соплей не было. Зато потом два раза умирала.

А как начнёт рассказывать, как в гроб меня положила. И обязательно заплачет. Вроде в шутку начнёт, что уж горевать, столько лет миновало, но всё равно со слезами закончит.

– До того была опухшая, – рассказывала, – чуть дотронешься до тебя – орёшь от боли. Опухла, как водой налита... Потом затихла. Закричала я: «Умерла моя Манечка!» Время пришло гробик, ящичек этот, с тобой выносить. Хабина мне вызвалась в помощницы. Жду её, на кладбище идти. Присе-

ла рядом с тобой и смотрю, какая-то не такая ты. Тут-то Бог и надоумил. Головой крутнула, гляжу – из подушки перьевой пушинка торчит, выдернула, к носику поднесла... Да как зареву дурнинушкой! Хабина вбегает, перепугалась за меня, думала: помешалась с горя. Я ей: «Живая ведь Манька! Живая! Чуть девчонку не схоронила живьём». Выхватила тебя из гробика... И ну скакать по комнате...

Маме как-то говорю, уже в девушках была:

– Мам, ну и схоронила бы, кто узнал: жива, не жива?

– Нет, доченька, ты бы мне обязательно знак потом дала...

Во сне ли приснилась или как... Я бы мучилась всю жизнь, родную дочь живой закопать... Как жить с этим...

Коронавирусная дурота

Марии Петровне исполнилось девяносто два, и засобира-лась она в Заречное. Что ни ночь, снится родной посёлок (пусть был он «спец» долгое время), весенний, цветущий. Заросли черёмухи на луговой стороне, будто молоком обли-тые... И запах медовый. Даже дурманящий запах от белых гроздьев чувствовала во сне. А ещё жарки! В прохладе утра горящий оранжевым огнём луг. Кажется, вот-вот пламя лиз-нёт подступающий к лугу лес, тот полыхнёт задорным пла-менем. Проснётся – и сама не своя, нет на душе покоя.

– Серёжа, надо ехать, – стала твердить Мария Петровна сыну. – Напоследок пройтись по посёлку, на кладбище к ма-ме сходить.

– Ты же сама говорила, – возражал сын, – не найти могил-ку.

– Найду не найду, а на кладбище побывать – уже дело. Мама простит, зовёт. Бог даст, и в Леуши к папе заедем. Его могилки вообще нет, а всё одно. Никто к маме и папе нико-гда не придёт – я одна осталась, значит, надо ехать.

– Да куда ехать?! – заводился Сергей, – случится по дороге что. Давление подскочит, сердце заболит! Мешок таблеток каждый день пьёшь, штырь в ногу. Куда? А в твоём Заречном что? «Скорой» точно нет, и фельдшер, навряд ли есть. Там сейчас живёт двести человек всего.

– Я тебе говорю, ничего не случится. А если в Заречном помру, с мамой похоронишь. Как хорошо.

– Ты хоть понимаешь, что ты несёшь? – выходил из себя Сергей. – На стороне далёкой лежи, мама дорогая, радуйся. А мне как тут жить тогда?

– Не умру, не торопись хоронить. Вот съездим, а там видно будет.

– То «хорони», то «не хорони»! Мама, давай уже не разводи турусы на колёсах! Ночью не спится, всякую всячину напридумываешь, а потом меня достаёшь фантазиями на вольную тему.

Сергей хоть и не мог спокойно слушать мечты Марии Петровны, не мог промолчать в ответ на её прихоти, в душе считал: помечтает и угомонится. Бывало не раз. Лет десять назад на Байкал засобиралась. Просто бросай всё и вези её. Он тогда ещё работал.

Однако Сергей ошибся. Мария Петровна стояла на своём, была в одну точку: едем! И Сергей сдался. Глядя на мать, утвердился в мысли: а ведь доедет. Если разобраться, не такой длинный путь, меньше суток на поезде, дальше по воде или по дороге. Не жадничать, купить места в мягком вагоне. В кои-то веки в полном комфорте. Решили в мае отправиться в путешествие по родным местам, не так жарко. Синоптики грозились знойным летом.

– В мае как раз на цветение попадём! – воодушевлённо говорила Мария Петровна. – Надо будет лодку взять да на

луговую сторону сплавать в черёмушники.

– Тебя на вёсла посадим! – подхватывал Сергей тему.

– А чё! Я ещё как гребла, бывало!

– Ага! И рыба тебе в лодку будет мешками заскакивать!

– Тебе бы только подсмеяться над матерью!

Окрылённая идеей поездки Мария Петровна даже зарядку стала делать. Само собой, без отжиманий и поднятия тяжестей. Повороты, наклоны головы, размахивание руками. Каждый день часовые прогулки по улице.

И вдруг гром среди ясного неба – коронавирус, самоизоляция, маски на нос и рот, перчатки, мыть руки по десять раз на дню, сидеть дома, никого к себе не пускать... У восьмидесятилетней подружки Марии Петровны из соседнего дома скандал с дочерью произошёл. Та хотела мать под домашний арест от коронавируса посадить, забрать ключи от входной двери. Старушка отбилась, боевая, в охране военного завода всю жизнь работала. «Помру так, помру, – заявила дочери, – я что зечка, век воли не видать, дома сидеть! Мне нужно общение!»

Мария Петровна тоже сыну заявила:

– Да что это за такое? Сиди дома и не рыпайся! Я так быстрее окочурюсь! Врач говорит: не засиживайтесь, не залёживайтесь, свежий воздух, движение – это жизнь.

– Ходи по квартире, – говорил Сергей.

– Как тигр в клетке?

Договорились, в магазин ходить не будет, прогулки вокруг

дома продолжит.

– Маску обязательно одевай, – настаивал Сергей.

– Меня мама в три года хоронить хотела, в гроб уложила, а ничего, сколько лет после этого живу без всякой маски.

Не хотела слышать никакие «нельзя».

– Обещают за месяц скрутить в бараний рог этот вирус, – уверенно говорила, – сразу надо ехать, пока ещё какую-нибудь дуроту не придумают.

«Дуроту» продлили на май, при этом говоря, навряд ли маем дело окончится, а потом вторая волна будат. Мария Петровна услышала об этом и сникла. Перестала делать зарядку, ходить на улицу. Сергей пытался расшевелить её.

– Мама, давай на дачу свожу. Хорошо там. Первые числа мая, а лето. Шутка ли, на сегодня тридцать градусов обещают.

– Ничего, Серёжа, не хочу уже.

Сергей привёз с дачи первую редиску, Мария Петровна всегда радовалась, резала кружочками, посыпала крупной солью. Именно крупной, тут съела целиков парочку плодов без аппетита. И черемшу, любимую её черемшу восприняла без эмоций. Сергей попросил товарища, тот на север области ездил, привезти. Покрутила пучок в руках, вздохнула:

– Серёжа, забери себе, всего уже наелась.

– Мам, давай накрошу, толкушкой потолку, как ты всегда делала, со сметанкой.

– Не, Серёжа, забери, дома сделаешь себе...

После этого Сергей позвонил мне и пригласил на черемшу. Запомнил, что я более чем равнодушен к таёжному чесноку. И пожаловался:

– Сдулась бабушка. Ничего не поможет, кроме Заречного. Надо везти, иначе уныние доконает. А если везти – сейчас. Снимут, нет дуроту коронавируса к лету. Она может и не дотянуть. Как ни приду, сидит тупо на диване... Или лежит. Скажу: «Сама говорила – нельзя залёживаться». Рукой махнёт, отстань, дескать. Никогда такой апатии не было. И слабеет заметно. А как везти? Ни в вагон, ни в самолёт её не пустят, только на машине. У сына джип, может, прорвёмся. Придётся заночевать по дороге. А что делать? Боюсь, захиреет без Заречного. Сейчас сыну позвоню, а потом ей, пусть настраивается бабушка на черёмуху в цвету на луговой стороне...